

Очерки

ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ КИРГИЗИИ

С. УМУРЗАКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ КИРГИЗИИ

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Фрунзе — 1959

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящая книга, явившаяся результатом работы автора в течение ряда лет над литературными, картографическими и архивными источниками, имеет своей целью дать научно-популярное изложение истории географических исследований и открытий Киргизии с древнейших времен до середины XIX века. Она составлена в виде отдельных очерков, тесно связанных и взаимно дополняющих друг друга, и являются первой частью задуманного автором большого монографического труда.

Редактор

ПРЕДИСЛОВИЕ

История исследования территории Киргизии охватывает длительный период времени. Богатая и разнообразная природа страны постоянно притягивала к себе внимание исследователей. Первые сведения о ней сообщают античные географы. В средние века по территории Киргизии проходит важнейшая торговая магистраль. В этот же период Тянь-Шань часто посещается путешественниками.

Интерес к природе края особенно возрос за последние столетия, когда победа новых, более передовых производственных отношений ознаменовала собой бурное развитие науки и культуры. Многочисленные географические и картографические произведения китайских, русских и западноевропейских авторов свидетельствуют о значительном расширении знаний о природе страны.

Начиная с XVIII века видную роль в познании природных условий Киргизии стали играть русские исследователи. Однако качественно новый, научный этап в истории географического изучения страны наступил значительно позже, в третьей четверти XIX века, когда Киргизстан, благодаря присоединению к России, привлек внимание многочисленных исследователей.

П. П. Семенов, Н. А. Северцов, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов, А. Н. Краснов и другие русские ученые своими замечательными трудами заложили основу совре-

менных представлений о природе Тянь-Шаня и Алая. Заслуга русских исследователей в истории дореволюционного периода географического изучения Киргизии, в выяснении ее естественных ресурсов поистине огромна.

За годы советского строя были осуществлены глубокие, систематические и всесторонние исследования, имеющие исключительно важное значение для познания природной среды края. Грандиозные планы преобразования прежде отсталой страны в передовую индустриально-колхозную державу, в «действительно могучую и обильную Русь», намеченные великим Лениным, Коммунистической партией, непосредственно касались и Киргизии. В этой связи в республике работали многочисленные отряды ученых-специалистов: геологов, геоморфологов, гляциологов, почвоведов, ботаников и зоологов, которые за последние 30 лет своими маршрутами охватили большую часть Тянь-Шаня и Алая.

Ценные данные, полученные в результате экспедиционных и стационарных работ, позволили сделать глубокие обобщения и пересмотреть прежние представления и по-новому оценить многие вопросы географии горной страны. Научные выводы и открытия советских ученых имели большое значение в деле ликвидации вековой отсталости Киргизстана и превращения его в передовую социалистическую республику.

Таким образом, процесс географического изучения Киргизии имеет длительную историю, которая все еще остается неразработанной в должной мере. Предлагаемая вниманию читателей работа является попыткой в меру возможностей восполнить этот пробел. Автор не претендует на полноту освещения вопроса, так как он ограничен размерами книги. Книга охватывает первый период истории географического изучения Киргизстана, начиная с V—IV веков до н. э. вплоть до середины прошлого столетия. При этом автор подходит к теме с позиции физико-географа и рассматривает труды, главным образом, тех исследователей, которые в той или иной мере касаются природных условий страны. Вопросы экономической географии затрагиваются в работе попутно и тогда, когда это необходимо для оценки географической изученности Киргизии в целом.

При работе над темой автору пришлось просмотреть

большое число печатных и рукописных источников. Объектом исследования служили дошедшие до нас подлинные труды ученых и путешественников, бывших в разное время в пределах Киргизии или писавших о ней по расспросным или литературным данным. Произведения древних и средневековых авторов стали доступными для нас благодаря переводам, имеющимся на русском языке, как в виде печатных изданий, так и рукописных извлечений. По возможности использованы и иностранные источники, содержащие переводы из сочинений средневековых авторов, а также извлечения из китайской географической литературы XVIII и XIX веков. Мы пользовались и трудами западноевропейских географов и картографов, представляющими определенный интерес для рассматриваемой темы.

Желая сделать работу полезной, как для научных работников и лиц, заинтересованных в глубоком изучении предмета, так и для широкого круга читателей, автор счел нужным снабдить книгу подстрочными ссылками на источники и пояснениями отдельных географических терминов и названий. С этой же целью к книге подобраны картографические и другие иллюстративные материалы.

Работа выполнена под научным руководством члена-корреспондента Академии педагогических наук А. И. Соловьева, которому автор приносит глубокую благодарность.

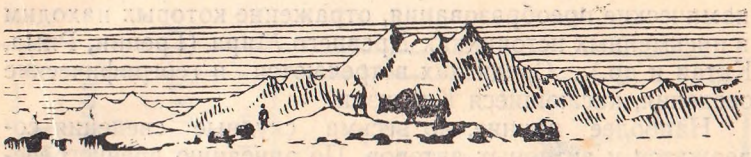
В процессе работы над книгой и подготовки ее к печати, рукопись просматривалась в целом или по отдельным частям проф. А. Н. Бернштамом, проф. Н. А. Гвоздецким, проф. Э. М. Мурзаевым, кандидатами географических наук Я. Ф. Антошко, М. Х. Ганкиным, Б. А. Луниным, С. Н. Рязанцевым и др. Считаем своим приятным долгом выразить всем этим лицам искреннюю благодарность за их ценные замечания и советы.

Особую благодарность автор приносит кандидату географических наук Р. Д. Забирову, взявшему на себя редактирование книги и позволившему опубликовать свои фотографии.

Автор весьма признателен А. Л. Кац и А. Н. Шишкиной, оказавшим помощь при чтении источников на иностранных языках.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВУА — Военно-ученый архив (ЦГВИА СССР)
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РГО — Русское географическое общество.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР.
BSOS — Bulletin of The School of Oriental and African Studies.

ДРЕВНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О ПРИРОДЕ КИРГИЗИИ

Средняя Азия является одним из ранних очагов человеческой культуры. Государства, возникшие в бассейне Зеравшана (Согдиана), по Аму-Дарье (Бактриана и Хорезм) и Мургабу (Маргиана), в Ферганской долине (Давань) еще задолго до нашей эры, находились на высокой ступени культурного и экономического развития. Население этих государств жило оседло, занималось земледелием, разными ремеслами, скотоводством. В Киргизии, в силу её природных и общественно-исторических условий, сложилось скотоводческое хозяйство. Здесь владычествовали саки-кочевники, которые поддерживали тесные связи с соседними странами — Даванью, Согдианой и др.

Географическое положение Средней Азии в центре материка, прохождение через её территории караванных путей, связывающих две части Старого Света, благоприятствовали хозяйственным и культурным общениям края как с Западом, так и Востоком. Вместе с тем, Средняя Азия была ареной крупнейших событий, имевших решающее значение для судеб многих народов Евразии. В VI в. до н. э. она была завоевана персами, а в IV в. — греками. Позже, начиная с разрушительного нашествия гуннов (первый век н. э.) Средняя Азия попадает во власть племен и народностей, двигавшихся преимущественно с Востока.

В этих сложнейших исторических условиях, в обстановке длительных войн и упорной борьбы племен, сопровождавшихся падением одних и господством других, происходили важнейшие политические и социально-эко-

номические преобразования, отражение которых находим в письменных источниках Древнего Мира (Греции, Рима, Китая и др.). Среди них встречаются и географические сведения, касающиеся Киргизии.

Наиболее ранние, но весьма скудные сведения содержатся у античных авторов. По описанию древнегреческого историка V в. до н. э. Геродота, территория Средней Азии представляла собою «равнину на необозримом пространстве», замкнутую со всех сторон хребтом, имеющим пять ущелий.

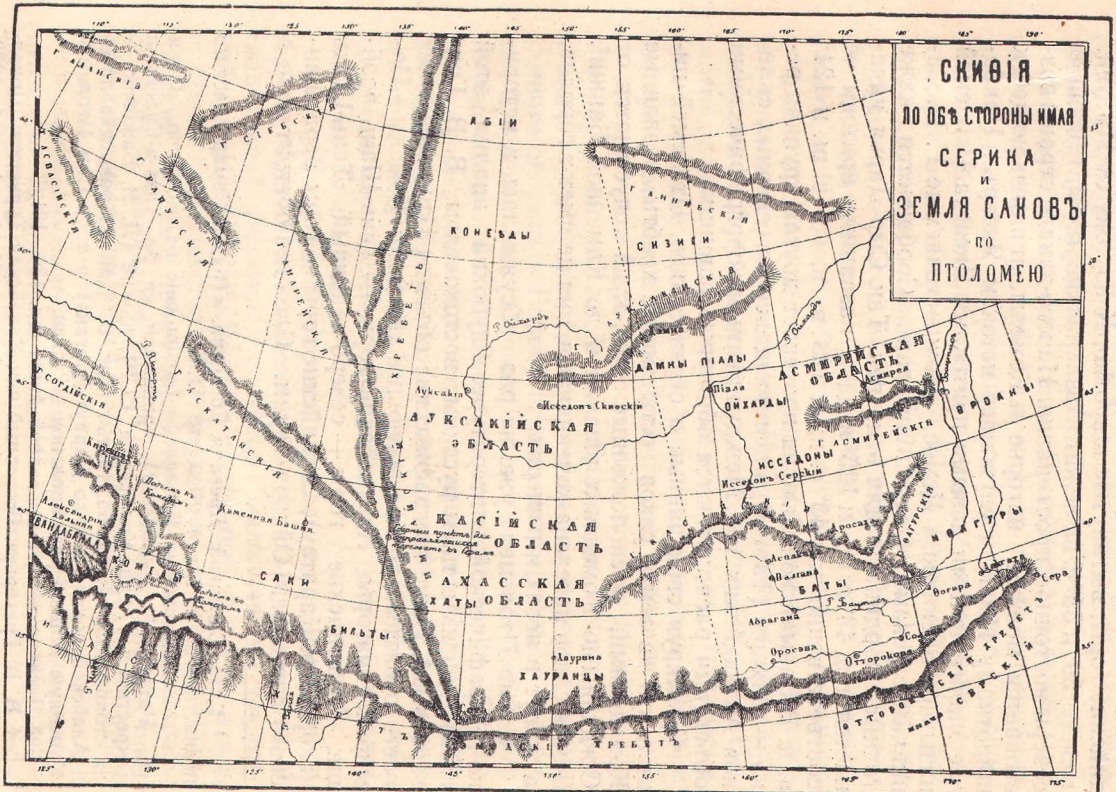
У другого греческого ученого Эратосфена (III—II вв. до н. э.) этот хребет простирался в меридиональном направлении и служил истоком Окса (Аку-Дарьи) и Яксарта (Сыр-Дарьи). Известный античный географ и историк Страбон, живший на рубеже н. э., его называет Имайскими горами, рассматривая их как северные отроги Парапамиза. Среднюю Азию, согласно Страбона, населяли массагеты, которые частью жили в горах, частью на равнинах, третьи занимали болота, образуемые реками, четвертые — острова на этих болотах[1]. Однако он не приурочивает ни «гор», ни «долин» к конкретным районам края. Под «горами» Страбона к востоку от Аральского моря или Гирканского залива (Каспийского моря) следует, очевидно, понимать Тянь-Шань и Памир, а под «долинами» — Аму-Сырдарьинское междуречье, Семиречье и др.

По сравнению со своими предшественниками римский географ Клавдий Птолемей (ок. 90—168 гг. н. э.) располагал довольно обширными сведениями о территории Средней Азии. Он сумел «вникнуть во взаимное соотношение» известных ему данных и на основе их дал впервые в Европе близкие к истине построения, выраженные на карте с градусной сетью.

Центральное место в схеме Птолемея принадлежит величественному хребту Имай (Имаус) или Северный Имай, по обе стороны которого обитают скифские племена. К западу от меридионального Имая расположены земли саков, а к востоку от хребта лежат земли Заимайской Скифии, граничащие с Серикой (Китаем).

Один из отрогов хребта — Аскатанские горы ограничивают область саков с севера, протягиваясь к р. Яксарт

[1] Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940, стр. 22.

СКИѲІЯ
ПО ОБѢ СТОРОНЫ ИМАЯ
СЕРИКА
и
ЗЕМЛЯ САКОВЪ
по
ПТОЛОМЕЮ
АЗІИ
КОНЕѢДЫ
СИЗИГИ
ДАМНЫ ПІАЛЫ
АСМИРЕЙСКАЯ ОБЛАСТЬ
ОНХАРДЫ
ИССЕДОНЫ
ИССЕДОНЫ СКИѲСКІЯ
ИССЕДОНЫ СЕРБСКІЯ
АУКСАКІЙСКАЯ ОБЛАСТЬ
КАСІЙСКАЯ ОБЛАСТЬ
ВАХАССКАЯ ХАТЫ ОБЛАСТЬ
САКИ
ХАУРАНЦЫ
ВИЛЬТЫ
ВАНДАЛЬСКІЯ ГОРЫ
Каменная Башня
Каменный Городъ
Ѳроскомъ
Ѳроскова
Ѳроскокова
Ѳотороко
Ѳотороко Сніе дрекъ
Ѳотороко Сніе Скиѳіи
Ѳогара
Сера
Сера
Ѳогара
Ѳогара
Ѳогара

с юго-востока. Между нею и р. Окс располагаются Согдийские горы, вытянутые широтно. К востоку от Имауса, между 50° и 55° с. ш. лежат Авзакийские горы, имеющие северо-восточное простирание. На юго-западе страны возвышается мощное нагорье — Комеды, примыкающее к широтному Имаю и служащее истоком Яксарта. Наиболее значительными левыми притоками Яксарта Птолемей называет Баскатис и Демос, отождествляемые Г. И. Савицким с реками Сох и Маргелан[1]. Сообщаются даже точные координаты для этих рек. Так, Сыр-Дарья начинается под 43° с. ш. и 125° в. д., а названные притоки ее соответственно под 43° с. ш. и 123° в. д., 43° с. ш. и 124° в. д. В Заимайской Скифии протекает другая крупная река — Ойхард (Тарим), начинающаяся с северных склонов Авзакийских гор. Между крупными орографическими объектами располагаются обширные равнины.

Суммируя свои данные о стране саков, Птолемей пишет, что «в земле саков есть горные хребты, названные Комедскими, расположенные там, куда спускаются от Согдианы до Комедских ущелий и до Каменной Башни[2]. Земля саков населена кочевниками, они не имеют городов, а живут в лесах и пещерах»[3].

Схема Птолемея уже не раз обсуждалась в историко-географической литературе. Глубокий анализ этой схемы дан известным русским востоковедом В. В. Григорьевым[4]. Ныне географические объекты Птолемея чаще всего отождествляют следующим образом: Комеды—Памирское нагорье, Авзакийские горы — Тянь-Шань вообще, Аскатанские горы — северо-западный Тянь-Шань (скорее хр. Каратау), Согдийские горы — горы Зеравшанского бассейна, Ойхард-Тарим. Сложнее обстоит дело с

---

[1] Г. И. Савицкий. Древняя Согдиана. «Труды Самаркандского пединститута», т. I, в. 1, 1940, стр. 11.

[2] Местоположение Каменной Башни еще не выяснено. Одни (К. Риттер, А. Гумбольдт) принимали ее за Тахт-и-Сулейман (окрестность г. Ош Киргизской ССР), другие (Л. В. Баженов) — за стоянку близ Кашгара, третьи (Дж. О. Томсон) разыскивали ее в Алайской долине (около Дараут-Кургана) и т. д. Сам Птолемей Каменную Башню размещал под 43° с. ш.

[3] Древние авторы о Средней Азии, стр. 130—131.

[4] В. В. Григорьев. Восточный или Китайский Туркестан. Дополнения к кн. К. Риттер. Землеведение Азии, в. II, отд. 1, СПб., 1873, стр. 57—78.

локализацией меридионального Имая, ибо в действительности в пределах Средней Азии нет подобного мощного поднятия, протянутого на десятки градусов.

Отдавая должное усилиям Птолемея в деле выяснения орографии Средней Азии, надо, в то же время, указать и на ошибки, допущенные им в своей схеме. Он ошибочно комбинировал географические объекты края. Так, по карте мира Птолемея Тянь-Шань (Авзакийские и Аскатанские горы) удален от Памира (Комеды) на десятки градусов по долготе и на 3—4° по широте. Не соответствуют действительности координаты и других объектов страны, в т. ч. и относящиеся к Сыр-Дарье. Большую путаницу вызвало в последующих исследованиях допущение ученым меридионального Имая, превращенного впоследствии А. Гумбольдтом в проблематичный Болор. Несмотря на эти и другие серьезные погрешности, Птолемеева схема строения гор Средней Азии продержалась в Европе без существенных изменений почти две тысячи лет.

Между тем в Китае, в это время, гораздо лучше знали природу края, чем на Западе. Благодаря замечательным путешествиям Чжан Цяня[1], китайцы за короткое время намного опередили Европу в деле географического изучения Средней Азии. Первая поездка великого китайского землепроходца в Среднюю Азию относится 128—126 гг. до н. э., когда он был послан к племени большие юечжи с целью склонить его на союз против гуннов. Позже, вероятно между 118—115 гг. до н. э., Чжан Цянь с аналогичным поручением направлялся к усуням, обитавшим тогда на Тянь-Шане.

Во время своей высокой миссии в среднеазиатские страны, Чжан Цянь показал себя не только как искусный талантливай дипломат, успешно выполнявший чрезвычайно трудные, ответственные поручения, но и как замечательный путешественник, вдумчивый географ, обладающий умением производить тонкие наблюдения и необходимое обобщение виденного. Об этих драгоценных качествах выдающегося китайского землепроходца крас-

[1] Необходимые материалы о путешествиях Чжан Цяня приводятся в кн.: Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 147—168. См. также: Я. М. Свет. По следам путешественников и мореплавателей Востока. М., 1955, стр. 7—61.

норечиво говорят его прекрасные, меткие, хотя и краткие описания посещенных стран.

Подлинные отчеты Чжан Цяня до нас не дошли. Однако в китайских летописях («Шицзы» и «Цяньханьшу») сохранились обстоятельные извлечения из его отчетов, которые дают нам достаточный материал для оценки роли путешественника в познании географии края.

Территорию современной Киргизии Чжан Цянь пересекал не раз. Тем не менее установить маршруты его путешествий по стране нелегко. Некоторые косвенные данные дают основание предполагать, что его путь в пределы Киргизии лежал через перевал Бедель к оз. Иссык-Куль, на юго-восточном берегу которого в то время находилась ставка усуньского владетеля. В Давань (Фергану), если следовать по древним стоянкам усуней, открытых археологическими исследованиями А. Н. Бернштама[1], путешественник мог попасть через перевалы и долины Внутреннего Тянь-Шаня, хотя не исключена возможность и другого маршрута, например, по Чуйской долине. Обратно (из Давани) он прошел, очевидно, Терек-Даванским перевалом, по которому проходил торговый («шелковый») путь из Китая на Средний и Ближний Восток, налаживание которого также входило в задачу Чжан Цяня.

Из сообщений путешественника выходит, что усуни занимали в то время Семиречье и Тянь-Шань, частично Фергану и Алай. На востоке они граничили с гуннами, на северо-западе — с Кангюем, на юго-западе с Даванью, с юга, юго-востока — с оседлыми владениями, как Сулэ (Кашгар), Выньсу (Ак-Су) и др. Чжан Цянь посетил усуней дважды и подолгу жил среди них.

«Цяньханьшу» в гл. 95, следуя отчету Чжан Цяня, повествует, что земли усуньского владения ровные и травянистые (здесь речь идет, по-видимому, об Илийской, Чуйской долинах); «страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса. Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходствуют с хуннами (гуннами. — С. У.). В их владении много лошадей, и

---

[1] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, М.—Л., 1952.

богатые содержат их от 4-х до 5-ти тысяч голов...»[1]. Население страны состоит из 120 тысяч кибиток, 630 тысяч душ.

О даваньцах путешественник пишет, что они ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу. Есть у них виноградное вино. Много аргамаков. В Давани до 70 больших и малых городов, население простирается до нескольких сот тысяч. В этой стране имеются высокие горы, реки текут на запад и впадают в Западное (Аральское) море.

В это же время китайцы вывезли из Давани семена му-су (люцерна) и винограда, т. е. переняли эти культуры от даваньцев. Все это несомненно свидетельствует о высокой древней культуре Ферганы, особенно земледельческой.

Сообщения Чжан Цяня — первый и наиболее надежный из всех известных нам источников по древней истории Киргизии. В них отражены социальный строй, особенности хозяйства и политической жизни племен, населявших страну. Ценны и сведения о природных условиях Тянь-Шаня, где совершенно верно указано о нахождении там высоких гор, покрытых хвойными лесами, о суровости климатических условий, наличии степных ландшафтов и др.

Успешный исход путешествий Чжан Цяня произвел в Ханьской династии огромное впечатление и вызвал целый ряд посольств в Западные государства. Чжан Цянь представлялся современникам Колумбом, открывшим неизвестный для Китая «Западный край» («Сиюй»), т. е. страны, расположенные на территории современного Синьцзяна и Средней Азии.

Путешествия Чжан Цяня, активная внешняя политика Китая и его победа над гуннами в 1 веке н. э. дали китайцам возможность расширить свои владения до Средней Азии и собрать об этой части материка значительные географические сведения, что ярче всего видно из китайской карты Центральной и Средней Азии времени династии Старшей Хань (206 г. до н. э. — 9 г. н. э.). Хотя

---

[1] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. II, стр. 190. Об усунях и сообщениях Чжан Цяня см. также: M. J. Klaproth. Tableaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, стр. 161—186.

карта не имела градусной сетки и масштаба, тем не менее в ней дано прекрасное для того времени изображение ряда орогидрографических объектов Киргизии.

Из горных цепей, нанесенных здесь, можно усмотреть некоторые дуги Тянь-Шаня, в частности контуры Киргизского и Таласского хребтов, а также системы Кокшаал-Тоо. Первые показаны к западу от озера, напоминающего собой Иссык-Куль, последняя — к северу от бассейна Хуанхэ (Тарим)[1]. Система Кокшаал-Тоо на запад продолжена непрерывной цепью холмов, которые по своему географическому положению, направлению и протяженности могут быть только хребтами, окаймляющими Фергану с юга. В целом очертания холмиков, изображенных на карте в виде непрерывных цепей и ориентированных в основном широтно, правильно передают характерные черты орографии среднеазиатских гор, преобладающие (северо-восточное и северо-западное) направления хребтов, их дугообразность.

Замечательно и то, что китайская карта изображает два водоема к северу от Тянь-Шаня. Южный служит истоком значительной реки, а Северный, наоборот, принимает не менее значительную реку с двумя левыми притоками. Однако ни реки, ни сами водоемы не названы. Все же нетрудно видеть в них крупные озера Средней Азии — Балхаш (северный водоем) и Иссык-Куль (южный водоем).

Исключительно удачно изображено на данной карте озеро, соответствующее Иссык-Кулю. Его местоположение по отношению к отрогам Тянь-Шаня и Балхашу, протяженность с запада на восток и особенности береговой линии очерчены с поразительной точностью. С западного угла озера вытекает река, которая протекая в северо-западном направлении, оканчивается (как и в наши дни) небольшим водоемом. Это несомненно р. Чу, ошибочно принятая китайцами за сток оз. Иссык-Куль. Вероятно, эта ошибка первых путешественников, неосторожно внесенная на карту Центральной и Средней Азии времени династии Старшей Хань, и послужила причиной заблуж-

[1] В древности китайцы ошибочно считали, что истоки Хуанхэ лежат в Цунлине (Луковые горы). Под этим названием подразумевали Памир и Западный (ныне Советский) Тянь-Шань.

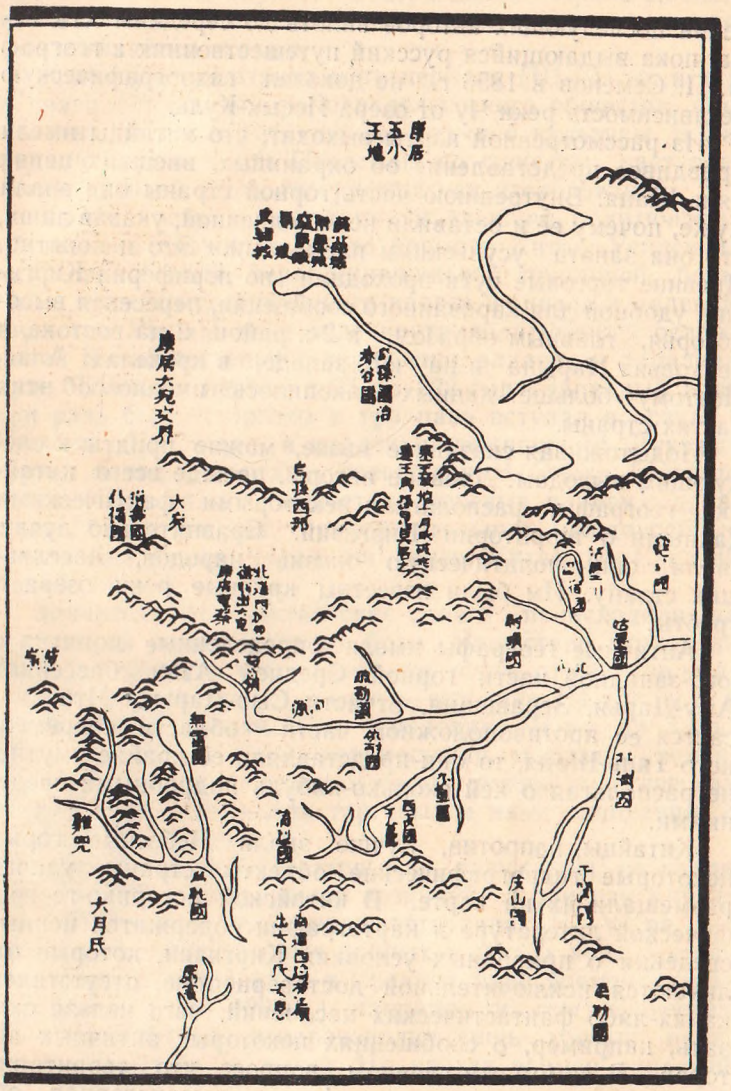

Рис. 2. Китайская карта Центральной и Средней Азии времени династии Старшей Хань. (Из книги Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». М., 1953).

дений последующих авторов вплоть до середины XIX века, пока выдающийся русский путешественник и географ П. П. Семенов в 1856 г. не доказал гидрографическую независимость реки Чу от озера Иссык-Куль.

Из рассмотренной карты выходит, что китайцы имели правдивое представление об окраинных, внешних цепях Тянь-Шаня. Внутреннюю часть горной страны они знали хуже, почему её и оставили не заполненной, указав лишь, что она занята усуньскими племенами. Это и понятно. Древние торговые пути проходили по периферии Киргизии, удобной для караванного сообщения, пересекая высокогорья, главным образом, в 2-х районах: на востоке, в верховьях Нарына и на юго-западе, в пределах Алая. Поэтому больше данных накопилось именно об этих частях страны.

Подытоживая сказанное выше, можно придти к следующим выводам. Древние авторы, прежде всего китайские географы, располагали некоторыми фактическими данными о территории Киргизии. Сравнительно лучше знали они политическую жизнь народов, населявших страну. Им были известны крупные реки, озера и хребты.

Античные географы имели определенные понятия о юго-западной части горной Средней Азии, бассейнах Аму-Дарьи, Зеравшана, отчасти Сыр-Дарьи. Что касается ее противоположной части — области современного Тянь-Шаня, то они представляли её крайне смутно, не располагая о ней сколько-нибудь подробными сведениями.

Китайцы, напротив, лучше знали Небесные горы[1], некоторые гидрографические объекты страны, удачно размещали их на карте. В китайской историко-географической литературе и картографии содержатся ценные сведения о природных условиях Киргизии, которые отличаются исключительной достоверностью, отсутствием каких-либо фантастических наслоений, чего нельзя сказать, например, о сообщениях некоторых античных авторов. В самом же главном вопросе, что территория нашего края по своему рельефу есть высокогорная об-

---

[1] Так называется Тянь-Шань в переводе с китайского языка.

ласть и что она служит водоразделом Арало-Каспийского и Таримского бассейнов, данные античных географов и китайцев сходны.

К концу рассматриваемого периода (III—V вв. н. э.), в связи с падением рабовладельческого общества, происходит упадок и разрушение античной культуры. В Западной Европе после Птолемея, по существу, наступает конец древней эпохи географических исследований.

Крайне острая внутренняя и внешняя политическая обстановка сложилась в это время в Китае. Усиленная классовая борьба, переплетавшаяся с групповой борьбой в среде господствующего класса, привела к падению династии Хань. Еще в ходе внутриполитических осложнений Китай постепенно терял свое влияние в Западном крае. Только в период с 25 по 122 год «Западный край три раза был отторгаем и три раза вступал в связь с Китаем... Но усунь и владения, лежащие от Луковых гор на запад, отторглись совершенно»[1]. Эпоха Троецарствия (III в. н. э.), нашествия кочевых племен, длившиеся более ста лет, продолжительные междоусобные войны еще более ухудшили связи Китая со Средней Азией.

Значительные политические сдвиги происходили на территории самой Средней Азии. Нашествие гуннов на Запад, господство центрально-азиатских кочевников сначала сяньбицев (конец I века — середина III в н. э.), а затем жужан (конец IV в. — половина VI в.) на Тянь-Шане, в связи с этим перемещение местных племен, обусловили неустойчивость и частые смены политических объединений, осложнили торговые и иные сношения с соседними странами.

Перечисленные обстоятельства, разумеется, не могли способствовать расширению познаний о природе Киргизии. Поэтому в письменных источниках II—VI вв. мы не находим существенных данных о нашем крае. Китайская карта Центральной и Средней Азии времени династии Цзинь (265—420 гг.), например, из географических объектов Киргизии воспроизводит лишь горные цепи, ограничивающие ее с юга. На картах времен династий

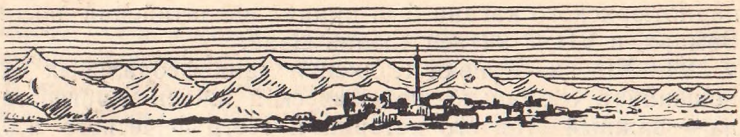
---

[1] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 220.

Бэй-Вэй (386—534 гг.) и Суй (581—616 гг.)[1] также нет прогресса в этом отношении. Между тем в эпоху Ханьской династии, как показано выше, китайцы обладали значительно большими данными о территории страны.

[1] A. Herrmann. Die altesten chinesischer Karten von Zentral-und Westasien. „Ostasietische Zeitschrift", Achter Jahrgang, Heft 1/4, 1919—1920, Berlin, стр. 185—198.

КИРГИЗСТАН В ТРУДАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

В средние века в Средней Азии и в других частях Старого Света происходят крупные социально-экономические и исторические преобразования, вызвавшие дальнейшее расширение географических знаний о природе Киргизстана.

Уже в эпоху раннего средневековья на территории Семиречья (VI в.) возникает мощное государство западных тюрков — Западнотюркский каганат со столицей в Суябе, в долине р. Чон-Кемин. С этого времени до самого монгольского нашествия (XIII в.) Киргизстан становится одним из главных очагов владычества тюркских племен — тюргешей, карлуков, караханидов, а затем и тунгусо-маньчжурских выходцев — каракитаев.

Наибольшего политического и экономического могущества тюрки достигают в X—XII вв. при караханидах, распространивших свое господство до Самарканда и Бухары. Городская жизнь, торговля, ремесла и земледелие, возникшие в Таласской, Чуйской и Иссык-Кульской долинах в период правления западных тюрков и тюргешей, теперь получают свое дальнейшее развитие. Северная Киргизия и Фергана покрываются широкой сетью городов. Сюда, в важные очаги международной торговли, лежащие на пересечениях основных караванных путей между Китаем и странами Среднего и Ближнего Востока, устремляются купцы разных стран.

Помимо торговых сношений тюрки поддерживали с Китаем, Византией, Среднеазиатскими государствами политические и культурные связи. В VI в. в ставке За-

паднотюркского кагана был принят византийский посол Земарх, в VII в. китаец Сюань Цзан.

VI—XII вв. — эпоха сложения раннефеодальных отношений в социально-экономической жизни Киргизстана — важный этап его истории и географического изучения. Для этого периода мы располагаем значительным числом письменных источников. Записки путешественников и династийные летописи китайцев, труды арабских географов и среднеазиатских ученых дают нам достаточное представление о характере географических познаний того времени. Исключительную ценность в этом отношении представляют сообщения китайских авторов и, в первую очередь, записки великого китайского путешественника Сюань Цзана — выдающегося исследователя природы Средней Азии.

СООБЩЕНИЯ КИТАЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Исследования Сюань Цзана

Направляясь в свое далекое неведомое странствование на Запад Сюань Цзан, как и другие буддийские паломники, не ставил перед собой задачу географического исследования среднеазиатских стран, в частности Киргизии. Цель проповедников буддизма заключалась в изучении этого религиозного учения в самом очаге его зарождения, в Индии. Однако достижение этой страны, известной своей богатой древней культурой, было делом нелегким. Предстояло покрыть долгий, чрезвычайно трудный, полный лишений и опасностей, путь через безводные пустыни Центральной Азии, пересечь высочайшие горные системы Куэнь-Луня и Гималаев. Нередко, в силу обстоятельств, путешественникам приходилось отклоняться от своего маршрута, идти на милость местных властителей, от которых в значительной мере зависело как собственное благополучие, так и успех предприятия. Так случилось и с Сюань Цзаном. Необходимость заручиться покровительством хана западных тюрков для беспрепятственного проезда по его владениям привела путешественника в 630 г. в Суяб, а вместе с тем и знакомству с природой страны.

Маршрут Сюань Цзана по Киргизии нам точно неиз-

вестен. О нем можно судить лишь на основе описаний пройденных им территорий, а также существовавших в то время маршрутов между Китаем и государством западных тюрков. Одни, обычно историки (Вивьен де-Сен-Мартен, В. В. Бартольд, Н. А. Аристов, А. Н. Бернштам и др.), считают, что путешественник вступил в пределы страны из района китайского города Ак-Су и следовал по древнему караванному пути через перевалы Бедель и Барскон (или Джууку), оттуда южным берегом Иссык-Куля в Суяб, ставку тюркского кагана. Дальнейший путь—Чуйская долина, город Талас (ныне г. Джамбул) —не вызывает возражений. Другие, преимущественно географы (И. В. Мушкетов, И. В. Игнатьев, А. Н. Краснов, Э. Реклю и др.), исходя, главным образом, из описания Линшаня («Ледяная гора») допускают более восточный вариант пересечения Тянь-Шаня, а именно по пер. Музарт на хребте Халыктау.

Рис. 3. Сюань Цзан (606—664 гг.) (Из книги „Die Berühmten Entdecer und Forscher", 1947).

Если обратимся к «Датансиюйцзи» («Записки о странах Запада») самого Сюань Цзана, то выходит, что путешественник направился в пределы Киргизии из владения Болуга или Балуцзя, расположенного к северу от современного китайского города Ак-Су. Оттуда по переходе

300 ли[1] пути на северо-запад через каменистую степь (пустыню) он прибыл к Ледяной горе или Линшань, составляющей северный край гор Цунлин[2]. Ясно, что данный маршрут приводит путника к перевалу Бедель, а не к истокам Музарта, которые находятся к северо-востоку от Ак-Су. Вряд ли путешественник избрал себе окружной, дальный и более опасный путь через Музарт, когда перед ним лежала значительно короткая и сравнительно доступная и «проторённая» трасса древнего сообщения. Итак, нет оснований допускать восточный, Музартский вариант, пересечения Тянь-Шаня Сюань Цзанем.

Своё описание Тянь-Шаня путешественник начинает с Линшаня. Согласно его «Записок» Линшань — северный край Цунлина, высокое плато, где широко развиты вечные снега и ледники. «Льда там можно видеть и весною, и летом. Хотя временами он и тает, но вскоре образуется вновь. Пути и перевалы трудны и опасны. Холодный ветер дует с силой... Идущие по этому пути, — предупреждает автор «Записок»,—не должны носить красной одежды и кричать. Того, кто забудет эту предосторожность могут постигнуть большие несчастья. Вдруг начинающийся сильный ветер поднимает песчаные вихри и производит дождь из камней, которые засыпают путешественников. Тогда трудно избежать смерти»[3].

В «Биографии» Сюань Цзана («Сюань Цзан-чуань»), составленной его учениками, также содержится описание Линшаня. В ней она рассматривается как величественное горное сооружение, возвышающееся до небес. «От начала мира, — сказано в этом историческом повествовании, — снега здесь накопившиеся обратились в ледяные глыбы, которые не тают ни весной, ни летом. Гладкие поля твердого и блестящего льда тянутся в беспредельность и сливаются с облаками. Путь пролегает нередко между нависшими с обеих сторон ледяными пиками и через высокие ледяные массы. Проходят этими льдами с тяжким трудом и большими опасностями, под постоянными порывами пронзительного ветра и снежного вихря, так что даже в теп-

---

[1] Ли—китайская мера длины, равная в древности около 0,5 км.

[2] Memoires sur les contrees occidentales, traduits du sanscrit en chinois en l'an 648, par Hiouen—Thsang, Vol. I, Paris, 1857, стр. 11. Перевод и комментарии Ст. Жюльена.

[3] Memoires sur les contrees occidentales, стр. 11.

лых сапогах и меховом платье стужа проникает до костей. Нет сухого места, чтобы прилечь или поесть. И пищу варить, и спать приходится на льду»[1].

Из цитированных текстов видно, что речь идет не об одной «Ледяной горе», а обширной высокогорной области. Такой областью в данном случае подразумевается, вероятно, часть Внутреннего Тянь-Шаня, ограниченная хребтами Кокшаал-Тоо и Терской Ала-Тоо и служащая водоразделом между Верхним Нарыном и рр. Учкель и Акшийрак. В таком же плане сказано и в «Таншу» (история китайской династии Тан, VII—Хвв.)[2], хотя на карте Центральной и Средней Азии той же эпохи Линшань обозначена к северу от хребта Баньда (Бедель, Кокшаал-Тоо) вблизи Суй-е (оз. Иссык-Куль)[3].

Что касается собственно описаний Линшаня, то в них Сюань Цзан, если не принимать во внимание элементов фантазии и преувеличения, исключительно верно схватил наиболее характерные черты физико-географических условий центральной части Тянь-Шаня. Это — широкое развитие в нем ледников и вечного снега, суровые климатические условия, преобладание в орографии страны хребтов и котловин, столь типичных для рельефа Тянь-Шаня. Правда, путешественник не пользуется этими современными терминами, но своим выражением «горы и долины» он передает важнейшую особенность орографии Тянь-Шаня. В целом общий характер Линшаня определяется им как возвышенный, платообразный, что вполне согласуется с нашими современными представлениями о рельефе тянь-шаньских сыртов.

Заслуживает внимания сообщения «Записок» и «Биографии» о широком развитии в бассейне Верхнего Нарына ледников и характере ледниковых образований. В настоящее время ледники этого района имеют сравнительно ограниченное распространение и находятся в стадии отступания, поэтому указанные сведения ценны с палеоге-

---

[1] Цитировано по упомянутому выше соч. В. В. Григорьева, стр. 136—137.

[2] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 300.

[3] «Циньдин-Хуанюй-Сиюй-тучжи», 1782, Цзюань 3. Фотокопия карты приводится ниже (рис. 5). См. также: Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. III, Приложения.

ографической точки зрения, так как могут дать представление о эволюции оледенения за историческое время.

Около 400 ли пути прошел путешественник по горам и долинам Внутреннего Тянь-Шаня, преследуемый неисчислимыми опасностями и лишениями, голодом и холодом и только к концу недели ему удалось добраться до большого озера Цинчжи («Прозрачное озеро»), потеряв во время перехода через Линшань 13 или 14 своих спутников и значительную часть каравана.

«Прозрачное озеро» (Иссык-Куль) производит на Сюань Цзана большое впечатление, что видно из его следующего описания. Озеро это,—пишет он,—«имеет тысяча ли в окружности. Оно длиннее в протяжении с востока на запад и короче с юга на север. Со всех сторон оно окружено горами и принимает в себя множество речек. Цвет воды зеленовато-черный, а вкус одновременно соленый и горький. Широкие волны то простираются огромными ровными валами, то вздымаются и стремятся с неудержимой силой. Драконы и рыбы обитают в нем вместе, а иногда из недр его появляются необыкновенные чудовища. Вот почему путешественники возносят небу молитвы о благополучии. Хотя обитатели озера многочисленны, но никто не осмеливается их ловить»[1].

Правда и здесь не обошлось без преувеличения и фантазии, однако характеристика озера (географическое положение, размеры, очертания, некоторые черты гидрологии) дана исключительно верно и подкупает четкостью и простотой изложения. Ее можно сравнивать разве только с таким же превосходным описанием озера, данным значительно позже среднеазиатским историком и географом Мухаммедом Хайдар (XVI в.).

В Западной Европе, даже спустя 12 веков, не располагали более точными сведениями об Иссык-Куле, чем во времена Сюань Цзана, и даже такой авторитет ученого мира 19 века, как Карл Риттер, отмечал, что нам ничего неизвестно о природе озера, кроме богатства его берегов железняком[2].

---

[1] Memoires sur les contrees occidentales, т. I, стр. 11—12. Сравни: Л. С. Берг. Озеро Иссык-Куль. «Землеведение», 1904, кн. I—II, стр. 2.

[2] К. Риттер. Землеведение Азии, т. II. СПб., 1859. стр. 88.

Несомненный интерес представляют и описания Чуйской долины (Сули). «Почва,— читаем у путешественника, — благоприятна для красного проса, пшеницы и винограда; дикорастущие деревья тут редки. Так как климат холодный и господствует леденящий ветер, то жители носят одежды из валеной шерсти. На западе от Суйе (т. е. от города на р. Суйе. — С. У.) несколько десятков независимых один от другого городов»[1]. Главный город страны Суяб, как указано нами выше, являлся ставкой западнотюркских каганов и служил местом встречи торговцев разных стран. В окрестностях его Сюань Цзан в 630 году представился кагану западных тюрков.

По сообщениям путешественника, Чуйская долина выступает как важный очаг земледельческой культуры, связанный с согдийской колонизацией Семиречья. Наряду с земледелием здесь были развиты различные ремесла и торговля. Одна половина населения обрабатывает поля, а другая — занимается торговлей,— писал Сюань Цзан.

Далее, после 400 ли пути на запад от реки Суйе (Чу), путешественник прибыл в Бинюй («Тысяча источников»), восторжественное описание которого считаем необходимым привести полностью. Страна эта,— повествует автор,— «около двести ли в квадрате. С юга она ограничена снежными горами, а с трех других сторон — равнинами. Земля обильна орошена и деревья растут великолепно. В последний месяц весны самые разнообразные цветы блистают на земле как богатый узор. Тут бесчисленное множество бассейнов живой воды, откуда и произошло название «тысяча источников». Хан тукиюесцев (тюрков.— С. У.) ежегодно приезжает сюда, спасаясь от летней жары. Здесь множество оленей, украшенных колокольчиками и кольцами; они привыкли к людям и не убегают при виде их. Хан любит их и считает удовольствием смотреть на них. Он издал повеление, угрожающее смертной казнью тем, кто осмелился бы убить хотя одного из этих оленей. Вот почему все эти олени могут спокойно доживать свои дни»[2]. Сделав

[1] Memoires sur les contrees occidentales, т. I, стр. 12.

[2] Memoires sur les contrees occidentales, т. 1, стр. 13—14. Ср. А. Н. Бернштам. Древние города Чуйской долины. МИА, № 14, М—Л., 1959, стр. 76.

отсюда 140—150 ли на запад, Сюань Цзан прибыл в город Талас (Джамбул).

Местонахождение Бинюя — «Тысяча источников» еще не выяснено. Одни авторы (Рихтгофен, П. Кафаров, Северцов, Бартольд) его располагали на северной стороне Киргизского хребта к востоку от р. Талас, другие (Гумбольдт, Вивьен де-Сен-Мартен, Григорьев, Бернштам) — к западу от р. Талас. Н. А. Аристов, который в своей обширной рукописной работе «Западный Тянь-Шань» (1893)[1], подробно цитирует и комментирует тексты Сюань Цзана «Тысяча источников» («Мин-Булак») помещает в долине Верхнего Таласа, т. е. к югу от Киргизского Ала-Тоо. Он видит связь между известиями об оленях Бинюя и названием левого притока Таласа Урмарал или Уюрлу-Марал. Интересно, что на китайской карте Центральной и Средней Азии времени династии Тан «место, где каганы Тукюе укрываются от жары» (то же, что «Тысяча источников» Сюань Цзана), показан во Внутреннем Тянь-Шане.

Наконец, укажем на описание путешественником Цунлина (Луковых гор), которые, по представлениям китайцев, занимали всё пространство от Гиндукуша на юге и до Балхаша на севере и до массива Хан-Тенгри на востоке. «И с востока на запад,— указывает Сюань Цзан,— и с севера на юг эти горы простираются на несколько тысяч ли; в них есть несколько сот крутых вершин; долины темные, наполнены пропастями; там видны во всякое время года кучи льда и снега; чувствуется жестокий холод и дует сильный ветер. В этой стране растет много луковиц (цун), потому горы и зовутся Цунлин»[2].

Эти строки дают достаточно четкую для того времени характеристику природы горной части Киргизии.

Мы привели все известные нам сведения Сюань Цзана о природных условиях Тянь-Шаня, так умело, метко,

[1] Географическое общество СССР, Ученый архив, Ф. 58, оп. I, № 5; также: Разр. 65, оп. I, № 11.

Маршруты и описания Сюань Цзана рассмотрены Аристовым и в статье «Западный Туркестан в VII столетии, по описанию китайского путешественника». «Туркестанские ведомости», 1889, №№ 38, 39, 40.

[2] Цитировано по статье Н. А. Северцова. См. «Зап. РГО по общей географии», т. I, 1867, стр. 75—76.

просто и лаконично переданных в описаниях автора. Перед нами во всей своей красе встают величественные картины Небесного хребта, с его вечными снегами и ледниками, зажатое в тисках Кунгея и Терскея «прозрачное», но бурное озеро Иссык-Куль, плодородный Сули (Чуйская долина) — страна городов и земледелия, заповедный Мин-Булак («Тысяча источников») и суровый, и угрюмый Цунлин.

Ни раньше, ни позже до середины 19 в. никто из путешественников, посетивших пределы Киргизии, не дал такой обстоятельной для своего времени географической характеристики страны, как это сделал Сюань Цзан. Его краткие, но богатые по содержанию обобщения содержат самые разнообразные сведения о природе Киргизстана, особенно по его орографии, климату и оледенению, а также о социально-экономическом строе, культуре и быте населения края.

Все это побуждает нас считать великого китайского путешественника Сюань Цзана первым исследователем Киргизии, а его описания — первой географией страны[1].

Географические известия «Таншу». Изображение территории Киргизии на китайских картах

Однако записками буддийских паломников не исчерпываются китайские географические известия Танского времени о нашем крае. Мы располагаем источниками, правда, менее значительными, чем записки Сюань Цзана, но весьма ценными, существенным образом дополняющими и уточняющими сведения самого Сюань Цзана. Таковы, например, сообщения Танской истории («Таншу») об отдельных объектах Внутреннего Тянь-Шаня, озере Иссык-Куль, о реках Чу, Или и Нарын, о Чуйской и Ферганской долинах, маршрут Танского времени по территории Киргизии и, особенно ценные для суждения об уровне географических знаний китайцев в средние века, карты Западного края.

В повествовании о Западном крае, относящемся к VIII в., «Таншу» упоминает о горах Линшаня и Бода (Ба-

---

[1] О путешествиях Сюань Цзана по Киргизии см. нашу статью: Из истории географических исследований Киргизии. «В помощь учителю», в. 8, 1957 (на кирг. языке).

да) и «снежном море», которые территориально можно приурочить к области Нарыно-Сарыджазского водораздела.

Сведения о горах Линшань в «Таншу» заимствовано из «Записок» Сюань Цзана. О горах же Бода сведения менее определенны. В повествовании о владении Кан (Самарканд)[1] содержатся лишь косвенные указания о местоположении гор к северо-западу от Аньси (владение Куча). Однако в другом китайском источнике (дорожник Ду-Хуаня) сказано, что хребет Бада находится на северо-западе от Аньси в расстоянии более чем 1000 ли[2]. В. В. Бартольд, ссылаясь на «Таншу», указывает, что Бада входит в состав гор Сунь (Суншань) и лежит к северу от Ак-Су[3]. Горы Бода или гора Бада, вероятно, соответствует перевалу Бедель (Бадаль) и прилегающей части хребта Кокшаал-Тоо, включая возможно горы Сарычат, а горы Сунь (Суншань) — хребту Кокшаал-Тоо. В древности через Бедель (гора Бада) проходило караванное сообщение между Китаем и Средней Азией. Мы уже указывали выше, что на карте Центральной и Средней Азии времени династии Тан к юго-западу от Суйе (оз. Иссык-Куль) изображен хребет Баньда. В данном случае это не искаженное ли название горы Бада или гор Бода?

Любопытно сообщение «Таншу» о Сюехае — «снежном море». «На север (от гор Бода.— С. У.) через три дня пути, — читаем в истории Танской династии, — надобно переходить через снежное море, где и весною и летом всегда идут дожди и снега»[4]. О нем упоминает и Ма Дуань-линь—китайский историк конца XIII—начала XIV века. Сюехай, как сообщает он, со всех сторон окружен горами, покрытыми снегами. Отсюда и его название «снежное море»[5].

В. В. Бартольд полагал, что Сюехай соответствует горному озеру Белькуль, расположенному к югу от перевала Кашкасу. Н. А. Аристов же в Сюехае видит ледники

[1] Н. Я. Бичурин. Упом. соч., т. II, стр. 314.

[2] По «Сиюй-шуйдао-цзи». «Зап. РГО по отд. этногр.», т. VI, стр 135.

[3] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. СПб., 1893, стр. 30.

[4] Н. Я. Бичурин. Упом. соч., т. II, стр. 314.

[5] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, стр. 31; Н. А. Аристов. Упомянут. рукопись, ч. I, стр. 68.

и снежные поля Акшийрака, которые, по его мнению, в то время спускались на Сырт и в долины истоков Нарына.

По Танскому маршруту расстояние от Бада до Сюехая 130 ли, или около 60 км. Если верить данному маршруту, то «снежное море» могло быть где-нибудь к западу от массива Акшийрак, в районе урочища Джоджурек. Но это расстояние мало для трех дней пути. К тому же расстояния, данные Танским маршрутом между Бада (Бедель) и Жехаем (оз. Иссык-Куль), значительно меньше действительного. Если так, то вряд ли следует искать «снежное море» к западу от хребта Акшийрак.

Ближе к истине предположение В. В. Бартольда. На карте Нарынского края А. В. Каульбарса[1] к югу от перевала Кашкасу обозначена группа озерков под названием Белькуль. Долина р. Кашкасу вообще изобилует небольшими озерками, самое значительное из которых достигает в длину 1,75 км и в ширину свыше 300 м. Они скорее всего представляют не отдельные озера, а реку с частыми расширениями и разливами[2].

В таком случае можно ли принять Белькуль за «снежное море», как это делал В. В. Бартольд? Мы считаем, что нельзя, так как озерки Белькуль незначительны по величине и не могут быть сопоставляемы с Сюехаем, имевшим, вероятно, более значительные размеры. С другой стороны, как указывает Ма Дуань-линь, Сюехая со всех сторон окружали *снежные горы* (здесь и ниже подчеркнуто нами— С. У.), чего также нельзя сказать по отношению озерков Белькуль.

Таким местом, как с точки зрения орографических, так и климатических («где и весною, и летом всегда идут дожди и снега») условий, могли бы быть Арабельские и Кумтерские сырты, расположенные между хребтами Терской Ала-Тоо, Джетымбель и Акшийрак. Сырты Кумтера и Арабеля — настоящий край озер и болот с тундровым ландшафтом. Климатические условия здесь настолько суровы, что даже летом случаются снежные бураны, а осадки в виде снега не редкость. «Эти сырты,— пишет Н. Б. Быкова,— производят унылое впечатление, напоминая тундру не только внешним видом (равнинностью, заболо-

[1] «Зап. РГО по общей географии», т. V, 1875.

[2] Н. Б. Быкова. Оро-гидрографический очерк верховьев Большого Нарына. «Труды ледниковых экспедиций», в. 2, Л., 1935,стр. 20.

ченностью, отсутствием леса и кустарников), но также суровым неприветливым климатом, вследствие которого *снежная пелена* неоднократно устилает летом всю местность».[1]

Рис. 4. Сурова природа сыртов Тянь-Шаня. Вид на Арабельские сырты.

Фото Р. Забирова.

Вот другое описание природы кумтерских сыртов: «Здесь сразу чувствуется иной климат: то светит и жжет яркое солнце, то небо быстро заволакивается стремительно бегущими тучами, по горам начинает ползти туман, скатываясь с вершин в ущелья и заволакивая хребты и покрытые снегом увалы, то внезапно налетает шквал, и в минуту засыпает землю *крупой или снегом*. Нередко среди лета такой шквал длится часами. Воздух становится зимним, морозным. Все время дует холодный, пронизывающий ветер... Вдали *кругом со всех сторон* сияют *снежные вершины,* ползут вниз, чернея моренами, ледники. Один,

[1] Н. Б. Быкова. Указ. соч., стр. 25.

другой, третий... много. Тут и там видны в понижениях и большие и малые моренные озера»[1].

Из сообщений «Таншу» можно предположить, что большая часть осадков, выпадающих в районе Сюехая приходится на теплый период года. Результаты произведенных в наше время исследований говорят в пользу сведений Танской истории. По данным гляциологической экспедиции Академии Наук СССР 1932—1933 гг., сырты Кумтера весною и летом получают 83% годовых осадков[2].

Приведенные нами данные свидетельствуют о том, что «снежное море» могло находиться именно в районе сыртов Арабеля и Кумтера Внутреннего Тянь-Шаня, где имелись в прошлом (VII—VIII вв.), где имеются и в настоящее время наиболее подходящие для этого климатические и орографические условия.

Танский маршрут VII в., кроме сведений о горе Бада и Сюехае, рассмотренных нами выше, содержит известия и о других географических пунктах между Бада (Бедель) и Жехаем (Иссык-Куль). В 50 ли от Бада, по этому маршруту, находился город Дундо или древний Чигу (?)— столица усуней. По переходе оттуда 30 ли протекала р. Чжень-жчу-хэ, к северо-западу от которой находилась гора Фаелин. Затем через 50 ли пути путешественники пересекали уже известный нам Сюехай и еще через 30 ли— Суйбошу на реке того же названия. Отсюда до озера Яньхай («Соленое море») или Жехай («Теплое море») оставалось 50 ли[3].

Как ни странно, Сюань Цзан, прошедший, очевидно, по этому же маршруту, совершенно не упоминает об указанных географических названиях, что при сомнительности Танского маршрута вообще затрудняет его рассмотрение по существу.

О горе Бада и «снежном море» нами сказано выше. Река Чжень-чжу-хэ в переводе с китайского означает «река истинных жемчужин». Она, по Н. А. Аристову, соответствует Сыр-Дарье, а в разбираемом маршруте — одно-

---

[1] Д. Н. Кашкаров и др. Холодная пустыня Центрального Тянь-Шаня, Л., 1937, стр. 40—41.

[2] А. Х. Завадовский. К вопросу о климатических условиях на сыртах в верховьях Нарына. «Труды ледниковых экспедиций», в. 2, Л., 1935, стр. 64.

[3] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, стр. 30—31.

му из верховьев Нарына — Тарагаю или Карасаю[1]. В. В. Бартольд, принимая во внимание указание Ма Дуань-линя о том, что Чжень-чжу-хэ вместе с другой рекой текла на северо-запад, эти реки отождествляет с верховьями Нарына — Карасаем и Джоджуреком (Тарагаем)[2].

В данном случае р. Чжень-чжу-хэ — несомненно р. Нарын, а в Танском маршруте — один из его притоков, по всей вероятности Карасай, так как расстояние в 80 ли (около 40 км) от Бада (Беделя) более подходит Карасаю, чем Тарагаю, лежащему еще дальше. Что же касается указаний Ма Дуань-линя о направлении рек, а также о р. Чже-хэ, то они сомнительны. Во-первых, главные притоки Нарына—Тарагай и Карасай— имеют юго-западное направление, а не северо-западное, как утверждает китайский историк. Во-вторых, в противоположность его же мнению, «Таншу» приводит сообщение, по которому Чже-хэ есть другое название реки Чжень-чжу-хэ. Последний еще назывался Иоша, Чженьчжу.

Река Чу (Суй-йе, Суйе), по «Таншу», находится в 1000 ли на север от гор Бода и простирается на 1000 ли (около 500 км). Другая крупная артерия Средней Азии р. Или (Йейе) начинается «с северной стороны Луковых гор; имеет мутный цвет, течет на северо-запад и уходит в большую песчаную степь, не имеющую ни травы, ни воды»[3].

Озеро Иссык-Куль упоминается под названиями Яньхай («Соленое море») и Жехай («Теплое море»)[4], которые метко передают важные свойства озера, его соленость и высокую температуру вод, возможно и незамерзаемость водоема. Озеро известно также под названием реки Суйе или Суйе-хэ. От этого же корня, вероятно, происходит и другое название озера Суй-ие-шуй, р. Йе-хэ, приводимые Н. А. Бичуриным. Сюань Цзан его называет Цинчжи («Прозрачное озеро») или Тацинчжи («Большое прозрачное озеро»).

Важно здесь отметить следующий штрих. Н. А. Аристов, рассматривая Танский маршрут VII в., замечает, что «местные жители по уверению тех же китайцев (т. е. ки-

---

1 Н. А. Аристов. Упом. рукопись, ч.I, стр. 72.

2 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, стр. 31.

3 Н. Я. Бичурин. Упом. соч., т. II, стр. 315.

4 Там же, стр. 314. К. Риттер. Землеведение Азии, СПб., 1859, стр. 80, 89.

тайцев, называющих озеро Яньхаем.— С. У.), называют его (озеро.—С. У.) Иси—Куль»[1]. Если верить этому толкованию, то выходит, что еще в VII в. озеро именовалось так же, как и в наши дни —Иссык-Куль. Между тем В. В. Бартольд полагал, что озеро под нынешним названием впервые упоминается в X в. у неизвестного персоязычного географа, автора рукописи «Худуд ал-Алам»[2].

Весьма ценно указание «Таншу» о незамерзаемости озера Иссык-Куль. Жехай, читаем там, «и в холодное время не мерзнет»[3]. Сюань Цзан об этом ничего не сообщает.

В целом китайцы имели верное общее представление о характере и направлении гидрографической сети Киргизии, приурочивая её к бассейнам Аральского моря и оз. Лоб-Нор. Реки, текущие на юг,— говорится в Танской истории,— уходят в Срединное государство (т. е. в Китай.—С. У.) и впадают в море (большое озеро); текущие на север проходят через тюркестанские земли и впадают в море. Морями, куда впадают реки, являются оз. Лоб-Нор, которое в китайской карте Центральной и Средней Азии времени династии Тан названо Большим озером, и Аральское море, известное в китайских исторических записках разных времен под названием Западное море, Северное море, Далиган.

Первые достоверные сведения о городах и экономике Киргизстана в эпоху раннего средневековья мы находим также у китайцев. В «Таншу» содержатся о них ряд интересных данных.

Как отмечено нами выше, на пути от пер. Бедель к оз. Иссык-Куль упоминаются города Дундо и Суйбошу. Видимо, здесь явная ошибка китайского историка, принявшего ставки кочевников за города. Вряд ли в то время имелись условия для существования городов на сыртах Внутреннего Тянь-Шаня. Если под Дундо подразумевать Чигу — древнюю столицу усуней, то она находилась в Иссык-Кульской котловине и размещение ее в 50 ли от пер. Бедель (горы Бада) не выдерживает критики. По

[1] Н. А. Аристов. Упом. рукопись, ч. I, стр. 68.

[2] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, стр. 59, Гардизи (XI в.) также называл озеро Иссык-Кулем. В Западной Европе, это название озера стало известно, кажется, только в XIV в., т. е. со времени выхода Каталонской карты 1375 г.

[3] Н. Я. Бичурин. Упом. соч. т. II, стр. 314.

«Цяньханьшу» Чигу находился в 610 ли от Ак-Су (Синьцзян)[1].

В самой Иссык-Кульской котловине, на южном берегу озера, по Танской истории, находились города Тун или Дун, в 110 ли оттуда — Холе и еще через 30 ли — Шечжи, которые, как думал Н. А. Аристов, располагались соответственно на рр. Тон, Улахол и Бор-Булак[2]. Затем пройдя через одну долину достигали устья реки Суй-шечжуань, что должно быть верхнее течение р. Чу, где она вступает в Боомское ущелье. В 80 ли от последней, уже в пределах Чуйской долины, находился город Филоцзянкюнь. Далее между рр. Чу (Суй-ше-шуй) и Талас перечислено следующих 8 городов: Суйше в 20 ли от предыдущего, Миго (в 10 ли от Суйше), через 30 ли Синь; оттуда в 60 ли — Тунгянь, в 50 ли от последнего — Осуболай, через 70 ли от него — Кюлань (или Цзюлань), в 10 ли оттуда — Тогянь. Города Чуйской долины замыкал Талас, расположенный в 50 ли от Тогяня[3].

Перечисленные города, вероятно, входят в число тех многочисленных городов, указанных, но не названных Сюань Цзаном для Сули. Эти же города встречаются и у арабо-персоязычных авторов, но уже под другими названиями: Миго под именем Сарыга, Тунгянь—Нузкета, Осубалай—Ашпара, Суйше—Суяба, Талас—Тараза[4]. Последний еще назывался Гюйлосом (также Хынлосом), возле которого, по «Таншу», насчитывалось до 300 малых городов[5]. Резкие различия между китайскими и арабскими названиями городов В. В. Бартольд видит в том, что первые большей частью относятся к первой половине VII в., а вторые — к концу IX в.

Население городов и оседлых пунктов занималось разными ремеслами, вело бойкую торговлю. Большое место в

---

[1] Н. Я. Бичурин Упом. соч., т. II, стр. 199.
На китайской карте Центральной и Средней Азии времени династии Бэй-Вэй Чигу обозначен к юго-западу от оз. Иссык-Куль, на карте же при династии Тан — на южном берегу озера.

[2] Н. А. Аристов. Упом. рукопись, ч. II, стр. 43.

[3] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, стр. 4; Н. А. Аристов. Упом. рукопись, ч. II, стр. 44.

[4] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, стр. 16.

[5] Н. Я. Бичурин. Упом. соч., т. II, стр. 300. Здесь несомненно преувеличено. По данным В. В. Бартольда и последующих исследователей, в Таласской долине было не более 2-х десятков городов.

экономике жителей занимало земледелие, где широко применялись ирригационные системы для орошения полей. «Поля орошают снеговою водою»,— пишет китайский историк.

Возникновение оседлости и развитие земледельческой культуры в Таласской и Чуйской долинах было связано, прежде всего, с согдийской колонизацией края, начатой еще в IV в., а также прохождением через Семиречье торгового пути из Западной Азии в Китай. Однако подъем и расцвет средневековой экономики Киргизстана относится к IX—XII вв.— эпохе сложения и развития феодальных отношений.

Более высоким уровнем экономического развития отличалась Фергана, один из древнейших культурных очагов Средней Азии. Накануне завоевания ее арабами во владении Нинюань, расположенной к северу от р. Сыр-Дарья (Чжень-чжу), имелось 6 больших и около 100 малых городов[1]. Здесь же, в Ферганской долине, но по южную сторону р. Сыр-Дарьи во владении Хохань (Коканд) было до 20 больших городов и около 100 малых. Главными городами Ферганы явились Гйесай (Гуйшань) — современный Касан и Сигянь (Ахсыкет), развалины которого находятся к западу от Намангана («Искиахсы»)[2].

Фергана, куда входила и Южная Киргизия, славилась своей развитой земледельческой культурой и коневодством, а по Хой Чао, еще верблюдами, мулами и овцами[3]. Известностью пользовались и горные промысла, производство киновари, золота и железа[4].

Наконец, для того, чтобы закончить обзор географических известий китайцев о Киргизии для раннего средневековья, рассмотрим карту Центральной и Средней Азии времени династии Тан[5], представляющую собою

---

1 Н. Я. Бичурин. Упом. соч., т. II, стр. 319. О древней и средневековой истории Ферганы, см. А. Н. Бернштам. Древняя Фергана, Ташкент, 1951.

2 А. Н. Бернштам, МИА, 26, стр. 244.

3 А. Н. Бернштам. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726). «Вестник древней истории», 1 (39), 1952, стр. 193.

4 М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 15.

5 «Циньдин-Хуанюй-Сиюй-тучжи», 1782. Цзюань 3; Н. Я. Бичурин. Упом. соч., т. III, Приложения.

Рис. 5. Китайская карта Центральной и Средней Азии времени династии Тан (Из книги Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», М., 1953).

свод географических знаний китайцев не только о Киргизии, но и о всем Западном крае.

Смотря на карту с первого же взгляда можно сказать, что орографические и гидрографические контуры Киргизии в основном намечены верно.

Киргизстан — страна гор. Эта особенность строения поверхности края нашла здесь свое отражение. Хотя намеченные контуры далеки от истинного расположения хребтов Тянь-Шаня, а отсутствие градусной сетки затрудняет их локализацию, тем не менее не трудно находить очертания некоторых горных цепей страны. Правдивое изображение речных систем дает возможность вполне ориентироваться на карте.

Длинная непрерывная цепь гор, протянувшаяся с юго-востока на северо-запад вдоль реки, соответствующей Сыр-Дарье,— хребты Туркестанский и Алайский. От них на северо-восток идут другие цепи гор, которые, в противоположность действительному расположению хребтов, показаны прерывисто. Между тем в более ранних китайских картах, например, времен династии Хань, Цзинь, Бэй-Вэй, горы, соответствующие хребту Кокшаал-Тоо, изображены беспрерывной цепью. Танская карта у северо-восточной оконечности горной цепи обозначает пик Сулэу и хребет Баньда, а за р. Бохо — сложную группу гор Агитьхянь или Ацзитянь.

Перечисленные объекты можно отождествлять следующим образом. Хребет Баньда, или гора Бада Танского маршрута с пиком Сулэу, должен соответствовать хребту Кокшаал-Тоо. Горы Агитьхянь—это Белые горы, одно из названий Тянь-Шаня, а в данном случае—наиболее возвышенная, покрытая вечными снегами и ледниками, часть Тянь-Шаня — массив Хан-Тенгри. Об этом говорит само название гор (Белые горы). Об этом свидетельствуют и реки, начинающиеся с южного склона гор Агитьхяня и недоходящие, как и в современную эпоху, до главной водной артерии Тарим. Реки эти—несомненно Музарт и его притоки.

Другая цепь гор тянется в широтном направлении севернее уже описанной. Это — северные дуги Тянь-Шаня. Из них западную гряду гор составляют два хребта, в которых мы видим Чаткало—Кураминский, идущий на юго-запад и Таласский, обращенный на северо-запад. Восточную гряду можно сопоставить с хребтами, лежащими в

верховьях рр. Чу и Талас, правда, очертания изображенных на карте гор и рек сомнительны.

Интересно местоположение гор Гйедань (Цзиедань), известных как местопребывание тюркского кагана. Гора эта по «Таншу»[1] находилась на расстоянии в 40 ли к северу от р. Суй-ше-шуй (р. Чу). На данной же карте горы Гйедань, наоборот, расположены к югу от реки, соответствующей р. Чу, причем обособленно от соседней группы гор, что неестественно.

О характере строения Внутреннего Тянь-Шаня китайцы не имели ясного представления и изображали его в виде обширной равнины. В северной части равнины показано озеро без названия, которое по местоположению и очертаниям можно принять за оз. Сон-Куль. Это первое картографическое изображение Сон-Куля, которое под названием Сизинг-Куля впервые упоминается среднеазиатским историком и географом Махмудом Кашгарским (XI в.). В Европе оно стало известно, очевидно, лишь с 30-х годов XVIII в. благодаря калмыцкой карте Джунгарии, более известной как карта Рената.

Озеро Иссык-Куль значится здесь под названием р. Суйе. Озеро изображено в виде четырехугольника, удлиненного в широтном направлении. Кажущиеся многочисленные заливы озера на самом деле его притоки, которых, по Сюань Цзану, насчитывалось во множестве. Из озера вытекает большая река, имеющая четыре левых и один правый приток. Река эта — несомненно Чу. Китайцы, не располагая точными сведениями, ошибочно полагали, что между оз. Иссык-Куль и р. Чу имеется непосредственная гидрографическая связь, что озеро служит истоком реки и поэтому оба названы р. Суйе. Ошибка эта, на что мы уже обратили внимание, исходит еще со времени династии Старшей Хань. На карте Западного края времени династии Бэй-Вэй оз. Иссык-Куль также изображено истоком р. Чу. На южном берегу озера обозначен город Чигу[2], а Линшань («Ледяные горы») — западнее его.

---

[1] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, стр. 4.

[2] В «Переводах китайского текста надписей» карты Центральной и Средней Азии времени династии Тан (Н. Я. Бичурин. Упом. соч., т. III.) иероглифы, обозначающие Чигу, оказались нерасшифрованными. Покойный проф. А. Н. Бернштам любезно сообщил нам их перевод, которым, как и другими его ценными замечаниями и советами, мы воспользовались с благодарностью.

К западу от р. Чу параллельно к ней протекает другая река, что может быть только р. Талас. Она слишком отодвинута на восток, почему город Гюйлосы (Талас), расположенный на берегу реки, оказался на значительном расстоянии от нее.

В целом карта Центральной и Средней Азии времени династии Тан представляет несомненный интерес. Она еще раз свидетельствует об обширности географических знаний китайцев о Киргизии, особенно по орографии, гидросети и политической карте страны. Китайские письменные источники VII—X вв. имеют исключительную ценность для истории географии Киргизии и по своей значимости не уступают более поздним арабским данным.

Будучи в тесных политических и экономических сношениях с Западнотюркским каганатом и другими государствами Западного края, китайцы в это время не раз посещали пределы Киргизии. В 630 году здесь путешествовал Сюань Цзан. В середине VII в. Судинфан нанес крупное поражение войскам западных тюрков и преследовал их до р. Чу. В 748 г. китайские войска вновь вторглись в пределы Семиречья и разрушили ставку тюргешей город Суяб[1], а спустя три года на р. Талас произошла битва китайцев с арабами[2]. Следствием этих и других событий явилось накопление китайцами значительных сведений о Киргизии.

Однако поражение, понесенное от арабов в 751 году повело к упадку влияния Китая в Средней Азии и лишь десять столетий спустя китайцы восстановили свой былой престиж в Западном крае, присоединив Джунгарию и Восточный Туркестан в состав Цинской империи. Поэтому естественно, что в период между X—XVIII вв. китайская география и историография не дают ничего существенного для расширения наших знаний о природе Киргизии. Исключение составляют записки Чан Чуня, китайского путешественника XIII в.

---

[1] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 19.

[2] Извлечения из «Китаб Камил ат-тарих» Ибн ал-Асира. Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Кир. ССР, инв. № 1820, стр. 59.

Поездки Чан Чуня и других путешественников в Среднюю Азию были связаны монгольским нашествием. Сопровождая Чингис-хана во время его походов, они сделали ряд ценных наблюдений. Так, китайский министр Елюйчуцай (1219) и посол Чжурчженьского императора при Чингис-хане Вугусунь (1220) свидетельствуют о высокой земледельческой культуре в Чуйской долине, где, как и в Приилийской равнине, возделывались пять родов злаков. Путешественники сообщают о многочисленных городах между Или и Таласом, главным из которых являлся Хосун-Орду — бывшая столица каракитаев[1].

Чан Чунь, бывший в Средней Азии в 1221—1223 гг. по вызову Чингис-хана, дает красочные, меткие, правда, не лишенные влияния «духовной алхимии», описания отдельных частей горной страны Тянь-Шань, в частности Чуйской долины, гор юго-западного Тянь-Шаня, рр. Чу, Талас, Сыр-Дарьи.

Из города Алмалык в Приилийской равнине Чан Чунь направился на запад и преодолев Кастекский перевал спустился к р. Чу (Чуй-мулянь). Переправившись через реку 1-го ноября 1221 г., путешественник следовал далее по Чу-Таласскому междуречью. «Здешняя страна,— читаем в «Си-ю-цзи»,— климатом и воздухом различна от страны по северную сторону Цзинь-Шань[2]; здесь весьма много равнин; жители занимаются земледелием и шелководством; вино выделывают из винограда; плоды те же, что в Китае. Только целое лето и осень не бывает дождя; поэтому поля орошаются из рек, посредством канав; отчего хлеба и поспевают. На северо-востоке и юго-западе,

---

[1] На карте северо-западных и западных владений монголов, приложенной к «Си-ю-цзи, или описание путешествия на запад» Чан Чуня, ни один из городов Северной Киргизии, сообщаемых указанными путешественниками, не обозначен.

О путешествиях Елюйчуцая и Вугусуня см. E. Bretschneider Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources, Vol. 1, London. 1910, стр. 17—22, 25—34.

[2] Цзинь-Шань по Н. Я. Бичурину и Н. А. Аристову—Алтай, по Бретшнейдеру — Тянь-Шань. В данном случае, скорее всего, Монгольский Алтай. Чан Чунь перед посещением Средней Азии был в Монголии, почему и сравнивает климатические условия этих стран.

налево горы, направо долины тянутся беспрерывно на 10 000 ли»[1].

Из рек полнее характеризуются Талас и Сыр-Дарья, причем Талас-мулянь представляется глубокой и широкой, текущей на северо-запад; выходя с востока, она прорезывает Иншань; к югу от реки — снежные горы.

Сыр-Дарья, названная Хогань-муляном, начиналась на юго-востоке, между двумя снежными горами. Как и в настоящее время, река отличалась мутностью воды, быстротой течения и большой глубиной, достигающей несколько чжанов[2]. Чан Чунь знал, что река течет в северо-западном направлении, но ему оставалось неизвестной «сколько тысяч ли она протекает».

Огромное впечатление произвела на него горная страна, лежащая к северу от реки Хогань-мулянь (Сыр-Дарьи), т. е. хребты Западного Тянь-Шаня. Путешественник, обладавший поэтическим дарованием, не мог удержаться, чтобы не излить своих чувств при виде величественной панорамы хребтов, достигающих «всевышнего неба». «Горные высоты, созданные творцом, неизречены,— восклицает он;— с востока на запад стоят они грядами, созданные самим небом; юг ограждается нефритовой горой, цепью высоких пиков; на севере, горы давят золотой песок и опоясаны дикой равниной; внизу лежат источники, с неистощимою влагой; вверх горы достигают до небесного пути, до Ю-юй-цинь[3]; путешествуя 10 000 ли, я неохотно открываю уста; но дошедши сюда, пою громко, не могши удержать чувств»[4].

Географические описания Чан Чуня, подобно «Запискам» и «Биографии» Сюань Цзана, пронизаны религиозными наслоениями, объясняющими природные явления, как продукт духовного творца. Однако современный исследователь может извлечь из «Си-ю-цзи» чрезвычайно интересные данные о природе страны. Так, заслуживает внимания представление Чан Чуня о Западном Тянь-Ша-

---

1 Си-ю-цзи. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. 4, СПб., 1866, стр. 307.

2 Чжан равен 10 футам, или около 3-х метров.

3 Ю-юй-цинь в даосской космографии означает высшее небо, см. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. 4, стр. 309.

4 Там же.

не, как системе широтновытянутых хребтов, достигающих больших высот и окруженных равнинами с пустынным ландшафтом. Его указания о скалистом, многоярусном характере строения гор Средней Азии, покрытых вечными снегами, отражают современные представления об их альпийском облике. Обращает на себя и то, что путешественник отмечает низкое положение снеговой линии, а также резкие различия природных условий северного и южного сконов гор.

Описания Чуйской долины, рек Таласа и Сыр-Дарьи, данные Чан Чунем, исключительно верные и простые по изложению, не теряют своего значения и по сей день.

Таким образом, географические известия Чан Чуня, как и самоотверженный научный подвиг его великого соотечественника Сюань Цзана, явились ценным вкладом в географическую науку в деле познания природы Киргизии[1].

Другие китайские авторы этого и более позднего периода мало что добавляют к уже известным сведениям о природных условиях края. Чан Дэ, прошедший между двумя горами И-ту (Киргизским Ала-Тоо и горами Чу-Илийского водораздела) в марте 1259 г.[2], в характеристике Чуйской долины по существу повторяет Сюань Цзана и Чан Чуня. Однако на месте прежней цветущей земледельческой страны с городами и поселениями, путешественник застает одни их развалины, упадок экономики края, что явилось прямым результатом разрушительной деятельности монголов, действовавших, по выражению К. Маркса, соответственно их способа производства[3], превращая бывшие земледельческие районы в пастбища кочевников.

О горной части страны китайцы также не располагали более значительными сведениями, чем во времена Сюань Цзана и Чан Чуня, и география династии Мин («Мин-

---

1 О путешествии Чан Чуня, кроме названных выше трудов см. И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879, стр. 67—71; В. Бартольд. Туркестанский край в XIII веке. (По рассказу китайского путешественника (Чан Чуня). «Туркестанские ведомости», 1894, №№ 43, 44.

2 E. Bretschneider. Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources, Vol. 1, London, 1910, стр. 129—130; В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 51.

3 К. Маркс и Ф. Энгельс. Введение к критике политической экономии, Соч., т. XII, ч. I, стр. 188.

итун-чжи», изд. 1461 г.) лишь пересказывает их. «Цунлин,— сказано в ней,— начинается в этой стране (И-ли-ба-ли[1].—С. У). Имя это произошло от изобилия дикого лука. Горы эти очень высоки. Туземцы называют их Таш-Даван. В этой стране (вообще) холодно. В горах и глубоких их долинах снег нередко выпадает в шестом месяце (июль). Есть там море (озеро), называемое Жехай (теплое море), которое имеет несколько ли (?) в окружности. На языке страны его называют Исикор»[2] (Иссык-Куль).

СВЕДЕНИЯ АРАБСКИХ И СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГЕОГРАФОВ И КАРТОГРАФОВ

Значительный материал по географии Киргизии наряду с китайской дает арабская и персоязычная литература. Завоевание арабами Средней Азии в VII—VIII вв. и потребности административного устройства новых территорий вызвали появление специальных «книг о налоге» с перечислением провинций и населенных пунктов, продуктов земледелия и промышленности, «книг дорог» с перечислением почтовых станций, расстояний и условий сообщения и др., что придало арабской географии административно-статистическое направление[3]. Оно ярче всего выражено в трудах Ибн Хордадбеха («О путях и государствах», IX в.), Ибн Хаукаля («Книга путей и государств», X в.), Кудамы ибн Джафара («Книга о налоге», X в.) и других.

Говоря об арабской географической литературе, имеющей отношение к Средней Азии, следует иметь в виду то, что на арабском языке писали свои труды не только арабские авторы, но и местные среднеазиатские ученые. Арабское завоевание и насильственная исламизация края привели к победе совершенно чуждого местному населению арабского языка в мусульманском богословии, в

---

[1] Чагатайский улус, куда входила горная Средняя Азия и восточный Туркестан, тогда назывался И-ли-ба-ли.

[2] Н. А. Аристов. Упом. рукопись, ч. II. стр. 287.

[3] В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922. стр. 11. Его же: История изучения востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 53—54; И. Ю. Крачковский. Арабские географы и путешественники. «Изв. ВГО», т. 69, в. 5, 1937, стр. 740.

официально-чиновничьем мире, в среде местной аристократии. Язык завоевателей применялся не только в проповеди и в молитве, но и в канцеляриях, в культурной жизни и в научной работе. Положение это стало меняться с середины X в., когда с падением государства арабов и установлением власти местных династий (тахиридов, затем и саманидов), ираноязычное население Средней Азии одновременно с арабским пользуется и таджикским литературным языком[1]. Поэтому географические сведения, касающиеся территории Киргизии встречаются как в арабских источниках, так и в трудах среднеазиатских авторов, писавших на обоих языках.

В период арабского завоевания Средней Азии основная часть современной территории страны по-прежнему оставалась под управлением тюркских племен. Власть аббасидов простиралась на северо-востоке до Таласской долины, а на востоке — до Ферганского хребта. По всей вероятности арабские географы и путешественники редко посещали современную территорию Киргизии и большую часть сведений о ней накопили расспросным путем, особенно через посредство торговцев. Из путешественников, прошедших через Тянь-Шань, с уверенностью можно назвать Тамима ибн Бахр ал-Муттауваи (II половина VIII в.), Саллама ат-Тарджумана (середина IX в.) и Абу-Дулафа (X в.). Хотя обстоятельства мало благоприятствовали накоплению всесторонних и детальных знаний о природе и экономике края, тем не менее арабские источники, наряду с трудами среднеазиатских ученых, содержат довольно богатый и достоверный материал по географии Киргизии.

Из сообщений арабских и местных авторов можно извлечь следующие географические сведения[2]: маршрутные данные и описания путей сообщения; материалы о

[1] История Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1955, стр. 223—224.

[2] Трудам арабских и других восточных авторов, имеющим отношение к Средней Азии, в т. ч. Киргизии, посвящена значительная литература. Главные источники по этому вопросу, которыми мы пользовались в настоящей работе, следующие: В. В. Григорьев. Восточный Туркестан. 1873. стр. 194—251; В. В. Бартольд: О христианстве в Туркестане, 1893; Отчет о поездке в Среднюю Азию, 1897; Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, 1900, глава I и др.; Н. Ф. Петровский. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям. Ташкент, 1894; Н. Н. Пантусов. Как далеко простирались сведения арабских географов в глубь Сред-

населении страны и его географическом размещении; описания городов и населенных пунктов; сведения о сельском хозяйстве, ремесле, горном промысле и торговле; сведения об отдельных элементах природы страны, комплексные описания отдельных районов.

Арабские и среднеазиатские географы о городах и и экономике Киргизстана

Сообщения арабо-персоязычных авторов о городах, существовавших на территории Киргизии, относятся, главным образом, к IX—XII вв., когда Киргизстан находился под властью карлуков (середина VIII в. — середина X в.), караханидов (середина X в. — первая четверть XII в.) и каракитаев (XII в).

В этот период истории страны, как и раньше во время правления Западнотюркского каганата и тюргешей, широкой сетью городов и сельских поселений были покрыты Таласская, Чуйская и Иссык-Кульская долины. Городская жизнь била ключом и в южной приферганской части Киргизии. Внутренний Тянь-Шань, в силу суровых природных условий и характера хозяйства (скотоводство) его населения, располагал меньшим числом оседлых поселений.

Древние и средневековые города, расположенные на территории Киргизии, разумеется, не могут быть сопоставляемы с современными, ибо уж слишком велики различия между ними. Первые города в собственном смысле этого слова стали возникать в Таласской и Чуйской долинах в V—VI вв. на месте старых согдийских колоний. Что касается приферганской части страны, то городская жизнь, как уже сказано выше, там возникла значительно раньше, задолго до н. э.

В силу общественно-исторических условий своего времени средневековые города распадались на несколько

ней Азии, Казань, 1909; И. Ю. Крачковский: Арабские географы и путешественники. «Изв. ВГО», т. 69, В. 5, 1937; Математическая география арабов (от ал-Хорезми до Улугбека). «Научное наследство», т. I, 1948, стр. 625—632; Избр. соч., т. IV, 1957; Бернар Карро де Во. Арабские географы. Л., 1941; П. Г. Булгаков. Сведения арабских географов IX— начала X вв. о маршрутах и городах Средней Азии, 1954 (Кандидатская диссертация). См. также нашу статью: «Из истории географических исследований Киргизии». «В помощь учителю», в. 8, 1957 (на кирг. языке).

частей, отражая социальное расслоение населения. Центр города—арк, цитадель—представлял оплот, крепость правителя. Вокруг него располагалось шахристан — место сосредоточения феодальной знати, а окраину города — рабад — занимало торгово-промышленное население. Все три части города были окружены мощными стенами с башнями и воротами, необходимые для защиты от нападения кочевников. Соборные мечети, мавзолеи, замки и др. обычно строились в арке и шахристане. Сохранившиеся исторические памятники свидетельствуют о большом мастерстве зодчих средневековья.

Крупные города, как например, Тараз (Джамбул), Суяб (Новороссийка) достигали значительных размеров— до 3,5—4,5 километра в окружности. В XI—XII вв. города обрастали сельскими поселениями — рустаками. На торговых путях стояли караван-сараи.

В Таласской долине (округ Тараз) в IX—X вв., по данным арабского географа Макдиси, было 10 городов. Этот округ еще назывался областью Нижний Барсхан. Главный город ее Тараз упоминался уже в VII в. Сюань Цзаном под названием Талас. Тогда он простирался до 4—4,5 км в окружности и считался крупным торговым центром. В VIII веке, в связи с арабским завоеванием, Тараз становится самым восточным форпостом мусульманского мира в среде кочевников и ему отводится роль посредника в отношениях между арабами и тюрками-карлуками[1]. Свое значение город сохраняет и в последующее время. Арабские географы, X в. Ибн Руста называет его «городом купцов», а Ибн Хаукаль—«местом торговли мусульман с тюрками».

«Тараз,— указывает Макдиси,— значительный укрепленный город со множеством садов и сплошными постройками. У него есть ров, четверо ворот и многолюдное предместье. У ворот города течет большая река (конечно, река Талас.— С. У.); часть города находится по ту сторону реки; через реку проходит дорога. Соборная мечеть находится среди базаров»[2].

---

[1] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 31.

[2] Извлечения из «Ахсан ат-такасим фи ма рифат ал-акалим» Макдиси.—Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, инв. № 1820, стр. 35.

До последнего времени местоположение Тараза оставалось неясным. Арабскими авторами давались для города разноречивые координаты. Якут (XII—XIII вв.) напр., его размещал под 100°30′ в. д., Абул-Фида (XIV в.)—под 89°50′ в. д. и 44°25′ или 43°35′ с. ш. У Улугбека, выдающегося среднеазиатского ученого XV в., создателя Самаркандской астрономической обсерватории, город значился под 99°50′ в. д. В. В. Григорьев думал, что Тараз арабов и Талас Сюань Цзана два различных города. Поэтому первый располагал на р. Чу, а второй—на р. Талас. По Томашеку, Тараз находился к северу от Капкинского ущелья, т. е. в пределах современной Киргизии.

Вопрос о географическом размещении Тараза был решен только в советское время, благодаря археологическим исследованиям А. Н. Бернштама, который развалины древнего города обнаружил внутри города Джамбул[1]. Итак, Талас Сюань Цзана и Тараз арабских и персоязычных авторов соответствует г. Джамбул.

К югу от Тараза в пределах современной Киргизии находились города Атлах (развалины Джуан-Тюбе, к югу от с. Солдатское)[2], Хамукат (развалины Май-Тюбе, к югу от с. Серафимовка), Шельджи (развалины Садыр-Курган у с. Кировское), Сусы (развалины Чалдывар у с. Водное), Куль (развалины Джаман-Курган у с. Орловка) и Текабкет (городище Ак-Тюбе около г. Талас).

Все эти города за исключением Шельджи, Макдиси отмечаются как большие города. Шельджи, хотя и отнесен к числу маленьких городов, но в нем одних исфаханцев (торговцев и ремесленников) насчитывалось до 10 тысяч человек. Он славился своим богатым горным (серебряно-свинцовым) промыслом. В его округе имелось еще семь селений.

Атлах был одним из больших городов Таласской долины. По величине он приближался к Таразу и другому окружному центру Исфиджабу (Сайрам около г. Чимкента). Город утопал в садах, а окрестности — в виноградниках.

---

[1] А. Н. Бернштам. Историческая география Тянь-Шаня и Памиро-Алая. «Известия ВГО», т. 87, в. I, 1955, стр. 44.

[2] Локализация древних городов и поселений здесь и ниже дается по А. Н. Бернштаму.

Средневековые города Таласской долины (в пределах Киргизии) играли большую роль в экономической жизни не только округа Тараз, но и в масштабе Мавераннахра[1].

От Тараза на восток, вдоль северных подножий Киргизского хребта тянулась непрерывная сеть городов и селений[2], подчиненных в IX—X вв. карлукам. Крайним пунктом их земель являлся Касра-Бас (в 30 км от Тараза), который служил местом для зимовок кочевников. Далее, уже на территории Киргизии, находились большие селения Нузкет (развалины к северу от с. Кара-Балты), Харран-Джуван (район с. Беловодское), Джуль (к востоку от г. Фрунзе), Сариг (городище Красная Речка, к востоку от одноименной реки). Менее значительными селениями считались Кирмирау (район башни Бурана), Керминкет (с. Советское, на правом берегу р. Чу) и др. Наибольшее значение в экономическом и политическом отношениях имели города Суяб (с. Новороссийка), Баласагун (развалины Ак-Бешим) и Невакет (с. Орловка).

Суяб как важный политический и экономический центр средневековой Киргизии выдвинулся рано. В VII в. он — крупный торговый город, где встречались купцы многих стран. В X в. Суяб, по Кудаме, состоял из 2-х частей: Кубала и Сагур-Кубала. Неизвестный автор географического сочинения «Худуд ал-Алам» («Границы мира»), написанного на персидском языке в 982 г., отмечает, что Суяб — большой населенный пункт, откуда выходит 20 тысяч человек[3].

Большим городом считался и Невакет. Он упоминается многими средневековыми авторами. Выдающийся ученый IX в. Абуджафар ибн Муса ал-Хорезми, выходец из Хорезма, приводит его географические координаты: 44° с. ш.

---

[1] Мавераннахр («Заречье»)—область Средней Азии, расположенная к востоку, северо-востоку от Аму-Дарьи до Таласа и Ферганы включительно.

[2] См. Извлечения из «Китаб ал-масалик ва-л-мемалик» Ибн Хордадбеха и извлечения из «Китаб ал-харадж» Кудамы.—Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, инв. № 1820.

[3] V. Minorsky. Hudud al-Alam. „The Regions of the World", a persian geography 372 A. H.—982 A., D. Oxford, 1937, стр. 99.

и 104° в. д.[1]. Невакет являлся также важным торговым центром. От него шли караванные пути на восток — в

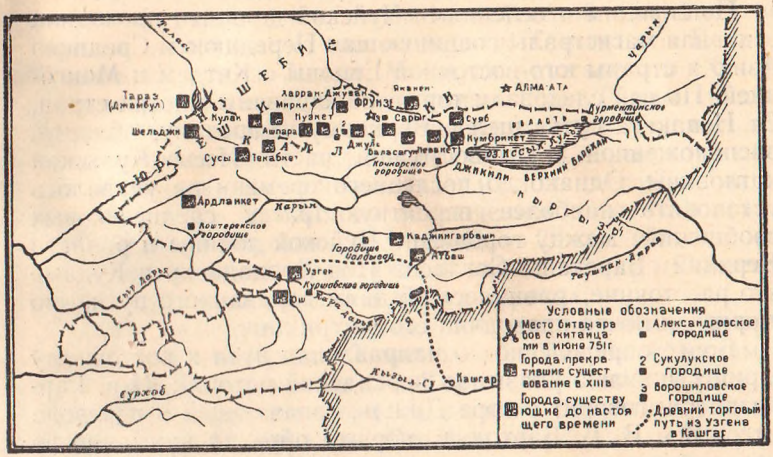

Рис. 6. Киргизстан в VIII—X вв. (По книге «История Киргизии», т. I.).

Суяб, на юг — в Верхний Барсхан и Восточный Туркестан (Синьцзян).

К западу от Невакета находился Баласагун, бывший ставкой каганов карлуков и илек-ханов караханидов. С первой половины XII в. он стал столицей государства каракитаев. Макдиси его называет большим и богатым городом. На карте Махмуда Кашгарского Баласагун со всех сторон окружен горами, причем один из хребтов назван Баласагунским[2]. Арабский географ XIV в. Абул-Фида Баласагун помещает под 91°35′ или 91°50′ в. д. и 47°40′ с. ш.[3]

В. В. Бартольд предполагал, что Баласагуну могут соответствовать развалины Ак-Бешима близ города Ток-

---

[1] А. Н. Бернштам. МИА, 14, 1950, стр. 7.

[2] И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира (XI в.) «Труды Самаркандского пединститута им. М. Горького», т. I, в. I, 1940, стр. 122.

[3] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, 1897, стр. 36.

мак. Впоследствии археологическими изысканиями, произведенными А. Н. Бернштамом[1], было подтверждено предположение Бартольда.

По городам и селениям Чуйской долины проходила основная магистраль, соединяющая Переднюю и Среднюю Азию и страны юго-восточной Европы с Китаем и Монголией. По ней следовали торговые караваны многих стран. От Невакета путь шел к Верхнему Барсхану, области, расположенной в юго-восточной части Иссык-Кульской котловины. Однако до последнего времени не удавалось установить наиболее вероятную трассу средневековых сообщений между городами Чуйской долины и области Верхний Барсхан. Согласно Ибн Хордадбеху и Кудаме это расстояние равнялось 15 дням караванного пути, но тюркская почта проходила его за три дня.

Более определенно о направлении пути к восточному Прииссыккулью указывал персидский историк XI в. Гардизи[2]. Он говорит о горе Джиль, означающей в переводе «тесный». В. В. Бартольд первый обратил внимание на это название, видя в нем местность Джиль-Арык в Боомском ущелье. В 12 фарсахах от Джиля находился город Яр (буквально «обрыв»), который, как и города Тон и Барсхан, располагался на южном берегу оз. Иссык-Куль. Эти города принадлежали одной из групп тюркских племен — джикилям.

Если судить по этим данным, то караванная дорога должна была проходить по Боомскому ущелью и дальше южным берегом Иссык-Куля уходить в Восточный Туркестан. Такого мнения придерживались большинство исследователей, хотя допускалась возможность и других путей (через перевал Шамси в Киргизском хребте или через перевал Кастек). Археологические исследования, произведенные в Кеминской и Иссык-Кульской долинах[3], показывают, однако, что средневековая трасса караванного сообщения шла по Чон-Кемину и через перевал Когойрок на хребте Кунгей Ала-Тоо выходила к северному берегу

---

[1] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 77.

[2] Гардизи. Украшение известий. «Записки Академии наук», сер. VIII, т. I, № 4, 1897, стр. 114 (опубликовано В. В. Бартольдом).

[3] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 80; его же: МИА, 14, 1950, стр. 75.

Иссык-Куля (в районе с. Чолпон-Ата), занятому кочевьями тюргешей, другой группой тюркских племен.

О средневековых городах Прииссыккулья и их географическом размещении, кроме сообщений китайцев и Гардизи, нам известно еще по данным Тамима ибн Бахра, Кудама, «Худуд ал-Алам», Махмуда Кашгарского (XI в.) и некоторых более поздних авторов. Так, Тамим свидетельствует о наличии в области Верхний Барсхан восьми городов, в том числе четырех больших и столько же малых. К сожалению, он не называет их и не дает каких-либо подробностей о городах, за исключением того, что воинский гарнизон Барсхана, состоящий из 20 тыс. человек (в войсковом списке), находится в одном городе на берегу озера[1]. Кудама сообщает о девяти городах.

Автор «Худуд ал-Алама» впервые называет четыре города из упомянутых Тамимом ибн Бахром и Кудама, а именно: Барсхан, Сикуль, Тон и Тальхиза. Столица области Барсхан, по этому сочинению, богатый город на берегу озера Иссык-Куль. Столице не уступал и Сикуль, считавшийся большим населенным городом и богатым торговым пунктом. Другие два селения — Тон и Тальхиза — автор помещает вблизи озера, но среди гор на границе владений джикилей и карлуков[2].

Все эти известия о средневековых городах и поселениях Прииссыккулья нашли свое полное подтверждение в наше время, благодаря археологическим экспедициям А. Н. Бернштама 1940 года[3]. Им были обнаружены развалины семи из девяти известных по литературным источникам городов, часть которых уже оказалась под водой. Первое из поселений Верхнего Барсхана располагалось на правом берегу р. Тон и соответствует развалинам с. Куньчигиш (Бокомбаевское). Второе поселение находилось в 20 км от первого, на самом берегу озера; третье — на правом берегу р. Тосор; четвертое — между рр. Тамга и Барскон. Развалины последних двух посе-

---

[1] Путешествие Тамима ибн Бахра ал-Муттауваи. — Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, инв. № 1820, стр. 2. V. Minorsky. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs. BSOS, т. XII, в. 2, 1948, стр. 283—284.

[2] V. Minorsky. Hudud al-Alam, стр. 98, 99.

[3] МИА, 14, 1950, стр. 26. См. также: История Киргизии, т. I, 1956, стр. 101.

лений найдены у устьев рр. Джиргалан и Тюп. Остальные, бывшие, очевидно, между р. Тамга и Койсары, смыты водами озера. В названиях рр. Тон и Барскон, как полагают, сохранились наименования одноименных городов, известных китайцам еще в VII—VIII вв.

Во Внутреннем Тянь-Шане из оседлых пунктов наиболее крупным был Атбаш (развалины Кошой-Коргон к западу от современного с. Ат-Баши), известный еще Ибн Хордадбеху и Кудаме. Этот город-крепость, возникший в VIII—IX вв.[1], занимал выдающееся положение на узле торговых путей между Ферганой, Верхним Барсханом и Тибетскими владениями в бассейне Тарима, выполняя роль важнейшей военно-торговой фактории в Занарынской части Киргизии, где кочевало воинственное племя ягма.

Другое поселение бывшее так же, как и Атбаш, городом — ставкой тюркских правителей, находилось в долине р. Алабука, и ныне известно как крепость Ширдакбек. А. Н. Бернштам, производивший здесь археологические исследования в 1945 и 1949 гг., датирует крепость VI—XII вв. и отождествляет ее с городом Каджангар-Баши Махмуда Кашгарского[2].

Широкой сетью городов и поселений была покрыта Южная Киргизия, экономически и политически связанная с Ферганой, ставшей важнейшим экономическим центром Средней Азии при саманидах и караханидах.

Арабский путешественник и географ Истахри в своем сочинении «Китаб масалик ал-мамалик» («Книга путей и государств»), написанном в первой четверти X в.[3], называет ряд городов и поселений и дает расстояния между ними. Для области Миян-и-Рудан (Нарынско-Карадарьинское междуречье) отмечаются Шикит, Хайлама (Хатлама), Бискенд и Селат. При этом Шикит был первым,

---

[1] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 100.

[2] Там же, стр. 116. В. В. Бартольд, а за ним В. Минорский, И. Умняков Каджангар-Баши (Коджукар-Баши) предлагают читать Кочкар-Баши и искать его в верховьях р. Кочкор. И. Маркварт и Г. В. Птицын Каджангар-Баши помещали вблизи Таласа.

[3] Извлечения из работы Истахри см.—Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, инв. № 1820, стр. 21—28.

наиболее близким к столице Ферганы (Ахсыкету), селением и отстоял от него в 9 фарсахах (около 55 км). Самый отдаленный пункт области Селат находился в 5 переходах от Ахсыкета (от района Намангана) и, наряду с Бискендом, считался пограничным с тюрками городом. Центр области Хайлама лежал на одноименной реке (т. е. на Нарыне). Кроме того, здесь же, между рр. Нарын и Кара-Дарья, согласно Ибн Хаукалю (II половина X в.), находилась местность Хефтедех («семь деревень»)[1].

Из других населенных пунктов Южной Киргизии Истахри упоминает Неджм и Керван, как лежащие к северу от Ахсыкета, и Ардланкет, который, по другим данным, является главным городом округа Джидгиль (Чаткал). Для Южной Ферганы названы города Некад в 7 фарсахах к востоку от Кубы (Кува), Ош, Медва (с. Мады около г. Ош) и Узген—конечный пункт Мавераннахра.

Автор сочинения «Худуд ал-Алам» не ограничивается одним упоминанием городов, как это делает Истахри, а дает краткое их описание, отмечает местоположение или указывает на некоторые характерные черты. Чатгал,— пишет этот неизвестный географ,— округ Ферганы, расположен среди гор и представляет собой пересеченную местность, где много небольших городов и деревень. Там разводят лошадей и большое количество овец; имеются и горные промыслы. Город Ош характеризуется как цветущее и приятное место у подножья горы; Хуршаб — небольшой город на берегу (одноименной) реки с многими благами и хорошим климатом; Узген-город, расположенный на границе Ферганы с тюрками, по окраинам его протекают две реки[2].

По Макдиси[3], Фергана в X в. насчитывала 40 городов и селений, образовавших отдельные провинции: на севере страны—федерацию Вагизийских городов, на юге — Несайских, на востоке — область Миян-и-Рудан.

К последней Макдиси, кроме Хайламы и Шикита, названных Истахри, относит еще 7 городов, а именно:

---

[1] V. Minorsky. Hudud al-Alam, стр. 356.

[2] Там же, стр. 116.

[3] Извлечения из «Ахсан ат-такасим фи ма рифат ал-акалим» Макдиси. — Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, инв. № 1820, стр. 29—40.

Насрабад, Менара, Ренджед, Заркан, Бешбешан, Уштикан и Узген. Из них Насрабад, Шикит, Хайлама и Бешбешан отмечаются как большие города. Касаясь их достоинств и других черт, автор указывает, например, что Насрабат утопает в садах из ивы и тополя; Шикит славится своими орехами, а Заркан, город средней величины, — изобилием риса; Ренджед — прекрасными пашнями.

Рис. 7. Южный склон Ферганского хребта. Орехово-плодовые заросли.

Фото Р. Забирова.

Города и селения области Миян-и-Рудан с юго-востока замыкал Узген. В конце X в. он состоял из 2-х частей: внутреннего города (шахристан) и предместья (рабад). Внутренняя часть была сильно заселена и в ней находились рынки, соборная мечеть и цитадель. С внешней стороны его окружали стены, где имелось четверо ворот. В XI в. он из обычного пограничного города при арабах, а затем и саманидах, превратился в важный политический центр, сделался (на некоторое время) столицей караханидского государства; в конце того же столетия стал центром Ферганского удела караханидов. Узген приобретает и большое торговое зна-

чение. Здесь происходят оживленные торговые операции. Отсюда караваны направляются в Верхний Барсхан и Тибетские владения (Восточный Туркестан.)

В несайскую группу городов входили уже упомянутые Ош, Медва, Хуршаб, Некад. Последний считался еще горным округом, расположенным на территории современного Наукатского района Ошской области, с центром в городе Мискан («Медный рудник»). Самым крупным из перечисленных городов был Ош — по величине третий город Ферганы, состоящий из шахристана, цитадели и большого рабада в окрестности. Он, по словам Макдиси, обладал многими достоинствами: пространственный, благоденствующий, хорошо снабжен водой, богат каналами.

Большинство северо-ферганской (Вагизийской) группы городов, по-видимому, располагалось на современной территории Узбекистана. В пределах Киргизии к ним относят область Джидгиль с городом Ардланкет, округа Неджм и Керван[1] с городами того же названия. В. В. Бартольд Джидгиль отождествлял с Чаткальской долиной, Неджм с селением Нанай, а Керван предлагал искать в северной части города Чуст[2]. А. Н. Бернштам границы между этими округами предположительно проводит по р. Падшаата. Неджм он локализует с развалинами Ала-Букинского плато, Керван же — с районом с. Караван[3].

Если Неджм и Керван отнести к городам Вагизийской группы, то следовало бы то же самое делать и по отношению к Заркан и Ренджед, причисляемым Макдиси к области Миян-и-Рудан. Поселения эти, отождествляемые А. Н. Бернштамом с современными селениями Заркент и Ренджит[4], должны были лежать на территории

---

[1] В I томе «Истории Киргизии» (1956, стр. 137) сказано селение Неджи-Керван, хотя, согласно Истархи, Неджм и Керван два различных селения.

[2] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 163. Андланкету, по А. Кибирову, соответствуют развалины Кюльбес-хана в Чаткальской долине (1956).

[3] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана, 1951, стр. 32. Его же: Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, 1952, стр. 253.

[4] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 253.

Вагизии. Мог ли, например, Заркан (Заркент) оказаться в области Миян-и-Рудан, если его окружали города Вагизии, если он находился к юго-западу от Кервана (Каравана)? Нам думается, что нет. Здесь мы имеем дело, очевидно, с неточностью, от которой не свободен почтенный труд Макдиси. Между прочим, верхненесайские города Некад и Мискан им отнесены к Вагизийской провинции.

Из приведенных данных видно, что в период с середины VIII в. до первой четверти XIII в., т. е. в эпоху господства карлуков и саманидов (в приферганской части страны), караханидов и каракитаев, территория Киргизстана была покрыта густой сетью городов и поселений (крепостей, замков, караван-сараев), сыгравших огромную роль в политической и экономической жизни страны. Наряду с земледелием, торговлей, ремеслом, особенно гончарным производством, городская жизнь была связана и с горным промыслом[1], имевшим большое значение в экономике края.

Широкой известностью пользовались богатые серебряно-свинцовые рудники в горах Кюмюш-Тоо (буквально: «Серебряная гора») округа Шельджи Таласской долины. О них упоминается у Макдиси. Главный город округа Шельджи являлся крупным торгово-промышленным центром и еще во второй половине X в. выступал как один из основных поставщиков серебра в Средней Азии. Выдвижению города способствовало и его положение на пути между Северной Киргизией и Ферганой.

Развитой горнодобывающей промышленностью в пору раннего средневековья славилась Фергана[2], значительная часть горных промыслов которой приходилась на территорию современной Киргизии.

---

[1] Этому вопросу посвящена работа В. Т. Сургай: К истории горного промысла в Киргизии. Фрунзе, 1951, которая представляет собой описание древних выработок на территории Южной Киргизии по археологическим материалам.

[2] О горнодобывающей промышленности Ферганы см. М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953, стр. 27—31; О. И. Исламов. Из истории горного дела и геологических представлений у народов Средней Азии с древнейших времен до XVIII в. В кн.: «Очерки по истории геологических знаний», в. 4, М., 1955, стр 42—69.

Золото добывалось, главным образом, в горных округах Некад и Верхняя Несья (бассейн р. Сох), в долине Касансая у Ахсыкета. Производство меди было сосредоточено в основном в четырех районах: кроме горных округов Некад и Верхняя Несья, в Вагазийском (северо-запад Ферганы) и Исфаринском (юго-западная Фергана), причем горный округ Исфара славился как богатейший различными месторождениями ископаемых, в том числе рудами серебросвинцовыми и магнитного железняка (Кан-и-Гут), каменным углем и нефтью, жернового камня и бирюзы и др.

Железные рудники, кроме Исфаринского, находились в округе Верхняя Несья, в районе Арсланбоба и др., а вне пределов Ферганы — в юго-западных склонах Чаткальского и Кураминского хребтов.

Большое экспортное значение имели ферганская ртуть и нашатырь. Последний в больших размерах добывался, главным образом, в районе Узгена (область Миян-и-Рудан). Киноварь, из которой путем перегонки получали ртуть, разрабатывалась, как и в настоящее время, на северных склонах Туркестанского и Алайского хребтов[1]. Однако главные месторождения добычи ртути находились в Сохском районе (горный округ Верхняя Несья).

Итак, период раннего средневековья для Киргизстана, как и для других областей Средней Азии, ознаменовался экономическим подъемом страны, вызванным победой новых феодальных производственных отношений, давших широкий простор развитию производственных сил края. Однако вскоре после монгольского завоевания в стране наступил экономический упадок, продолжавшийся вплоть до середины XIX века,— присоединения Киргизии к России.

Выше, касаясь характера сведений арабской географии о Средней Азии, мы указали на ее административно-статистическое направление, что подтверждается и приведенными известиями арабских и персоязычных авторов.

---

1 П. К. Чихачев. Богатства недр Киргизии. Фрунзе, 1945, стр. 53.

Арабские и среднеазиатские географы о природе Киргизстана

Вопросы физической географии края в географической литературе этого периода освещены слабее, чем те, которые, прежде всего, интересовали арабских и последующих завоевателей. Поэтому природных условий страны географы касались попутно, по необходимости, главным образом, при характеристике путей сообщения, условий земледелия и горнодобывающей промышленности. Отсюда отрывочный, порою случайный характер этих сведений. Тем не менее в трудах арабских и среднеазиатских географов можно встретить ряд интересных описаний и точных сведений о природных условиях Киргизии, в частности о речной сети и строении поверхности страны.

Территорию Киргизстана среднеазиатские и арабские ученые относят обычно к пятому климату[1]. Под «климатом» они подразумевали широтные зоны (пояса) известного для мусульманских авторов мира или географические области, представляющие самостоятельное целое[2].

Средневековые географы имели общее понятие о гористом характере территории Киргизстана. Однако особенности орографического строения страны, закономерности её расчленения на хребты и межгорные котловины, несмотря на поразительно верные догадки отдельных ученых, для многих авторов оставались неясными. Общего названия для всей Тянь-Шаньской системы ни арабские, ни среднеазиатские географы не дают. В литературе встречаются наименования, обозначающие лишь отдельные части Тянь-Шаня или Киргизии (Манис, Игрaдж-Арт, Тафкан, Буттем и др.).

В упомянутом выше сочинении Истахри мы находим следующее описание среднеазиатских гор: «Горы, отроги которых доходят до самого селения Варка, эти горы, которые тянутся в сторону Самарканда между Кишшем (Кеш) и Самаркандом, пока не смыкаются с

[1] Так, например, по Бируни. См. статью Е. Видемана в «Sitzungsberichte der Physikalisch-medizinischen Sozietät in Erlangen», B. 44, 1912, Erlangen, 1913, стр. 18.

[2] В. В. Бартольд. Худуд ал-Алем. Л., 1930, стр. 13; И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. IV, 1957, стр. 22, 28 и др. См. также: Honigmann E. Die sieben Klimata, Heidelberg, 1929.

горами Буттем, поворачивая Усрушане в стороне Ферганы, и выходят к области Шельджи и Тараза; затем, как рассказывал мне тот, кто ходил по тем путям, они тянутся до пределов Китая. И эти рудники, которые находятся в Усрушане, Фергане, Илаке, Шельджи и Лабане до страны киргизов — все они находятся в главном хребте этих гор и в тех горных цепях, которые примыкают к нему»[1].

Из этого несколько туманного и расплывчатого сообщения можно заключить, что Истахри в целом верно представляет общий характер горных стран, расположенных к востоку и северо-востоку от Самарканда вплоть до Китая, которые большей частью приходятся на территорию Киргизии. Сообщение дает возможность также уловить в общих чертах контуры, простирания хребтов.

К югу от Ферганской долины, по данной схеме, лежит горная страна Буттем, которую Истахри характеризует как «высокие неприступные горы». В. В. Бартольд горы Буттем отождествляет с хребтами Гиссарским, Зеравшанским и Туркестанским[2]. Огибая Ферганскую котловину, главный хребет Буттема тянется дальше до городов Шельджи и Тараз, расположенных в Таласской долине. Главным хребтом здесь подразумевается, очевидно, Алайский, Ферганский и отчасти Таласский хребты, которые в то время ограничивали мусульманский восток от тюркских владений — Туркестана. В указании о продолжении гор дальше на восток (от главного хребта) можно видеть свидетельство ученого о более восточных цепях Тянь-Шаня, об их направлении и длине.

Таким образом, приведенный Истахри материал имел определенное значение в деле выяснения орографического строения Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

Более интересную и в целом правдивую картину оро-

---

[1] Извлечения из «Китаб масалик ал-мамалик» Истахри.— Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, инв. № 1820, стр. 22. Из упомянутых географических объектов Варка находилась восточнее г. Бухары, Кишш (Кеш) соответствует городу Шахрисябз; Усрушана включала в себя район г. Ленинабада и территории, лежащие к западу и к востоку от него; Илак — бассейн реки Ангрен.

[2] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 84.

графического строения Тянь-Шаня рисует неизвестный географ X в. автор сочинения «Худуд ал-Алам». В основе его схемы лежит уже знакомая нам идея о существовании гигантского меридионального сооружения к северу от Гималаев. Но автор «Худуд ал-Алама» («Границ мира») не следует слепо за своими предшественниками. Его Манис, занимающий такое же главенствующее положение в среднеазиатской орографии, как и Имаус Птолемея, существенным образом отличается от последнего и в значительной степени отражает характер расчленения Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Манис, хотя и короче, но сложнее Имауса. Часть его, лежащую к северу от Памира, в орографическом отношении можно сопоставить с главным хребтом Истахри. Далее Манис неизвестного автора доходит до пределов современного Таласского хребта и «здесь кряжи гор расходятся». От Маниса, в свою очередь, берут начало множество других отрогов и цепей. «И в каждой области Мавераннахра распространяются эти отроги. И это те отроги, в которых есть рудники серебра и золота, равно как в обилии свинец и железо и другие ископаемые»[1].

Восточный Тянь-Шань у автора «Границ мира» выступает под названием Тафкан, а Центральный и Внутренний Тянь-Шань—Игрaдж-Арта (А. Н. Бернштам). По этому поводу сказано, что «в соседстве с Тафканом в токуз-огузской стране горы распространяются в западном направлении между токуз-огузами, ягма, и там различные стоянки войлочных хижин до тех пор, пока начинаются горы Маниса. В соседстве с рекой Хулангун эти горы называются Игрaдж-Арт, и каждая часть этих гор имеет много имен, так как каждая часть этих гор называется по имени той или иной страны, которая вблизи их»[2]. В другом месте автор «Границ мира» указывает, что Игрaдж-Арт никогда не бывает свободным от вечного снега. В нем обитают дикие звери и олени.

Алайский хребет известен анонимному географу под тем же названием, как и у Истахри — Буттем или Буттаман. Он знал и о горах, протягивающихся между р. Или и оз. Иссык-Куль «Другие горы, — говорится в «Худуд

---

[1] V. Minorsky. Hudud al-Alam, стр. 62.
[2] Там же.

ал-Алам»,— распространяются от начала тогуз-огузов с озером Иссык-Куль. Они продолжаются от соседства конца тухси и карлуков, где горы поворачивают, и отдельные стороны их направляются в страну киргизских племен»[1], т. е. в сторону Алтая.

По сравнению с данными Истахри орографическая схема анонимного географа представляет значительный сдвиг вперед. Если у Истахри речь шла в основном о западных цепях Тянь-Шаня, а о других частях горной системы приходилось лишь догадываться, то в «Границах мира» четко очерчены контуры всего Небесного хребта. Неизвестный автор был более осведомлен и обладал значительными познаниями по географии края. Ему почти в одинаковой степени известны все наиболее крупные части Тянь-Шаня. Особенно примечательно его сообщение о Внутреннем Тянь-Шане. До него об этой части страны не было определенных сведений, за исключением описаний Сюань Цзана. На китайской карте времени династии Тан бассейн р. Нарын был изображен в виде обширной равнины. Кудама его рассматривал как гористую местность с пастбищами и ключами.

У неизвестного географа Центральный и Внутренний Тянь-Шань или Игрaдж-Арт — обширная горная страна, которая своими многочисленными и сложно устроенными цепями заполняет все пространство между токуз-огузами и ягма. Это значит, что на севере Игрaдж-Арт простирался до Илийской равнины, где в то время кочевали некоторые из племен токуз-огузов, на юге—до Таримской котловины, населенной другой группой тюркских племен — ягма. Последние занимали также занарынскую часть Тянь-Шаня. Принимая во внимание указание автора «Худуд ал-Алам» о том, что между Илийской равниной и озером Иссык-Куль протягиваются другие горы, очевидно, не входящие в состав Игрaдж-Арта, северную границу Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня можно про-

---

[1] V. Minorsky. Hudud al-Alam, стр. 62. Тексты даются по чтению А. Н. Бернштама.

Тухси—один из тюркских племен, населяющих Чуйскую и Кеминскую долины.

вести по Иссык-Кульской котловине, долинам р. Кегень и Текес. О западной границе области сказано довольно ясно: она идет вдоль восточных склонов Маниса (Ферганского и Таласского хребтов), а восточная граница проходила «по соседству с р. Хулан-гун», т. е. где-то в китайской части Тянь-Шаня[1].

Горы Игрaдж-Арта и те, которые тянутся вдоль северной окраины Иссык-Куля автору представляются не как хаотическая масса, нагроможденная без определенного порядка и направления. Напротив, они рассматриваются им как строго ориентированные гряды гор, как длинные широтно-вытянутые хребты, что соответствует простиранию основных цепей Тянь-Шаня. Совершенно прав неизвестный географ и в отношении орографического строения Западного Тянь-Шаня когда говорит, что в каждой области Мавераннахра развиты множество горных отрогов, что означает особенности расчленения этой части Небесного хребта.

Из картографических произведений арабских и среднеазиатских ученых орография страны сравнительно лучше и полнее очерчена на карте мира Махмуда Кашгарского (XI в.)[2]. Здесь Тянь-Шань изображен в виде системы параллельных хребтов, вытянутых в широтном и меридиональном направлениях и образующих обособленные правильные прямоугольники. По крайней мере их не менее четырех. Между параллельными цепями хребтов заключены обширные пространства с рядом городов, в которых нельзя не видеть межгорные долины (котловины) столь характерные для орографии Тянь-Шаня.

Наиболее крупная из них, замкнутая со всех сторон

---

[1] Китайский географ Сюй Сун в своем труде «Сиюй-шуйдао-цзи», опубликованном в 1823 г., один из истоков р. Музарт называет Хейлун-коу. Возможно, что Хулан-гун автора «Худуд ал-Алам» и Хейлун-коу Сюй Суна название одной и той же р. Музарт, которая начинается на границе между Центральным и Восточным (Китайским) Тянь-Шанем.

[2] О данной карте, как и других картографических трудах арабских и среднеазиатских картографов см. K. Miller. Mappae Arabicae, B. I. —VI, Stuttgart, 1926—1931. Карта мира Махмуда Кашгарского и комментарии к ней в т. V (1931, стр. 142—148). См. также: A. Herrmann. Die älteste türkische Weltkarte. „Imago mundi", 1935, стр. 21—28; И. Умняков. Упом. соч., «Труды Самаркандского пед-института», т. I, в. I, 1940.

параллельными хребтами долина, помещена в центре Тянь-Шаня и напоминает собою Иссык-Кульскую котловину с озером Барсхан (Иссык-Куль) неестественно малого размера. Окружающими долину хребтами могут быть с севера Кунгей Ала-Тоо, а с юга—Терскей Ала-Тоо в действительности имеющие широтное простирание.

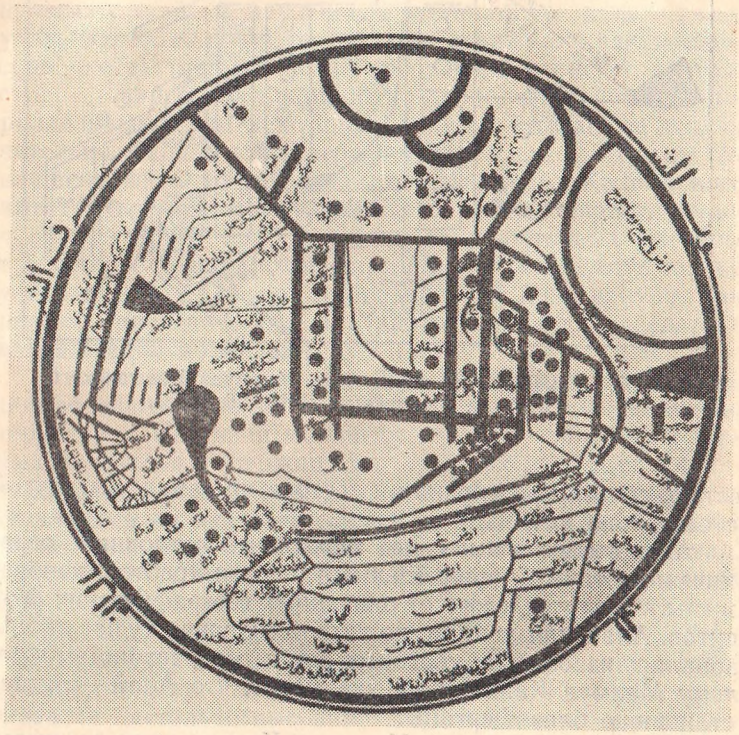

Рис. 8. Карта мира Махмуда Кашгарского (По А. Херману, „Imago mundi", 1935).

К западу от упомянутой долины показана другая, незначительная по величине, межгорная впадина с городом Баласагун. Как уже отмечено выше, Баласагун—столица караханидов и каракитайских гурханов — находился в

Чуйской долине, которая на данной карте оказалась, во-первых, замкнутой, окруженной со всех сторон параллельными горными цепями, и во-вторых, в противоположность

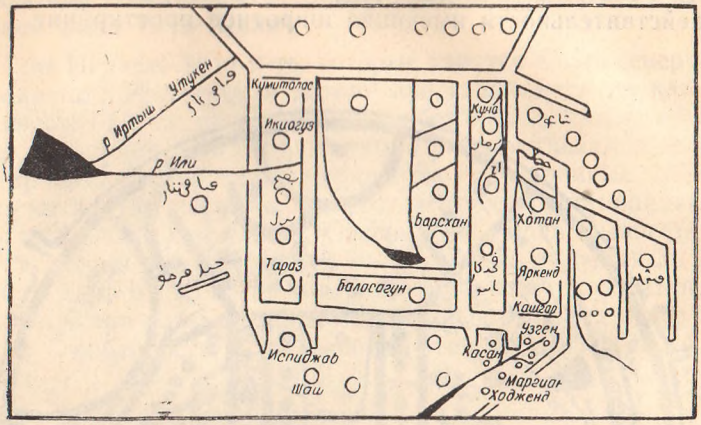

Рис. 9. Тянь-Шань по карте мира Махмуда Кашгарского (По А. Н. Бернштаму, МИА, 26, 1952).

естественного простирания с востока на запад, вытянутой с севера на юг.

Аналогичные замкнутые межгорные котловины, ограниченные также параллельными цепями хребтов, изображены к северу и к югу от описанных географических объектов. Алайская долина, по-видимому, уже в ту пору пользовалась известностью своими богатыми пастбищами, почему Махмуд Кашгарский указывает, что Алай — летнее становище близ Ферганы.

Тянь-Шань на карте Махмуда Кашгарского занимает центральное положение и выступает как важнейший узел в системе горных сооружений мира. От него на северо-восток отходит мощная цепь, напоминающая хребты Джунгарский Алатау, Барлык, Уркашар и др., идущие на соединение с горами Северной Азии. От южной окраинной цепи отделяется другой отрог (на юго-восток), который можно сопоставить с Восточным, Китайским Тянь-Шанем.

Карта мира Махмуда Кашгарского, построенная на принципах арабской картографии[1] с присущим ей схематизмом и геометризмом и основанная большей частью на расспросных данных, не могла дать в то время удовлетворительное решение картографического изображения Тянь-Шаня. Отсюда такие пороки карты, как примитивность и чрезмерный схематизм в изображении хребтов (в виде прямых линий) и межгорных котловин (в виде прямоугольников). Однако то, что она отражает важнейшую особенность тянь-шаньской орографии и рисует горную страну в виде системы широтновытянутых хребтов и параллельных к ним межгорных долин, — делает ее исключительно ценной для географии Киргизстана. В этом отношении картографический труд Махмуда Кашгарского имеет несомненное преимущество перед аналогичными произведениями арабских и других восточных авторов, в том числе перед картой мира Идриси XII в., хотя далеко уступает карте Средней и Центральной Азии времени династии Тан в точности и в картографических средствах изображения объектов[2].

О характере строения хребтов Тянь-Шаня, об их большой абсолютной высоте, а также и путях сообщения по территории Киргизии можно судить и по описаниям горных перевалов, содержащихся в трудах арабских и среднеазиатских географов. Некоторые из перевалов представляются им весьма высокими, крутыми, даже опасными для жизни. Одним из таких трудных считался перевал, ведущий через хребет Манис (Ферганский), описанный Ибн Хордадбехом и Кудамой.

Гардизи сообщает о двух горных перевалах, лежащих по правую (южную) сторону от Барсхана: Пейгу (Байгу) и Озар. Один из них, по словам этого историка, оказался настолько высоким, что представлял определенную трудность даже для перелета птиц через него[3].

---

[1] Об арабской картографии, см. Т. А. Шумовский. Арабская картография в ее происхождении и развитии. «Известия ВГО», т. 79, в. 5, 1947, стр. 571—584.

[2] О географических сведениях Махмуда Кашгарского, относящихся к территории Киргизии, см. также: (В. В. Бартольд). Из архива В. Бартольда.— Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, инв. № 1747.

[3] Гардизи. Украшение известий. «Записки Академии наук», сер. VIII, т. I, № 4, 1897, стр. 114.

Махмуд Кашгарский указывает на трудный перевал (Йафгу-Арт) между городами Удж (Учтурфан) и Барсхан, который, по И. Умнякову, идентичен с пер. Байгу (Пейгу) Гардизи. Наиболее высоким и трудным проходом на пути из Иссык-Куля (Барсхана) к Таримской впадине еще со времени Сюань Цзана была гора Бада (Баньда), соответствующая перевалу Бедель (Бадаль). По всей вероятности под Бада китайцев, Байгу (Пейгу) Гардизи и Йафгу-Арт Махмуда Кашгарского следует подразумевать один и тот же перевал Бедель на хребте Кокшаал-Тоо, который с глубокой древности служил прямым выходом в Восточный Туркестан.

Махмудом Кашгарским приводится еще ряд перевалов: Кавак-Арт между Кашгаром и Узгеном, Арук-Турук между Кашгаром и Ферганой, Кара-Йалга между Ферганой и областью тюрков, а также Букадж-Арт. Все эти перевалы должны были лежать на территории современной Киргизии. И. Умняков, подвергавший анализу карту мира Махмуда Кашгарского, дает следующее их сопоставление: Кавак-Арт соответствует перевалу Торугарт на одноименном хребте, Арук-Турук—пер. Терек-Даван Алайского хребта, Букадж-Арт—пер. Богушту Ат-Башинского хребта.

Особое место среди этих перевалов занимал Кара-Йалга, вечно покрытый снегом, поэтому особенно опасный для сообщений. Даже древняя поговорка, бытовавшая в народе, предупреждающе гласила: «Покуда не придет черная нужда, не переходи (перевал) Кара-Йалга»[1].

И. Умняков его иденфицирует с названием реки Кара-Джилга и полагает, что он лежал где-нибудь в Заалайском хребте. По-видимому, этим средневековым горным проходом и служил ныне известный пер. Кызыл-Арт в Заалайском хребте, имеющий 4280 м абс. высоты и ведущий к долине р. Кара-Джилга.

Арабские и среднеазиатские ученые оставили ряд конкретных и точных сведений о гидрографической сети страны. Им были известны озеро Иссык-Куль и многие реки Киргизстана. Махмуд Кашгарский знал все крупные озера Тянь-Шаня. Арабский путешественник Тамим ибн Бахр ал-Муттауваи, посетивший озеро Иссык-Куль

[1] И. Умняков. Упом. соч., стр. 122.

в VIII в., указывает, что оно по форме похоже на квадратный водоем и окружено высокими горами, где растут деревья всех видов. «Я видел там,— утверждает он,— различные виды морских животных, каких я не видывал, а также и птиц, каких я не видел ни в одной стране»[1]. Путешественник явно преувеличивает, когда говорит, что в озеро впадает 150 малых и больших рек и конный всадник может его обойти вокруг за месяц. По ал-Муттауваи Иссык-Куль проточное озеро. Река, которая протекает через него, настолько глубока, что нельзя достигнуть ее дна,— свидетельствует путешественник.

Иссык-Куль упоминался и среднеазиатским географом Джейхани[2], писавшим в конце IX в.— в первой четверти X в. Согласно неизвестному персоязычному географу[3], длина озера равна 30 фарсахам (около 180 километров), ширина 20 ф. (около 120 км), однако он ошибочно принимал р. Или за приток оз. Иссык-Куль. Краткие, но совершенно точные сведения об озере сообщает Гардизи (XI в.) Оно простирается на 7 дней пути, имеет до 70 притоков (речек), вода в нем соленая[4],— пишет ученый.

Махмуд Кашгарский Иссык-Куль называет оз. Барсхан, озеро Чатыр-Куль—Кюренг-Кулем, оз. Сон-Куль—Сизинг-Кулем[5]. Озеро Барсхан по карте мира Махмуда Кашгарского имеет продолговатую (яйцевидную) форму, с вытянутой осью с северо-востока на юго-запад. В него впадают две реки, не названные автором, но соответствующие, вероятно, Тюпу (северо-восточный приток) и Джиргалану. Озера Сизинг-Куль и Кюренг-Куль на карте не обозначены.

Из рек Сыр-Дарья была известна арабам под названием р. Сейхун, Нарын-Хайлама, Кара-Дарья — р. Узген, рр. Талас, Чаткал (у арабских авторов — Джидгиль), Пскем (Бискам), Куршаб (Хуршаб) в средние века

---

1 Путешествие Тамима ибн Бахра ал-Муттауваи — Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Кирг. ССР, инв. № 1820, стр. 3. См. также: V. Minorsky, BSOS, т. XII, в. 2, 1948, стр. 284.

2 В. В. Бартольд. Худуд ал-Алем, Л., 1930, стр. 20.

3 V. Minorsky. Hudud al-Alam, стр. 54.

4 Гардизи. Украшение известий. «Записки Академии наук», сер. VIII, т. I, № 4, 1897, стр. 114.

5 И. Умняков. Упом. соч., стр. 120.

назывались так же, как и теперь. Гидрографическая сеть страны полнее всего описана автором «Худуд ал-Алам». Реки Хайлама (Нарын) и Узген (Кара-Дарья), по его мнению, начинаются в горах карлуков, т. е. с внутреннего Тянь-Шаня, Куршаб, Ош (р. Акбура) и Куба — в горах Буттем (Алайский хребет). Махмуд Кашгарский из рек упоминает Сыр-Дарью (под названием р. Ходжента), Или (Ила), Тарим (Усми-Тарим), Кокшаал (Товушган-Югюз) и др., причем Сыр-Дарья образуется из двух притоков, левый из которых автор называет р. Йабак-Суви, что соответствует Кара-Дарье. На правом берегу реки, как и на современных географических картах, обозначен город Узген. Правый приток реки Ходжента (Сыр-Дарьи) можно принять за реку Нарын, к западу от которой лежит город Касан. Между этими двумя притоками вдается хребет, один из отрогов Маниса (Ферганского хребта)—горы Баубаш-Ата или Узгенский, или оба вместе взятых.

Наряду с данными по орографии и гидрографии Киргизии, в трудах арабских и среднеазиатских географов встречаются также сведения по ряду других элементов природы, в частности по флоре и фауне, указания о характере ландшафтов отдельных местностей, хотя такие сведения и немногочисленны. Определенный интерес в этом отношении представляет, например, описание района западных предгорий Таласского хребта. Ибн Хордадбех и Кудама этот район, известный ныне под названием Мин-Булак («Тысяча источников»), а у средневековых авторов— Абарджадж, характеризуют, как холмистую местность с обильным орошением. Абарджадж, по словам Кудамы, большой холм, вокруг которого находится тысяча источников воды. Сливаясь вместе, они образуют реку Баркуаб, текущую на восток. По обоим берегам реки расположены заросли тамариска и болота, где охотятся на черных фазанов[1]. Баркуаб должна соответствовать реке Терс, которая как и Баркуаб, течет на восток, а долина ее изобилует родниками и небольшими болотистыми участками.

[1] Извлечения из «Китаб ал-харадж» Кудамы.—Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, инв. № 1820, стр. 11; см. также: П. Г. Булгаков. Сведения арабских географов IX — начала X веков о маршрутах и городах Средней Азии. М., 1954, стр. 248—249 (Кандидатская диссертация).

При описании путей сообщения и городов, расположенных между реками Талас и Чу, Кудама, между прочим, замечает, что «направо находятся горы, налево кум (пески); пески простираются к северу от таразской дороги до Кулана (с. Луговое). За этими песками находится пустыня, наполненная песком и мелким камнем, где живут змеи; пустыня эта простирается до страны кимаков»[1].

Автор здесь метко подметил характер природных условий песков Муюн-Кумы. Пустынный ландшафт и в действительности простирается до самого Центрально-Казахстанского мелкосопочника. Горы направо от дороги, указываемые Кудамой, соответствуют хребту Киргизский Ала-Тоо, который, по Махмуду Кашгарскому, назывался Баласагунскими горами. Через этот хребет во внутренний Тянь-Шань вел перевал Занби-Арт (Шамси), а также лежащий западнее Каракол. В восточной части Киргизского Ала-Тоо, в районе Боомского ущелья, находилась уже упомянутая гора Джиль.

Для эпохи монгольского господства в Средней Азии мы располагаем крайне бедными и отрывочными сведениями о природных условиях Киргизстана. Исключение составляют географические известия китайского путешественника XIII в. Чан Чуня. В сообщениях восточных (мусульманских) авторов: Ибн ал-Асира и Джувайни (XIII в.), Рашид-аддина (XIII—XIV вв.). Джемаля Карши, Абул-Фида, Вассав, ал-Омари (XIV в.), Низамуддина Шами и Шарафутдина Езди (XIV—XV вв.), Ибн Арабшаха, Абдурразака Самарканди, Мирхонда (XV в.) и др. можно найти лишь отрывочные сведения в виде названий городов, урочищ, рек и др., которых авторы касаются попутно, при изложении исторических событий.

Сведения эти настолько ничтожны, что трудно в них найти что-либо нового и существенного по сравнению с ранее известными данными. Поэтому нет надобности разбирать известия каждого из перечисленных выше авторов, а рассмотрим лишь те, которые представляют определенный интерес и пополняют наши географические знания о крае.

С этой точки зрения заслуживают внимания труды Абдурразака Самарканди (XV в.), Захириддина Бабура

[1] Извлечения из «Китаб ал-харадж» Кудамы, стр. 12.

и Мухаммеда Хайдара (XVI в.). В своем сочинении «Матла ас-са'дейн ва маджма ал-бахрейн» Абдурразак Самарканди перечисляет много географических объектов Киргизии. Им приводится также маршрут посольства, отправленного тимуридом Шахрухом в Китай в 1419 г. и прошедшего по территории Северной Киргизии в 1420 г.[1].

Захириддин Мухаммед Бабур — основатель «Государства великих моголов» дал в 20-х годах XVI в. в «Бабур-намэ» превосходное описание своей родины — Ферганы.

Основную часть повествований о Фергане занимает описание городов, главным образом, их природных условий — географического положения, климата, речной сети, плодовых насаждений (садов), а также растительного покрова и животного мира окрестностей городов.

Из семи городов Ферганской долины пять (Андижан, Ош, Маргелан, Исфара и Ходженд) располагались к югу от р. Сейхун (Сыр-Дарья), а два (Ахсы и Касан)—к северу от реки.

Город Ош, по «Бабур-намэ», находился в четырех йигачах[2] пути от Андижана, на берегу р. Андижан (Акбура). «На обоих берегах этой реки раскинулись сады; все сады возвышаются над рекой. Фиалки в них очень красивы. В Оше есть текучая вода; весна там бывает очень хороша; расцветает множество тюльпанов и роз»[3]. По всей Фергане нет города, подобного Ошу по приятности и климату,— заключает Бабур.

В окрестности Оша находилась гора Бара-Кух (ныне Тахт-и-Сулейман), где было обнаружено месторождение поделочного камня, который шел на выделку ручек для ножей, пряжек для поясов и т. п.

Для города Исфара, стоявшей у подножья горы, отмечается множество плодовых садов, в основном миндальных. В двух километрах к югу от города среди холмов имелся зеркальный камень («сенг-и аине»). В состав области Исфара входили четыре округа, расположенные также у подножья гор в долинах рек Исфара и Сох: Исфара, Варух, Сох и Хушьяр (Гушьяр).

---

[1] Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, инв. № 1693, стр. 155—194.

[2] Йигач соответствует фарсаху (6—7 км).

[3] Захириддин Бабур. Бабур-намэ, Ташкент, 1948, стр. 10—11.

Фергана, указывает Бабур, лежит в пятом климате обитаемого мира и со всех сторон окружена горами. Она характеризуется им как край богатый хлебами и плодами. В числе последних упоминаются груши, как лучшие в мире, абрикосы, миндаль, гранат, а также виноградники и прославленные ахсыйские дыни.

При описании животного мира основное внимание уделено на перечисление промысловых зверей. Во множестве обитали в различных районах страны киики, олени, маралы, зайцы, из дичи — фазаны.

Из рек описана Сейхун или Ходженд-Суви (Сыр-Дарья), которая проходит в Фергану с северо-востока и протекает через всю страну. Правильно указывая на направление течения реки, Бабур, однако, ошибочно утверждал, что она теряется в песках не доходя до Аральского моря.

Горы, окружающие Фергану, по словам Бабура, обладают хорошими пастбищами. В горах растет тобулгу[1] — дерево с красной корой, из которого выделывают посохи, ручки для плетей (кнутовища), клетки для птиц и аршины.

Из месторождений полезных ископаемых автор, кроме поделочных камней горы Бара-Кух близ Оша, зеркальных камней к югу от Исфары, указывает на бирюзовые россыпи и железные рудники, расположенные в приферганских горах, например, на горе Мутугиль (Могол-Тау). «Записки» Бабура ничего не сообщают о рудных богатствах горных округов Верхней Несьи, Вагизии, Некада, Исфары, прославивших Фергану в эпоху раннего средневековья, что, по-видимому, свидетельствует об упадке горнодобывающей промышленности при тимуридах.

В целом Бабур дает правдивое описание Ферганской долины, её естественных ресурсов. В его «Записках» нашли свое отражение все основные черты природных условий, а также характер экономики края. Фергана выступает здесь как область развитого земледелия и садоводства. Её географическое описание, данное Захириддином Мухаммедом Бабуром, можно считать первой географией страны, замечательной для своего времени, не потерявшей значения и поныне.

Мухаммед Хайдар и его современники имели довольно

---

[1] Прим. редактора: таволга—спирея (Spiraea).

четкие представления, как об основных контурах строения поверхности Киргизстана, так и его отдельных частях. Тянь-Шань, известный тогда под названием Могулистанских гор, простирался на западе до Шашской (Ташкентской) области, на востоке — до Турфанской, на севере — до земли калмыков (Джунгарии), причем Небесные горы рассматривались как продолжение, отроги Памира[1].

Наряду с различными сведениями по истории и географии Киргизии в «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдара[2] содержится замечательная характеристика озера Иссык-Куль, которую приведем полностью.

Одним из интересных мест в Могулистане, по его мнению, является оз. Иссык-Куль, куда впадает «приблизительно такое же количество воды, как в Кукча-денгиз (Балхаш). Оно (озеро Иссык-Куль. — *С. У.*) простирается на 20 дней пути и ни с какой стороны не имеет стока. Оно окружено горами. Вся вода, текущая в Иссык-Куль, пресна и приятна на вкус, но как только она входит в озеро, она становится такой горькой и соленой, что ею нельзя пользоваться даже для умывания; если она попадает в глаза или полость рта, она вызывает серьезное воспаление; на вкус она также неприятна. Она замечательно чиста и прозрачна, так что если налить этой воды в китайскую чашку, то на дне не остается никакого осадка. Вода ручьев вокруг озера превосходна. Множество ароматических трав, цветов и плодовых деревьев; в окрестных горах и долинах много антилоп и птиц. Немного местностей в Могулистане отличаются таким приятным климатом»[3].

Мухаммеду Хайдару в данной сводке удалось правильно подметить характерные черты природы озера Иссык-Куль. Замечательно в ней то, что Хайдар впервые указывает на бессточность озера, устранив тем самым ошибку своих предшественников. В ученых кругах Запада не последовали в этом вопросе за Хайдаром и, основываясь на

---

[1] Ч. Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. «Записки РГО», кн. I, 1861, стр. 199; В. В. Григорьев. Восточный или Китайский Туркестан, стр. 324.

[2] Содержание «Тарих-и Рашиди» подробно излагается В. В. Вельяминов-Зерновым в кн. «Исследование о Касимовских царях и царевичах». СПб., ч. II, 1864, стр. 130—229.

[3] Цитировано по Л. С. Бергу, см. «Землеведение», кн. I—II, 1904, стр. 4.

китайских и некоторых западноевропейских источниках, в течение почти трех столетий продолжали схоластический спор вокруг сточности или бессточности Иссык-Куля[1].

Интересна попытка автора рассмотреть объем поверхностных вод, впадающих в озеро Иссык-Куль. Хайдар ошибочно полагал, что оба озера (Балхаш и Иссык-Куль) получают примерно одинаковое количество текучих вод.

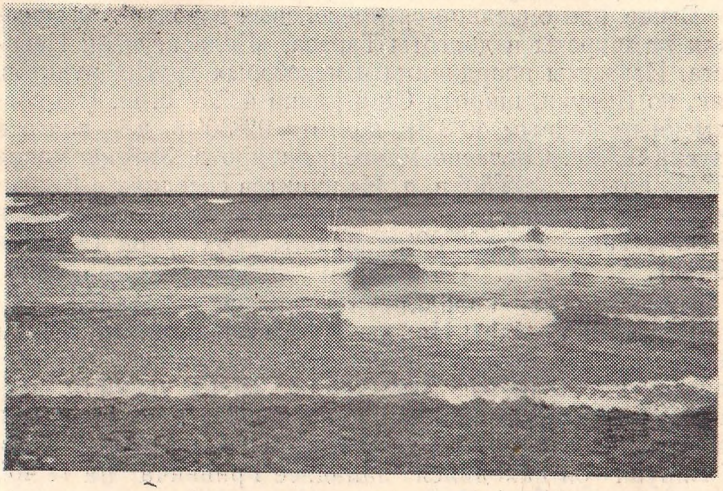

Рис. 10. Иссык-Куль — самое большое озеро в Киргизии, известное путешественникам с давних пор. Первое описание его относится к VII в.

Фото Р. Забирова.

Заслуживают внимания указания Хайдара о ландшафтах и климате Прииссыккулья и о наличии в окрестностях озера антилоп[2]. Остальные сведения автора «Тарих-и Рашиди» об Иссык-Куле, с одной стороны, повторяют данные Сюань Цзана, с другой,—сомнительны,

[1] По этому вопросу см. нашу статью: Важнейшая веха в истории географических исследований Киргизии. «Ученые записки Киргизского заочного пединститута», сер. «История — география», в. 3, 1957, стр. 127.

[2] Л. С. Берг под антилопами Хайдара подразумевал Antilope Subgutturosa или Antilope saiga. В настоящее время антилопы-джейраны (Gazella subgutturosa Gueldenstaedt) в небольшом количестве сохранились около Орто-Токоя (А. И. Янушевич).

так, например, данные о величине озера и о том, что воды его способны вызывать серьезное воспаление тканей человеческого организма.

Настоящий обзор географических известий арабских и среднеазиатских ученых о Киргизии мы закончим сведениями о географических координатах некоторых пунктов страны, приведенных, начиная с Хорезми (IX в.) и Бируни (XI в.) до Улугбека (XV в.)[1].

Выше, при описании средневековых городов, мы указали на широты и долготы Тараза, Баласагуна и Невакета. Известны координаты и некоторых других пунктов. Так, по Бируни, широта Оша равна 43°25′ с. ш. (по современным данным 40°32′), долгота 92°30′ в. д.[2], долгота Узгена 92°50′. Согласно Улугбека широта Узгена равна 43°20′, долгота 102°50′ в. д. Из пунктов соседних с Киргизией Бируни дает координаты: Ленинабада (40°50′ и 90°00′), Ташкента (42°30′ и 89°10′), Учтурфана (45°00′ и 99°20′).

Приведенные координаты разнятся с современными, что, по Кары-Ниязову, объясняется, главным образом, неудовлетворительным состоянием средневековой картографии. В настоящее время трудно с предельной точностью установить начальный меридиан, принятый среднеазиатскими и арабскими учеными IX—XV вв. У Бируни он находился западнее Гринвича на 17°40′, Улугбека на 31°36′. Причина расхождений кроется, очевидно, и в несовершенстве геодезических приемов, в частности, в отсутствии надлежащего способа определения долготы места. Тем не менее значение астрономических изысканий средневековых ученых для географии и картографии Киргизии нельзя недооценивать.

[1] По этому вопросу, кроме упомянутых работ И. Ю. Крачковского и Т. А. Шумовского, см. Т. Н. Кары-Ниязов. Астрономическая школа Улугбека. М.—Л., 1950; Х. У. Садыков. Бируни и его работы по астрономии и математической географии. М., 1953; С. М. Горленко. Географическая таблица Улугбека, «Труды Узбекского университета», в. 74, 1957; М. Тешабаев. Картографические и геодезические работы ал-Хорезми и Бируни. «Изв. Узбекистанского филиала Геогр. общ-ва СССР», т. 3, 1957.

[2] В средневековье еще не существовало единого начала географической координатной сети. Поэтому нередко авторы за начальный меридиан принимали свои определенные пункты. Так, начальный меридиан Бируни отличался от современного на 17° 40′ (Х. У. Садыков).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГЕОГРАФОВ И КАРТОГРАФОВ О ПРИРОДЕ КИРГИЗСТАНА

В средине века, в особенности в раннее средневековье, западноевропейские ученые не располагали такими познаниями по географии Киргизии, как китайские, арабские и среднеазиатские географы и путешественники. Феодальная раздробленность страны и разрушение древней цивилизации, упадок и богословский характер науки в те времена не могли способствовать расцвету научных знаний и расширению торговых и иных сношений Запада с Востоком. Арабское завоевание Средней Азии усугубило положение, хотя посредничество аббасидов в этих сношениях и бурное развитие географии в мусульманских странах должны были оказать влияние на науку в католической Европе. Кое-какие сведения географического характера поступали туда, вероятно, от христиан-несторианцев (сирийцев), проникших в Среднюю Азию и дальше на восток уже в VIII в.

Монгольское господство, принесшее народам экономическую разруху и упадок культуры, в то же время дало возможность установлению связей Запада с Востоком, и тем самым привело к расширению географических знаний. Начало этому процессу было положено еще во время крестовых походов.

В течение XIII—XIV вв. из Западной Европы через Среднюю Азию и Казахстан в Монголию один за другим следовали христианские миссионеры и купцы, русские князья из России, армянский царь Хетум из Ближнего Востока (1253—1255)[1] и др. Особенно велики для географической науки заслуги послов Римского Папы Плано Карпини (1245—1247) и Гильома Рубрук (1252—1255) и венецианского купца Марко Поло (1271—1295).

Путешественники большей частью проходили вне пределов современной Киргизии, севернее или южнее её.

---

[1] Рассказы Хетума, купцов и миссионеров, бывших в Средней Азии и Монголии в XIII в., легли в основу книги историка конца XIII в. армянского царевича Гайтона: «La flor des estoires de terres d'Orient» (Ветроград истории стран Востока»), опубликованной в 1877 г. в Париже. Здесь дан историко-географический обзор 14 стран Азии, в т. ч. Туркестана.

Однако можно предположить, что через Чуйскую долину пролегали пути французского посольства монаха Андрея Лонжюмо, направленного в Монголию в 1248 г., венецианцев Николо и Маффео Поло (1261—1262) и некоторых других миссионеров и купцов. Плано Карпини и Гильом Рубрук прошли значительно севернее их, по низовьям рр. Талас и Чу, а Марко Поло — южнее Киргизии, через Памир.

Первые из путешественников не оставили после себя каких-либо существенных данных. Последние же, не будучи на территории края, также не могли дать ничего нового о его природе и ограничились общими, порою ошибочными описаниями. Так, Плано Карпини считал, что в Средней Азии «существуют величайшие горы», к которым с юга прилегают Иерусалим, Балдах (Балх ?)[1]. Рубрук, как и античные географы, допускал орографическую связь Тянь-Шаня с Кавказом, принимая Каратау за продолжение гор «Кавказа, которые соприкасаются с обоими сторонами моря (Каспийского.—С. У.) от запада к востоку»[2].

Однако эти или другие подобные погрешности не умаляют достоинства ценных географических сведений путешественников, относящихся к другим частям Евразии, особенно к Центральной Азии. Интересно для нас, например, следующее свидетельство Рубрука о земледельческой культуре, широкой сети оросительных каналов в Таласской долине и данные о реке Талас: «с гор (Таласского хребта.— С. У.) спускалась большая река (Талас), которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно, *эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот* (курсив наш.—С. У.). Я видел там лозы и дважды пил вино»[3].

До сих пор по китайской исторической карте времени династии Тан было известно, что р. Талас не доходит до р. Сыр-Дарьи и заканчивается небольшим водоемом (озером). По сведениям Рубрука, река 700 лет тому назад,

---

[1] Плано Карпини. История монголов, СПб., 1911, стр. 51.

[2] Рубрук. Путешествие в восточные страны, СПб., 1911, стр. 104.

[3] Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 103.

как и в наши дни, терялась в пустыне Муюн-Кумы, образуя множество болот. Эти указания путешественника имеют существенное палеогеографическое значение и проливают свет на характер климатических условий бассейнов рр. Талас и Чу за исторический период.

Однако уже с XV в., с падением империи Тимура и образованием новых государственных объединений в Средней Азии и позже, когда вслед за великими географическими открытиями начались завоевания, колонизации и разграбление новых земель в разных частях света, все больше ослабевали связи Запада со Средней Азией, что не могло не отразиться на уровне географических знаний. Посольство Гонзалеса Клавихо к дворцу Тимура (1403—1404), путешествия немца Ганса Шильтбергера (1402—1405) и англичанина Антония Дженкинсона (1558—1559) по ряду районов Средней Азии не принесли для географии Тянь-Шаня новых известий[1].

Некоторый, правда, скудный материал дают картографические произведения этого периода, в которых, по всей вероятности, использованы новейшие сведения, особенно сообщения миссионеров. Так, на Каталонской карте 1375 г. впервые в картографии в Западной Европе изображено оз. Иссык-Куль. В такой же яйцевидной форме очерчено оно и на карте мира Стефана Борджиа 1410 года.

Карта частей света итальянского картографа Фра-Мауро 1459 г. воспроизводит озеро в виде большого 4-угольника, с расчлененной береговой линией. Здесь Иссык-Куль проточное озеро, со всех сторон окруженное горами. Вблизи озера расположены Самарканд (западнее), Алмалик (севернее), Отрар (северо-восточнее), пустыня Лоп (Тарим, юго-восточнее). На юг от озера идет меридиональная цепь гор, которая, пересекая Памир, соединяется с хребтом Имаус. На самом озере — Insicol—сделана следующая надпись: «В этом озере есть жемчуг,

---

[1] На карте России и Татарии Дженкинсона (1562) Аму-Дарья нанесена дважды, во втором случае как левый приток Сыр-Дарьи, которая течет на север и впадает в озеро Китай, служащее истоком р. Обь. Под «Татарией» или «Тартарией» в средние века и позже подразумевали азиатские страны, подвластные монголам, особенно Центральную Азию.

поэтому запрещено в нем ловить рыбу и оно тщательно охраняется».

Эта интересная для того времени карта, сравнительно богатая новыми географическими объектами осталась вне поля зрения позднейших западноевропейских картографов. Поэтому на картах мира Рюиша (1508), Иоганна Штабиуса (1515), Лаврентия Фризиуса (1522), Петра Каппо (1528), Петра Апиана (1530) основные орогидрографические элементы Средней Азии нанесены согласно Птолемея, по данным II в. н. э.

На карте «Татарии» фламандца Авраама Ортелия (1570) и «Новой карте Азии» (без года издания) на территории Киргизии вовсе не показано никаких гор. Сыр-Дарья (на карте р. Кезель) протянута вдоль 50° с. ш., а города Кашгар, Хотан, Аксу и Лоп (?) оказались на берегах верховьев Сыр-Дарьи.

Знаменитый Герард Меркатор также не сумел преодолеть ошибки своих предшественников в изображении горной Средней Азии. На его карте мира (1595) гидрографические объекты края изображены в соответствии с Дженкинсоном и Ортелием, а орографические — по Птолемею.

* * *

Приведенными данными в основном исчерпываются географические сведения средневековых авторов о территории Киргизии. К середине XVII века наука располагала значительными для того времени фактическими данными, относящимися к различным отраслям географии страны.

Среди этого разнообразного географического материала большое место занимают вопросы экономической и политической географии, географического размещения населения, описания городов, путей сообщения и т. д. Полнее всего эти вопросы освещены в трудах арабских и среднеазиатских географов IX—XII вв. Интересные описания городов содержатся у Макдиси, в географическом сочинении «Худуд ал-Алам» (X в.), «Бабур-намэ» Захириддина Бабура (XVI в.). Среди авторов раннего средневековья наиболее осведомленным об экономике и

культуре страны был китайский путешественник Сюань Цзан (VII в.).

В описаниях природы основное внимание уделялось характеру размещения главных орографических элементов. Средневековые географы имели представление о рельефе страны, о наличии в ней альпийских хребтов, покрытых ледниками и вечными снегами, а также некоторые понятия об особенностях расчленения Тянь-Шаня и Алая. Им были известны и основные водные артерии края — Нарын, Кара-Дарья, Чу, Талас, Чаткал, а также ряд других. В трудах средневековых ученых встречаются и отдельные меткие данные о климатических условиях, ландшафтах и месторождениях полезных ископаемых.

Средневековые географы лучше всего знали местности, тяготеющие к караванным путям, такие как Чуйская и Ферганская долины, котловина оз. Иссык-Куль. Для Внутреннего Тянь-Шаня (бассейны рек Нарын, Аксай, Верхний Чу), лежащего в стороне от основных путей караванной торговли, известия оказались настолько отрывочными и смутными, что по ним трудно составить определенную картину природных условий области. При этом следует иметь в виду то, что сбор и накопление географического материала производились главным образом расспросным путем, иногда, как это делал, например, саманидский везир Джейхани, даже не выходя из своего кабинета в Бухаре. Поэтому не удивительно, что в сочинения средневековых географов наряду с ценными, достоверными сведениями, вкрались и явно ошибочные положения.

Наряду с географическими описаниями в этот период был составлен ряд географических карт. Территория страны изображалась на картах китайских, арабских, среднеазиатских и западноевропейских авторов. Наиболее ценной и достоверной среди них является китайская карта Центральной и Средней Азии времени династии Тан (VII—X вв.). Арабские и среднеазиатские картографические труды, со свойственными им схематизмом и геометризмом обозначения объектов местности, уступают китайским картам и совершенно неудачно передают орогидрографические контуры страны. Западноевропейские карты, построенные в отличие от китайских и араб-

ских работ на географической сетке, характеризуются крайней бедностью и пестрят грубыми ошибками и отражают низкий уровень географических сведений о территории Средней Азии.

РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О ПРИРОДЕ КИРГИЗИИ В XVII—XIX вв.

РАННИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ О ПРИРОДЕ СТРАНЫ

Начало накопления русскими данных о природе края[1] следует отнести к XVII в., когда по словам В. И. Ленина, наступил «новый период русской истории», сложилось единое централизованное государство, единый всероссийский рынок[2].

С созданием централизованного государства и ликвидацией феодальной раздробленности начался быстрый рост России, расширение ее торговых и иных сношений с соседними странами. Однако, в то время еще не было достаточных предпосылок для широких экономических и политических связей России с государствами Средней Азии. Стремительное движение на Восток, в Сибирь, задачи «освоения» вновь приобретенного края поглощали основное внимание русских. Поэтому возникшие уже в то время связи России с среднеазиатскими странами еще не давали желаемых результатов.

Перелом наступил в эпоху петровских преобразований, в первой четверти XVIII в. Петр I, движимый идеей ликвидации технико-экономической отсталости России, превращения ее «из полуазиатского континентального

---

[1] Раннему этапу географического изучения Киргизии русскими посвящена наша статья: Из истории русских географических и картографических представлений о природе Киргизии (XVII—первая половина XIX в.). «Ученые записки Киргизского заочного пединститута», серия «История—география», в. 3, 1957. См. также: С. Умурзаков. Из истории географических исследований Киргизии. «В помощь учителю», в. 8, 1957, стр 53—62 (на кирг. языке).

[2] В. И. Ленин. Соч., т. I, изд. 4-е, стр. 137.

государства в наиболее могущественную морскую державу»[1], вел активную внешнюю политику, лихорадочно строил заводы и фабрики и тем самым пытался «выскочить из рамок отсталости»[2]. «Прорубив окно в Европу», он, в то же время, усиленно, но тщетно искал «ключ и врата» к странам Востока. При этом главная забота Петра I заключалась в установлении торгового пути между Россией и Индией через Аму-Дарью. С целью поисков путей в Индию и проникновения в Среднюю Азию были снаряжены экспедиции Бухгольца (1715), Бекович-Черкасского (1716—1717) и другие, окончившиеся неудачно, но обогатившие науку сведениями о Средней и Центральной Азии.

Первые географические сведения и карты

Самые ранние сведения, касающиеся географических наименований, имелись уже в «Книге Большому Чертежу», выдающемся памятнике русской географической литературы второй половины XVI и первой половины XVII веков. В ней неоднократно упоминаются горы Каратау — крайний северо-западный отрог Тянь-Шаня, а также хребты, расположенные к югу от Ташкента. Карабас-гора (Туркестанский хребет), по данным «Книги», протягивается на 400 км.

В «Чертежной Книге Сибири», составленной Семеном Ремезовым в 1701 году, нанесены рр. Талас и Чу. Однако эта замечательная для своего времени картографическая работа, в значительной степени основанная на расспросных данных, содержит целый ряд грубых ошибок. Так, в оз. Балхаш (у Ремезова море Тенгыз) впадали рр. Талас и Лопча (?) с притоками Яркенд и Кашгар. В то же время оно служило истоком для Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. В целом вся Средняя Азия автору представлялась «безводной и малопроходной каменной степью»[3] с равнинным рельефом без ее высочайших горных систем.

---

1 К. Маркс. История секретной дипломатии XVIII в., гл. VI. Цитировано по кн. В. Мавродин. Петр Первый. Л., 1948, стр. 142.

2 И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 249.

3 Чертежная Книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882, л. 20.

Существенное значение в расширении географических познаний о Киргизии имела дипломатическая миссия Ивана Унковского, капитана от артиллерии, посла Петра I к Джунгарскому (калмыцкому) правителю Цэвану-Рабтану в 1722—1724 гг. Кроме политических целей, урегулирования сложных взаимоотношений, существующих между Россией и Джунгарией, посольство Унковского имело поручение разведать места «где может най-

Рис. 11. Хвойные леса в долине р. Джеты-Огуз. Вдали — хр. Терскей Ала-Тоо.

Фото Р. Забирова.

дена быть руда и коммуникация с Сибирью, особливо же водяным путем, и учиня тому чертеж и прочее, вернуться обратно»[1]. Для этого в составе посольства находились специалисты по горному и инженерному делу и геодезии.

В период июля—сентября 1723 г. посольство находилось в восточной части Иссык-Кульской котловины, в до-

[1] Посольство к зюнгорскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг. «Записки по отделению этнографии», т. X, в. 2. 1887, стр. 213.

линах рр. Тюп и Джиргалан. В путевом журнале И. Унковского, наряду с указаниями о реках Тюп и Джиргалан, имеются свидетельства о заболоченности долины р. Каркары, об обилии в горах еловых лесов и зарослей можжевельника (арчи).

Наибольший интерес представляет для нас карта калмыцкого государства, составленная И. Унковским в конической проекции в масштабе 10 верст в дюйме.

На территории Киргизии на карте изображены оз. Иссык-Куль, окружающие его горы, а также горы Музарт. Из рек — Тюп, Джиргалан, Чу, Каркара. Местоположение перечисленных географических объектов, за исключением р. Чу, дано в целом довольно верно.

Озеро Иссык-Куль (на карте И. Унковского «Тускуль») размещено между 42° 30' и 43° 30' с. ш.[1]. Главные притоки озера Тюп и Джиргалан изображены почти так же, как и в современных мелкомасштабных картах. Менее удачны очертания озера. Вместо вытянутого с запада на восток, оно имеет вид неправильного четырехугольника.

Правильное изображение ряда объектов свидетельствует об осведомленности И. Унковского о восточной части Киргизии. О западной части страны, он, по-видимому, не располагал достоверными сведениями, чем объясняется, например, то, что р. Чу изображена текущей в юго-западном направлении и впадающей в большое безымянное озеро, ошибочно принятое Д. М. Лебедевым за Иссык-Куль[2].

Несмотря на отдельные неточности, карта И. Унковского является первым картографическим произведением в Европе, давшим сравнительно подробное изображение географических объектов на территории Киргизии.

Генеральная карта Российской империи И. К. Кирилова[3], составленная несколько позже (1734), также охватывает территорию Киргизстана, которая сплошь покры-

---

[1] Действительные координаты оз. Иссык-Куль следующие: 42°12′—42°45′ с. ш. и 76°14′ — 78°24′ в. д.

[2] Д. М. Лебедев. География в России петровского времени. М.—Л., 1950, стр. 126.

[3] Генеральная карта Российской империи, сколько возможно было исправно сочиненная трудом Ивана Кирилова, обер-секретаря правительствующего сената в Санкт-Петербурге, 1734.

та холмиками, вероятно, передающими гористый характер страны. Оз. Иссык-Куль (без названия) очерчено приблизительно так же, как и на карте И. Унковского. Ближе к истине передано и верхнее течение Сыр-Дарьи.

Наряду с продвижением и дальнейшим укреплением России в Сибири, в первой половине XVIII в. шло и постепенное проникновение русских в Среднюю Азию. Казацкая колонизация Урала и основание Оренбурга (1735), присоединение Тургайской, части Акмолинской и Семипалатинской областей, создание так называемой Оренбургской и Сибирской оборонительных линий явилось важной вехой в наступательной политике России в отношении жузов (орд) Казахстана и среднеазиатских ханств. Эти обстоятельства расширили возможности к более частым посещениям Джунгарии, Хивинского и Бухарского ханств и вместе с тем не могли остаться бесследными для науки.

В 30-х — 40-х годах XVIII в. несколько путешествий было совершено в глубь Средней Азии, из которых можно упомянуть посольства в Джунгарию майора Угрюмова (1732) и майора Миллера (1742—1743). Первый из них на основе расспросных данных и личных наблюдений составил карту бассейна Или и современного Синьцзяна[1], а второй представил маршрутную карту пути от Орской крепости через Центральный Казахстан до Джунгарии и обратно (1743)[2], включающую Чу-Илийские горы почти до 43° с. ш. и 75° в. д.

В дальнейшем, по мере накопления и расширения географических сведений, удалось создать карты не только соседних с Россией областей, но и более отдаленных — Средней Азии, отдельных частей Китая. Значительную роль в этом, наряду с Западно-Сибирскими ведомствами, сыграл Географический департамент, созданный в 1741 г. в Оренбурге и руководимый выдающимся русским географом П. И. Рычковым. Одним из первых картографических произведений департамента явилась

---

1 «Записки РГО по отделению этнографии», т. X, в. 2, 1887, стр. 234.

2 «Географические известия РГО», 1850, в. 4, стр. 662—663, а также «Приложение» к в. 4.

рукописная карта Оренбургской губернии, составленная в 1746 г.[1]

Карта, кроме собственно Оренбургской губернии, охватывает и территорию Средней Азии. Авторы «Ландкарты» основные географические объекты интересующей нас области изображают по Генеральной карте Российской империи И. К. Кирилова (1734), но вносят в нее ряд исправлений. Так, главный исток р. Сыр-Дарьи на «Ландкарте» показан под 78° в. д., исключительно точно для того времени, чего нельзя сказать, например, о лучших картах первой половины XVIII в. шведа Табберта (Штраленберга), француза д' Анвилля. Река Цуй (Чу) изображена приблизительно так же, как и на карте Ремезова, но начинается не с северо-запада оз. Балхаш, как на последней, а в более южных районах. На «Ландкарте» нет р. Талас и оз. Балхаш, нанесенных на карте Ремезова, а также оз. Иссык-Куль. Рельеф, как и на карте Кирилова, дан в виде конических холмиков.

Позже, в 1755 г., И. Красильниковым была составлена Генеральная карта Оренбургской губернии[2], которая имеет ряд преимуществ перед «Ландкартой» 1746 г. Здесь число географических объектов, относящихся к Киргизии, увеличилось и наметились крупные орографические контуры страны. Появилась единая горная цепь, протягивающаяся с северо-востока на юго-запад. По очертаниям и географическому положению ее смело можно принять за Кокшаал-Тоо. Пересекая 30 меридиан (долгота от Казани) цепь гор в верховьях рр. Сыр-Дарьи и Кашгара соединяется с хребтами, расположенными в виде треугольника, как изображали в то время Памирское нагорье (напр., у Табберта). Довольно точно очерчено по долготе течение р. Талас. Нижнее течение р. Цуй (Чу) показано прерывисто, с озеровидными расширениями, что дает представление о характере течения

---

[1] Ландкарта Оренбургской губернии с показанием частей прочих губерний. Сочинена в Оренбурге при географических делах 1746 г. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 416, д. 358.

[2] Карта Генеральная Оренбургской губернии и смежных к ней мест... Сочинена при Оренбургских географических делах с разных описаний при тех делах имеющихся в 1755 г. Оренбург, 1880. Мы пользовались рукописным экземпляром настоящей карты, хранящимся в ЦГВИА (ф. ВУА, д. 20621).

и колебаниях уровня реки. Географические объекты Чу-Илийского водораздела (к северу от 43° с. ш.) нанесены подробно согласно «Ландкарте» Миллера.

Но, однако, Генеральная карта Оренбургской губернии все же страдала рядом недостатков. Она была составлена, главным образом, на материалах Географического департамента, поэтому на ней не нашли отражение такие ценные источники, как например карта И. Унковского. Тем не менее карта И. Красильникова представляет собой сдвиг вперед в отношении картирования географических объектов Киргизии. Даже некоторые из более поздних русских карт значительно уступают ей в изображении ряда орогидрографических элементов края. Так, рукописная карта южной части Российской империи (1765)[1], построенная еще на традициях старинных карт (север — снизу, юг—вверху, восток—слева, запад—справа), ошибочно показывает некоторые географические объекты. Истоки рр. Сыр-Дарья и Кашгар на ней расположены в 50—60 км от Балхаша. Озеро Тускуль (Иссык-Куль) вытянуто с севера на юг, как на карте России Табберта 1730 г. Из орографических элементов Тянь-Шаня изображены лишь контуры хребтов: Заилийский Алатау и Кунгей Ала-Тоо с продолжением дальше на восток.

В те же годы западносибирскими картографами была составлена карта Средней Азии[2], выкопированная в 1771 г. В отличие от предыдущих карт она пополнена новым элементом — меридиональным хребтом, показанным в виде конических холмиков. Он протягивается к югу от оз. Балхаш между 44°—40° с. ш. и служит водоразделом бассейнов Сыр-Дарьи и Тарима.

Различные расспросные сведения и личные наблюдения русских послов, торговцев, бывших в Джунгарии, Хиве, легли в основу не только картографических произведений, но и первых русских описаний Тянь-Шаня. Так, известный историк Г. Миллер, опираясь на имеющиеся данные, кратко характеризует Небесные горы. Музартский хребет, — пишет он,—весьма высок. «Имя значит, как то и в самом

---

[1] Карта полуденной части Российской империи Сибирской губернии и пр. 1765 г. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20237.

[2] Карта Средней Азии с пограничными частями России и Китая, 1765. Копировал в 1771 г. вахмистр Кирил Смирнов. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 416, д. 473.

деле есть, что оной как летом, так и зимою, снегом покрыт. Ибо мус на бухарском языке (т. е. на языке тюркоязычных народов.—С. У.) значит лед; то же знаменование имеет и Мустаг, которым именем названы горы, отделяющие Малую Бухарию от Большой и от Индии»[1]. У Миллера Музарт (или Мустаг) выступает как обширная высокогорная область, с простиранием с северо-запада на юго-восток и восток, как водораздел рр. Или, Аму-Дарьи и Ганга. Выходит, что под Мустагом (Музартом) он понимал не только Терскей Ала-Тоо, как утверждает А. П. Горбунов[2], но и Тянь-Шань, и Памир вместе взятые. Подобно своим предшественникам, Миллер увлекается идеей о богатстве этих гор золотоносными жилами, а рек — песочным золотом.

«Академические» экспедиции 1768—1774 гг. и расширение географических познаний о природе Киргизии

Важное место в расширении географических познаний о Киргизии во второй половине XVIII века занимают «академические» экспедиции 1768—1774 гг., осуществленные Российской Академией наук для изучения производительных сил страны. В ходе экспедиции участникам её П. С. Палласу, И. П. Фальку и И. И. Исленьеву, не будучи в самой Киргизии, удалось собрать значительные расспросные сведения о природных условиях горной страны Тянь-Шань и соседних районов, которые вместе с известиями добытыми их предшественниками, послужили им базой для смелых гипотез и обобщений.

Тогда же (1771) академик П. С. Паллас, опираясь на распространенные разноречивые сведения, пытался начертить общую схему расположения хребтов Средней и Центральной Азии. По его мнению[3], центральным узлом всех горных систем Внутренней Азии являлась горная

---

[1] Г. Миллер. Известие о песошном золоте в Бухарии и пр. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», Генварь, 1760, СПб., стр 14—15.

[2] А. П. Горбунов. Очерки по истории физико-географических исследований Казахстана (XVII, XVIII и XIX вв.). Рукопись, 1954 стр. 53 (Кандидатская диссертация).

[3] К. Риттер. Землеведение Азии, т. 2, СПб., 1859, стр. 8, 9; А. Гумбольдт. Центральная Азия. М., 1915, стр. 10—11, 98.

группа Богдо, от которой во все четыре стороны направлялись различные ветви в виде мощных горных цепей. Последние образовали четыре главных радиуса, из которых Музарт (собственно Тянь-Шань), идущий к Тибету, являлся южным. Сам Богдо Палласом рассматривался не только как одна из высочайших вершин Тянь-Шаня, центральный узел горных систем, но и как скопление гор, общее плато, господствующее над всем азиатским материком.

В своих построениях Паллас исходил из ложных, догматических воззрений того времени о «лучеобразном» протяжении горных цепей. Поэтому его орографическая схема Средней Азии оказалась искусственным сооружением, далеким от истинного расположения горных систем. Тем не менее она, благодаря высокому авторитету маститого ученого, продержалась довольно долго, пока не была заменена более совершенной, но такой же искусственной схемой орографии Средней и Центральной Азии А. Гумбольдта (1843).

Другой участник «академических» экспедиций, руководитель пятого отряда «Оренбургских физических экспедиций» И. П. Фальк также касается орографического строения горной Средней Азии. В его «Известиях о Киргизской и Зюнгорской степи»[1] наряду с характеристикой горных сооружений, приводятся конкретные данные о гидросети, органическом мире указанных «степей», а также вулканизме Тянь-Шаня.

Горные системы Средней Азии Фальку представляются следующим образом. Все горы, лежащие к югу от Усть-Каменогорска и известные под названием Зюнгорских (Джунгарских) гор, «весьма обширны и состоят по большей части из высоких, плоских и отлогих хребтов и больших плоскостей около и между оных»[2]. Главный водораздельный хребет, по Фальку, тянется от Усть-Каменогорска через Иртыш, верховья Или на Верхнюю Сыр-Дарью и Яркенд, распадаясь в разных частях на особые кряжи. Причем, самой высокой и дикой из всех горных кряжей считается Музарт, расположенный около Верхнего Или и Текеса. Вообще под Музартом ученый подразумевал

[1] Полное собрание ученых путешествий по России, т. VII, СПб., 1825, стр. 28—59.

[2] Там же, стр. 32.

обширную горную область между Или и Таримом, т. е. наиболее возвышенную часть Тянь-Шаня.

Свидетельствуя о наличии вечного снега на Музарте и в других хребтах, Фальк правильно объясняет это большой абсолютной высотой хребтов. «Так как они (хребты.— С. У.) от тающего и остающегося летом снега имеют пестрый вид», то калмыки и киргизы называют их пестрыми горами («Ала-Тоо»)[1].

Автор далее приводит данные о вулканических явлениях в Тянь-Шане. Если о существовании вулкана на южном склоне Музарта он говорит не совсем уверенно, то о Холаке (Кулуктау), как о настоящем вулкане, — совершенно твердо. Имеются у Фалька указания и о сейсмичности Тянь-Шаня, о большой силе землетрясений, которые чувствуются «во всем Дзюнгорском хребте», т. е. во всей Джунгарии от верховьев Иртыша до верховьев Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи.

На Музарте, как справедливо замечает Фальк, растут леса, состоящие из ели, березы, осины, ивы, рябинника и др., но нет ольхи и сосны. Однако он ошибается, утверждая о присутствии здесь лиственницы.

Описывая «Воды в Зюнгорской и Киргизской степи», Фальк касается оз. Иссык-Куль, рр. Чу и Талас, причем под Иссык-Кулем он подразумевает два озера: Тускуль и Халун-Нор. Первое из них лежит к югу от оз. Алаколь, достигая в длину 75 км. Озеро принимает в себя много речек. Тускулем по данной характеристике может быть только оз. Иссык-Куль, правда длина его уменьшена почти в три раза. Косвенным доказательством того, что Тускуль и есть Иссык-Куль, служит свидетельство самого Фалька о том, что река «Цуй (Чу.— С. У.) выходит из гор при Тускуле». Добавим, что озеро Иссык-Куль в XVIII в. чаще всего называли Тускулем. Оз Халун-Нор, расположенное, по Фальку, на левом берегу р. Или и выбрасывающее «много железистого песку»[2], также соответствует Иссык-Кулю.

---

[1] У Фалька вместо «Ала» («пестрый») сказано «Алек», «Аула». Вероятно отсюда исходит форма «Алак» на карте И. И. Исленьева (см.), присвоенная огромной окраинной горной системе, протягивающейся от Памира до горы Богдо-Ола.

[2] В то время и позже ошибочно считали оз. Иссык-Куль железосодержащим и отсюда исходит его другое название Темурту-Нор.

Таким образом, Фальк имел правильное представление по ряду важных элементов природы Средней Азии. Его указания о гористом характере областей между Иртышем, Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, преобладании в Джунгарском Алатау, Тянь-Шане высоких хребтов и межгорных плато, о наличии там вечного снега и сейсмических явлений и др. соответствуют действительности. Но утверждение ученого о существовании на Тянь-Шане современных вулканов оказалось ошибочным, в чем, однако, винить Фалька не приходится. Ложное представление о вулканических явлениях происходило от подземного горения каменных углей.

Несколькими годами позже рассмотренных нами трудов, в 1777 г. появилась карта реки Иртыша, Южной Сибири и Джунгарии И. И. Исленьева[1], замечательное картографическое произведение второй половины XVIII века, должным образом неоцененное до сих пор. Карта И. И. Исленьева явилась обобщением, сводом всей суммы знаний русских о природе Средней Азии того времени.

В отличии от Палласа и Фалька, И. И. Исленьев, повидимому, располагал большим количеством фактических данных о природе края и более критически отнесся к их использованию. Поэтому его карта р. Иртыша с большой подробностью изображает территорию Киргизстана. Число нанесенных и названных географических объектов Киргизии (80) на карте Иртыша в два раза превышает нагрузку калмыцкой карты Джунгарии[2]. Исленьевым введено более 20 новых географических названий.

---

[1] Карта Иртыша южную часть Сибирской губернии протекающей и бывших Зенгорских калмык владений. Сочинена Иваном Исленьевым 1777года. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20244.

[2] Калмыцкая карта Джунгарии, более известная как карта Рената, составленная в первой половине XVIII века явилась лучшим, наиболее удачным картографическим изображением территории Киргизии и соседних районов Внутренней Азии. Этот прекрасный для своего времени труд, бывший в рукописи и считавшийся безнадежно утраченным, был открыт лишь в 1879 году, спустя полтора века со времени его создания и издан Русским Географическим обществом в 1888 году. Поэтому «Карта Рената» не оказала никакого влияния на карту реки Иртыша И. Исленьева, хотя и предшествовала ей. О калмыцкой карте Джунгарии см. ниже, а также наше сообщение, опубликованное в «Трудах Отдела географии и Тянь-Шаньской физико-географической станции Академии наук Киргизской ССР», в. I. 1958, стр. 163—164.

Рис. 12. Деталь карты реки Иртыша, Южной Сибири и Джунгарии И. И. Исленьева.

Довольно четко и выразительно изображена общая орографическая схема Тянь-Шаня. Цепи гор, нанесенные на карту, строго ориентированы и по своим очертаниям близки к истинному расположению хребтов. Главным орографическим элементом выступает здесь мощный единый хребет под общим названием Алак, который протягивается вдоль юго-восточной окраины горной Средней Азии. Южную меридиональную его цепь составляют горы Белюртаг, проходящие восточнее 96° в. д. от Ферро; среднюю часть, — соответствующую хребту Кокшаал-Тоо — горы Терек-Даван, а восточную, широтную часть, лежащую в пределах современного Китая, образуют Снежные горы Музарт. Горы, окаймляющие Ферганскую долину с юга, названы Актау.

В целом верно изображены цепи гор, соответствующие Терскей Ала-Тоо, Кунгей Ала-Тоо (под названием хребта Гольцай Тологой), Киргизскому и Таласскому хребтам, горам Чу-Илийского водораздела. Очертания гор показаны и в других частях Киргизстана, хотя менее удачно.

С большой подробностью изображена гидрографическая сеть, особенно бассейн оз. Иссык-Куль и система р. Чу, т. е. речная сеть Северной Киргизии.

Озеро Тузкуль-Нор по своей форме напоминает Иссык-Куль, но слишком сужено в средней части. По карте оно имеет 32 км в ширину при длине около 150 км, что ближе к истине, чем на калмыцкой карте Джунгарии. В озеро впадает 17 притоков, из них 7 с севера. С востока Тузкуль-Нор принимает два главных притока Тюп и Зайсанх (Джиргалан), причем первый имеет 3 правых притока, из которых верхний — Шатас (Шаты). У р. Зайсанх один правый и 4 левых притока: Чарлаган (собственно Джиргалан), Чаган-Усунь (Ак-Су), Карагол (Каракол) и Тигюс (Джеты-Огуз)[1].

Реками, впадающими в озеро с юга показаны: Улан-Усунь (Чон-Кызыл-Су), Заука (Джууку), Чичкан, Баркон (Барскон), Темга (Тамга), Тосгор (Тосор) и Тон с двумя правыми притоками. Р. Кочкор (у Исленьева «Крош») впадает в озеро Тузкуль-Нор с запада.

---

[1] В действительности рр. Каракол и Джеты-Огуз не являются притоками Джиргалана, а впадают в одноименный залив озера.

Системы рр. Чу, Таласа, Нарына и верховьев Сыр-Дарьи нанесены приблизительно так же, как и на калмыцкой карте Джунгарии, но чётче и подробнее. Напр., у р. Таласа изображены два новых левых притока: вместо одних надписей Baga Kemin, Chissirgantu, Choschol, Son Kul на «Карте Рената», здесь даны очертания самих объектов с указанием названия и т. д.

На карте И. Исленьева координаты многих географических объектов Киргизии даны с большой для своего времени точностью, что свидетельствует о лучшей математической основе карты. Астрономические пункты и детали ряда объектов карты могли быть заимствованы Исленьевым из китайских источников и карт, составленных в результате геодезических и астрономических изысканий в Западном Китае и в некоторых пунктах Средней Азии в середине XVIII в. Русские аналогичными работами для горной Средней Азии тогда не располагали.

Карта И. Исленьева не смогла избежать традиционных недостатков, свойственных картам того периода. Это, прежде всего, элементарность изображения географических объектов, а также наличие неточностей, порою грубых ошибок в нанесении некоторых объектов. Несмотря на это, карта реки Иртыша, Южной Сибири и Джунгарии И. И. Исленьева была лучшим картографическим изображением территории Киргизии до карты Центральной Азии М. Ж. Клапрота, составленной в 1836 г. на основе новейших китайских и русских источников. Многие западноевропейские и русские картографические произведения[1], посвященные изображению горной Средней Азии, в течение полувека явились различными вариантами или уточнением и детализацией отдельных объектов карты Исленьева. Она составила эпоху в картировании территории Киргизии.

Итак, «академические» экспедиции 1768—1774 гг. были периодом накопления и расширения географических сведений о природе страны и дали возможность наметить наиболее общие, но реальные орографические контуры

[1] Перечень карт и их оценка дана нами в статье, опубликованной в «Ученых записках Киргизского заочного педагогического института», сер. «История — география», в. 3, 1957, стр. 140.

Киргизстана. Данные, собранные участниками экспедиций, явились существенным вкладом в науку.

Со времени «академических» экспедиций, т. е. с конца 70-х годов XVIII века вплоть до начала XIX в., русская география, по существу, не пополнилась новыми данными о природе Киргизии. Для этого периода можно указать лишь на сведения Ф. Ефремова и капитана Андреева.

Русский офицер Филипп Ефремов в период своего девятилетнего (1774—1782) странствования по Средней Азии, Западному Китаю и Индии посетил (около 1780 г.) Южную Киргизию и, как полагает Э. М. Мурзаев[1], прошел через Алай по историческому караванному пути.

В кратких лаконичных выражениях он метко передает природные особенности горного Алая. «Горы, — пишет Ф. Ефремов, — весьма высокие; лесу мало, травы довольно, а в зимнее время снегу бывает много. У одной горы воздух весьма тяжелый и захватывает дух, отчего иные и умирают»[2].

По расспросным сведениям, собранным капитаном Андреевым в 1785 г., Киргизстан «огражден великими и непроходимыми горами» Алатау, называемыми еще Тобулгуты, Шаты и Беделен (Бедель), которые «поворот свой имеют» от Сыр-Дарьи. Касаясь занятий киргиз автор указывает на хлебопашество и скотоводство[3].

Русские путешествия в Киргизию в первой половине XIX века

Известные сдвиги в отношении географического изучения Киргизстана наметились в начале XIX века, когда Россия, опираясь на свои твердые позиции в Казахстане, усилила торговые и политические сношения со среднеазиатскими ханствами, с Западным Китаем, а предприимчивые торговцы, пересекая Тянь-Шань, пробирались в Кашгарию и даже в Индию.

---

[1] В книге: Ефремов, Филипп. Девятилетнее странствование. Изд. 5-е, М., 1952, стр. 75. Исторический караванный путь через Южную Киргизию проходил по маршруту Ош—Гульча—Суфи-Курган—пер. Терек-Даван — Иркештам.

[2] Ф. Ефремов. Упом. соч., стр. 75.

[3] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, 2-е изд., СПб., 1886, стр. 310; Г. Потанин. О рукописи капитана Андреева о Средней Киргизской орде, писанной, в 1785 г., «Известия РГО», т. XI, в. 2, 1875, стр. 107—110.

В 1800 году из Семипалатинска через Центральный Казахстан, р. Чу и горы Каратау в Ташкент прошли горные чиновники Колыванских заводов М. Поспелов и Т. Бурнашев[1]. Несколько позже их мимо Иссык-Куля, через Центральный Тянь-Шань в Индию с торговыми целями проехал русский купец Модатов[2]. В 1807 г. братья Атанасовы[3], возвращаясь из Индии на родину, пересекли Тянь-Шань. Тогда же этим путем прошел и грузинский путешественник Рафаил Данибегов[4]. В течение 16 лет (1807—1823) странствовал по Средней Азии, Кашгарии и Джунгарии торговец Муртаза Фейзуллин, бывший в 1816 году на Терек-Даване[5]. В 1813 г. от Сибирской линии через Центральный Казахстан, Ташкент и Кураминский хребет в Коканд с дипломатическим поручением Западно-Сибирской администрации следовал Ф. Назаров, который был в Оше и других городах Ферганы. Он сообщил некоторые данные о ландшафтах, климате и характере растительности страны[6].

Осенью того же (1813) года Киргизию посетил переводчик губернский секретарь Бубеннов, будучи в отряде сотника Старкова, сопровождавшего торговый караван, шедший из Семипалатинска в Ак-Су (Кашгария) мимо Иссык-Куля. В 20-х гг. по этому же маршруту прошли русский офицер Лещев (1821), купцы Пиленков и Тупиков (1825), лекарь Зибберштейн (1825). Интересную по-

---

1 Ход унтер-шихтмейстеров Бурнашева и Поспелова. Дневные записки с нужными примечаниями, по пути ведущему через Киргизскую степь к городу Ташкенту, учиненные 1800 года. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18541, лл. 103—120. Рукопись.

2 П. П. Семенов. Предисловие переводчика. В кн. К. Риттер. Землеведение Азии. СПб., 1859, стр. 7; Н. Балкашин. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и Китайскими владениями. «Записки Западно-Сибирского отд. РГО», кн. 3, 1881, Омск, стр. 5.

3 Странствование армян Григория и Данилы Атанасовых по Азии. «Сибирский вестник», ч. I, СПб., 1824, стр. 175—176.

4 Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815, стр. 52.

5 «Вестник РГО», ч. I, кн. I, 1851, стр. 47; маршрут путешественника в X-й кн. «Записок РГО», 1855, стр. 337—373.

6 Список с рапорта путешествующего во владение Коканское в 1813 г. толмача Назарова, и с лично отобранными от него, о тех краях, замечаниями. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24668, лл. 153—160. Рукопись; Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб., 1821.

ездку в Ташкент и Коканд совершил в 1829—1830 гг. хорунжий Н. Потанин во главе казачьего отряда, сопровождавшего кокандских посланников, возвращавшихся из Петербурга. И после, в разное время, по территории Киргизии и прилегающих к ней районов, по-прежнему поддерживались аналогичные сношения между Россией, с одной стороны, Кашгарией и Кокандским ханством, с другой.

Таким образом, с началом XIX века Киргизия оказалась на пути важных торговых коммуникаций, в которых было кровно заинтересовано русское купечество. Однако успешное развитие торговли зависело и от поведения киргизских феодалов, выступавших организаторами грабежа торговых караванов. Поэтому в задачу западносибирских властей входило установление и нормализация взаимоотношений с киргизскими племенами, обеспечение русского влияния в Киргизии.

В то же время сами киргизы усиленно искали возможностей для установления дружеских отношений с русскими. Более того, некоторые племена ходатайствовали о покровительстве России над ними, о приеме в русское подданство. Постоянная междоусобная борьба феодальной знати, гнет феодального Китая и порабощение Кокандской деспотией тяжелым бременем ложились на киргизский народ, обрекая его на нищету и экономический застой. Выходом из этого сложного внутреннего и международного положения, значительным шагом вперед в историческом развитии для киргизов могло быть установление политических и экономических связей с более передовым и развитым государством, чем среднеазиатские ханства и феодальный Китай. Такой страной была в то время только Россия. «Господство России, — писал Ф. Энгельс, — играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[1].

Первые посланцы северных киргизов появились в России еще в 1784 году[2]. Затем через 30 лет в Омске

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

[2] П. А. Словцов. Упом. соч., стр. 310. Возможно, что при описании «диких и закамененных киргиз» капитан Андреев (1785) использовал и известия первых киргизских посланцев в Россию.

пребывала депутация бугунского племени для установления дружественных связей с западносибирскими властями. В 1821 и 1824 гг. новые посланцы киргизских племен просили в Омске о принятии их в подданство России, обещая при этом безопасность пути русским караванам до Кашгара[1]. Через год представители северных киргизов вновь обратились к русскому правительству, прося теперь защиты «от междоусобных раздоров и грабительств, возникших у них с некоторого времени в сильной степени...»[2]

Возникшие тогда сношения киргизских племен с русскими властями по ряду причин не могли привести к упрочению связей и принятию киргизов в подданство России, но подготовили почву для будущего исторического акта — присоединения Киргизии к России. Они открыли возможности и способствовали развитию русской торговли с Кокандским ханством, Кашгарией и самой Киргизией.

Установившиеся отношения благоприятствовали также географическому изучению края, расширению сведений о природе и экономике Киргизстана. Торговцы и военные чины, бывшие в различных частях Тянь-Шаня, накопили разнообразные данные о стране, особенно по маршрутам торговых караванов. Наиболее интересными из них в географическом отношении являются отчеты и записки горных мастеров М. Поспелова и Т. Бурнашева, переводчика Бубеннова и офицера Лещева, лекаря Зибберштейна и хорунжего Н. Потанина.

В «Записках» и «Замечаниях» Поспелова и Бурнашева[3] для нас важно описание западных отрогов Тянь-Шаня, указание о горных породах, наличии месторождений полезных ископаемых и карстовых явлений, а также о некоторых особенностях режима рр. Чу, Арысь и др.

«Алатау», т. е. Западный Тянь-Шань, путешествен-

---

[1] П. А. Словцов. Упом. соч., стр. 310 см. также: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24668, л. 171.

[2] «Исторический архив», т. 1, 1936, стр. 223—224.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18541, лл. 81—120; д. 24720. Рукопись. Отчеты Поспелова и Бурнашева опубликованы в «Сибирском вестнике» (ч. IV, СПб., 1818, стр. 111—180) и в «Вестнике РГО» (ч. I, кн. I, 1851, стр. 1—44), а их маршруты в кн. А. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд. и степей. СПб. 1832, стр. 192—193.

никами характеризуется как горы высокие, крутые, покрытые вечными снегами. «Высшие из них,— сказано в отчете,— покрытые вечным льдом и снегом и из коих вытекают многие источники, а по крутым утесам бьют водопады, суть лучшие виды тамошнего края. Между оными горами находятся обширные равнины сколь тучные, столь и приятные, имеющие обильные произрастания»[1]. Однако, как и Фальк, они ошибочно утверждали, что горы эти, в данном случае весь Тянь-Шань, представляют собою продолжение Алтая и непрерывной цепью тянутся с севера на юг.

Поспелов и Бурнашев правильно определяют состав горных пород, слагающих отроги Западного Тянь-Шаня, указывая на преобладающее значение гранитов и известняков, что вполне подтвердилось позже исследованиями И. В. Мушкетова, Г. Д. Романовского и др.

Из ископаемых богатств отмечено наличие свинцового блеска в Каратау, указано на признаки медной руды в горах по Чирчику, а также на железные руды, используемые ташкентцами для выплавки чугуна. Но все же, по мнению путешественников, в редких, особенно металлических, ископаемых «не видно благонадежности».

Авторы отчета дают правильное объяснение карстовых явлений «известковых гор» Западного Тянь-Шаня. Ташкентцы принимали их за старинные железорудные выработки. На самом деле многие пещеры, посещенные горными мастерами, оказались «происшедшими от осадки извести, растворенного водою»[2].

«Маршрут» Бубеннова[3] содержит различные географические сведения, в частности перечисления рек, гор, указания о характере растительного покрова и др. элементах природных условий края по трассе караванного пути. Бубеннов первым среди русских путешественников указывает на незамерзаемость оз. Иссык-Куль. «Озеро сие,— пишет он,— никогда не замерзает, обширности

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24720, л. 11.

[2] «Сибирский вестник», ч. IV, 1818, стр. 172.

[3] Маршрут по тракту от крепости Семипалатной к китайскому городу Аксу, учиненный переводчиком губернским секретарем Бубенновым 1813 года. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24668, лл. 161—172. Рукопись. Маршрут Бубеннова приводится и П. П. Семеновым (ВГО, Учен. архив, ф. 58, оп. 1, тетр. I, лл. 101—103).

имеет около 350 верст, падает в него довольно речек» и, по традиции китайских и западноевропейских географов, считает, что из него «выпадает река Чуй, протекающая по правую сторону Ташкентской провинции по степи»[1]. Интересно свидетельство путешественника о леднике Джукучак, где он, благодаря своей наблюдательности, подмечает характерные его особенности. «В горе сей (Терской Ала-Тоо в районе пер. Джуукучак.— С. У.) с северной стороны снег никогда не тает и наподобие льду означается оной яром и видно слои означающие ежегодного прибавления...»[2].

Значительно большей, чем у Бубеннова, подробностью отличается «маршрут» Лещева[3]. Им охарактеризованы реки, ключи, горы, увалы, луга, леса и т. п., т. е. дан значительный по тому времени фактический материал о природных условиях всего тракта караванного пути. В пределах Киргизии Лещевым описаны горы Кунгей Ала-Тоо, Каркара, Кызыл-Кыя, Сары-Тологой, Терской Ала-Тоо, рр. Тюп, Джиргалан, Каракол, Ирдык, Джеты-Огуз, Кызыл-Су. При характеристике оз. Иссык-Куль приведены данные об его размерах и глубине, а также о строении хребтов, окружающих озеро.

Путешественником из крепости Семипалатной до Чон-Кызыл-Су пройдено всего 1537 верст. Маршрут пути нанесен на карту земель, принадлежащих киргиз-казакам и Туркестана, составленную при Отдельном Оренбургском корпусе в 1831 году[4].

Пожалуй наибольший интерес из поездок в Киргизию в первой половине XIX века представляет путешествие лекаря Омского гарнизонного полка Зибберштейна 1825

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24668, л. 169.

[2] Там же, л. 170. Сравни: Г. Е. Катанеев. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XIV, в. I, 1893, стр. 72.

[3] Маршрут Омского военно-сиротского отделения смотрительского помощника 14-го класса Лещева, командированного в 1821 году из крепости Семипалатной, при купеческом караване под прикрытием казачьего отряда Киргизской степью по тракту к городу Кашкару и пр. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20648. Рукопись. См. также П. А. Словцов. Упом. соч., стр. 311.

[4] Карта земель, принадлежащих киргиз-казакам и Туркестана приложена к книге А. Левшина «Описание киргиз-казачьих и киргиз-кайсацких орд и степей», ч. I, 1832.

года[1]. Ему, бывшему при отряде хорунжего Нюхалова, сопровождавшего депутацию иссык-кульских киргизов, предписывалось «узнать самое главное и сколь можно достовернее путь удобной к торговле с Кашгарией, китайским городом Аксу и г. Тибетом»[2]. Это поручение, так же как и дипломатическая миссия отряда, давали путешественнику возможность сравнительно лучше ознакомиться с природой Киргизии, совершить экскурсии помимо караванных трасс. В отличие от Бубеннова и Лещева, он прошел поперек всего Тянь-Шаня, преодолел трудный перевал Талды-Су (хр. Кунгей Ала-Тоо) и через пер. Джууку достиг Беделя. Обратно вернулся через пер. Санташ.

Хребет Кунгей Ала-Тоо Зибберштейн рисует как чрезвычайно высокий, покрытый вечным снегом и опаснейший для прохода караван. «Высота гор,— пишет он,— столь велика, что с верхов оных, горы, вчерашний день нами проходимые (плоскогорье Уч-Мерке.—С. У.) казались уже самыми мелкими снежными буграми»[3]. Описывая характер ландшафтов Кунгей Ала-Тоо и прилегающих районов, путешественник обращает внимание на наличие хвойных лесов, в которых водятся маралы и медведи.

Зибберштейна особенно привлекает высокогорный Иссык-Куль и его живописная природа. Верно указывая на географическое положение и замкнутость котловины, он восторгается богатыми естественными ресурсами Восточного Прииссыккулья. Подчеркивая большое хозяйственное значение долины, автор замечает, что именно она является важным районом земледелия кочевников-киргизов.

Путешественник совершает специальную поездку для изучения Иссык-Куля. «Любопытство влекло меня к обозрению озера Ис-Сыкуль»[4],—признается он по поводу трехдневных поездок вдоль южного побережья озера.

---

[1] Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. 12 октября 1825 года. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18525. Рукопись. См. также: А. Левшин. Указ. соч., ч. I. стр. 199—200; Ч. Ч. Валиханов. Собр. сочин. «Записки РГО по отд. этнограф.», т. XXIX, 1904, стр. 493; Н. Г. Путинцев. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891, стр. 132; «Историч. архив», т. I, 1936, стр. 223—258.

[2] «Историч. архив», стр. 224.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18525, л. 11.

[4] Там же, л. 16.

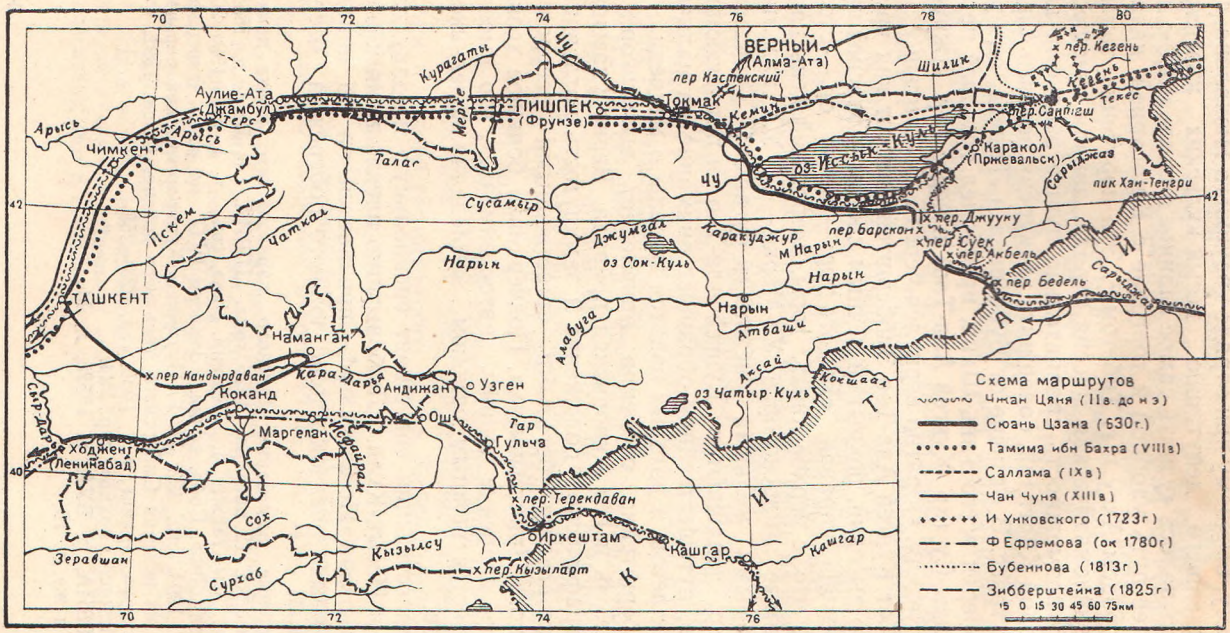

Рис. 13. Маршруты путешествий по территории Киргизии.

Вот что пишет Зибберштейн об оз. Иссык-Куль. «Озеро Ис-Сыкуль имеет название по своему значению; оно на русском языке означает теплое озеро, что и справедливо: ибо оно зимою не замерзает, в виде своем оно почти яйцеобразное, вода несколько сладковата (?), но в пищу годная, берега на местах низких отлогие и глубина небольшая, но около гор высокие с глубокими местами»[1]. В нем, по словам Зибберштейна, водятся разные виды рыбы.

Правильно определяя гидрографическую сеть бассейна озера, путешественник в то же время ошибался, полагая, что р. Корчар-Су (Кочкор) есть главный приток Иссык-Куля. Более того, он считал Иссык-Куль сточным, что оно изливается каналом в Чу, «которая шириною почти равна с рекою Иртышом, но быстротою далеко уже превосходит»[2] её. Зибберштейн также ошибочно принимал Чу за приток Сыр-Дарьи.

Таким образом, Зибберштейн имел в целом правильное представление об Иссык-Куле, но в вопросе о связи озера с р. Чу он впадал в традиционную ошибку, исходящую из китайских и западноевропейских источников. К тому же во время своего путешествия вдоль южного побережья Иссык-Куля, он, по всей вероятности, не заходил дальше р. Джаргылчак и его известия о рр. Алабаш, Конуролён, Кочкор и др. объектах, лежащих еще западнее, основывались на расспросных, далеко не достоверных сведениях.

В «Замечаниях» Зибберштейна имеются сведения также о хребте Сен-Таж (Кызыл-Кыя), где автор неудачно пытается объяснить происхождение названия «Санташ», о караванных путях через Тянь-Шань (маршруты даны под литерами «С», «Д», «Е») и др., в которых перечислены ряд географических объектов Киргизстана.

«Записки» хорунжего Н. И. Потанина[3], сопровождав-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18525, л. 16.

[2] Там же.

[3] Записка Сибирского линейного казачьего войска хорунжего Потанина, препровождавшего Коканских посланников, бывших у Российского двора в 1830 году. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24766. Рукопись. См. также: «Военный журнал», 1831, № 4, стр. 102—139, № 5, стр. 43—70; Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина (1830). «Вестник РГО», кн. IV, 1856, стр. 255—289.

шего кокандских посланников из Семипалатинска в Коканд, также содержат некоторые данные по физической географии Западного и Юго-Западного Тянь-Шаня. Путешественник пересек Каратау, горы Боролдай, Кураминский хребет, входящие в систему Тянь-Шаня.

Наибольший интерес для нас в «Записках» Потанина представляет описание гидрографической сети страны. Автор «Записок» не ограничивается простым перечислением рек или озер, а дает их краткую характеристику, включая элементы морфологии долин, режима рек, ихтиофауны. Так описаны Сыр-Дарья и её притоки Арысь, Келес, Чирчик, Ангрен (у Потанина — «Ангара»).

Более подробно охарактеризована р. Чу, которая, по Потанину, начинается из хребта «Кыргыздын-Алатау» и впадает в озеро Кабан-Куль, простираясь до 500 верст; «имеет в ширину не более 10 сажень, но разлитие её, бывающее весною и осенью, простирается от 100 сажен до 8 верст; глубина её от 2-х до 7 аршин, а во время сильных жаров она почти пересыхает и содержит довольное количество бродов...»[1] «...Берега оной местами крутые, а более отлогие покрыты камышем, грунт местами иловатый, а местами и песчаный... Островов на сей реке находится в довольном количестве. Судоходства никакого не имеет. Мостов нет»[2]. Из рыб водятся сомы, щуки, язи, окуни, плотва и маринка.

В данной характеристике скупо, но довольно верно отмечены основные особенности реки. Копылов, следовавший по Чу на лодке в 1873 г. от Константиновского моста, у Пишпека (ныне г. Фрунзе), почти до низовьев реки, в значительной мере подтверждает сведения Потанина о ней[3]. Принципиально правильно представлял себе Потанин и вопрос об истоке р. Чу, не связывая его с оз. Иссык-Куль.

К середине XIX века рамки русских географических познаний о природе Киргизии, как и всей Средней Азии в целом, заметно расширились. Растущие торгово-промышленные интересы нарождающегося в России капитализма и усиленные происки англичан в Средней Азии

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24766, л. 5.

[2] А. П. Горбунов. Упом. соч., стр. 111.

[3] Копылов. Современные сведения о р. Чу. «Известия РГО», т. X, в. 3, 1874, стр. 131—134.

обусловили активизацию русской внешней политики, что привело к присоединению значительной части Казахстана к России и продвижению границ русских владений до северных подножий Тянь-Шаня (1854) и низовьев Сыр-Дарьи (1853). Эти обстоятельства дали возможность ближе ознакомиться с природой Средней Азии и способствовали созданию географических сводок как всей Средней Азии, так и отдельных её частей. Из таких работ нам известны обозрения Кокандского ханства (1841, 1844, 1856)[1], Средней Азии (1848)[2], Киргизстана (1851)[3] и др. Много было составлено в это время картографических произведений[4], из которых особый интерес для территории Киргизии представляют карты «Дикокаменной орды» (1849, 1851)[5] и «Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран» (1851)[6].

Все перечисленные нами труды в той или иной мере касаются территории и природных условий Киргизии. Одни из них обнимают всю территорию края, другие — отдельные его части. В некоторых сводках приводится значительный фактический материал о природе страны, а в других — лишь перечисления географических объектов. Несмотря на приближение русских владений к территории Киргизии, авторы указанных выше сводок и карт все еще

---

[1] Взгляд на северную часть Коканского ханства с присовокуплением сведений о сношениях России с владетелем и правителем Ташкении, 1841 г., ЦГВИА. ф. ВУА, д. 19251. Рукопись; Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии, 1841. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254. Рукопись; В. В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Коканском ханстве. «Вестник РГО», ч. XVIII, кн. 5, 1856, стр. 107—152.

[2] П. С. Савельев. Средняя Азия. «Карманная книжка для любителей землеведения, издаваемое от РГО», 1848, СПб., 1849, стр. 237—278.

[3] Сведения о дикокаменных киргизах. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551, ч. II. Рукопись. То же в «Записках РГО», кн. V, 1851, стр. 140—153.

[4] Перечень карт этого периода см. в нашей работе, упомянутой выше («Ученые записки Киргизского заочного пединститута», серия «История—география», в. 3, 1957).

[5] Карта Дикокаменной орды и смежных с нею владений, составленная по расспросам в 1849 году. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 25596. Рукопись; Карта Дикокаменных киргизов с прилежащими землями киргизов Большой орды и китайскими владениями. Омск, 1851. Рукопись. См. ВГО, Учен. архив, разр. 65, оп. I, № 11, стр. 517.

[6] Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран, Я. Ханыкова. ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 416, д. 458. Рукопись.

находились в плену старых представлений и широко использовали расспросные сведения. Поэтому они не свободны от ошибок, порою унаследованных от западноевропейских авторитетов. В «Обозрении Коканского ханства», так же как и в географической литературе Запада, принимается господствующее положение Болора в системе гор Средней Азии[1]. Река Гулишан (Кара-Дарья) считалась за исток реки Сыр-Дарьи, а Кутемалдинка за исток р. Чу и т. д.

Особого внимания среди указанных обозрений заслуживают «Сведения о дикокаменных киргизах» Нифантьева[2], которые можно рассматривать, как первую попытку обобщить и систематизировать географические знания о природе, экономике и населении Киргизстана. Был ли автор в пределах страны или свой очерк писал на основе одних лишь расспросных данных, пока что точно не установлено. Согласно отчету Русского Географического общества за 1850 год[3], топограф Нифантьев был послан для местных исследований по просьбе трех киргизских манапов, изъявивших в 1847 г. желание вступить в подданство России. Результатом этих работ явились довольно подробная карта Иссык-Куля и окружающих его гор[4] со

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 413, л. 14.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551, ч. II. Рукопись. То же в «Записках РГО», кн. V, 1851, стр. 140—153. Авторство Нифантьева над обозрением было установлено еще в 50-х гг. XIX в. («Вестник РГО», ч. I, кн. I, 1851, стр. 33; «Вестник РГО», ч. XXI, кн. 6, 1857, стр. 121 и 122), хотя М. И. Венюков в качестве соавтора очерка называет еще Воронина («Записки РГО», кн. IV, 1861, стр. 104). В ЦГВИА настоящий обзор ошибочно приписан Бардашеву.

[3] «Вестник РГО», ч. I, кн. I, 1851, стр. 33. Н. А. Аристов командировку Нифантьева в Заилийский край связывает с делом казахского султана Кенесары, который тогда вел войну с киргизами.

[4] «Вестник РГО», ч. I, кн. I, 1851, стр. 33. В ЦГВИА нами обнаружена рукописная «Карта Дикокаменной орды и смежных с ней владений, составленная по расспросам в 1849 году» (Масштаб 25 в. в дюйме, ф. ВУА, д. 25596). Карта охватывает пространство от северных берегов оз. Балхаш до широты Кашгара и между меридианами Коканда и Кульджи. Нанесены города, селения, пикеты, курганы, пикетные и караванные дороги, орогидрографическая сеть. На территории современной Киргизии находим очертания оз. Иссык-Куль, бассейнов Верхнего Нарына, Верхнего Чу (включая бассейны рр. Кочкор и Каракуджур, Сарычат — правый приток Сары-Джаза), а также часть нижних течений рр. Чу и Талас. Остальная гидрографическая сеть и орографические объекты края не нанесены. Сличение настоящей карты с картой озера Иссык-Куль и сопредельных

сходными очертаниями озера, а также географический очерк области киргизов. По-видимому, на эти указания опирался Я. Ханыков, нанеся на свою карту северо-западной части Средней Азии (1854)[1] маршрут Нифантьева от Или к северному берегу Иссык-Куля. Однако П. П. Семенов заявляет, что топограф Нифантьев никогда не был на Иссык-Куле[2]. Как бы то ни было, географический очерк «о дикокаменных киргизах» и упомянутая карта представляют несомненный интерес.

В «Сведениях о дикокаменных киргизах» основное внимание уделено характеристике природных условий страны. Работа содержит разделы: «Горы», «Климат», «Озера», «Реки» и «Естественные произведения», куда включены материалы о растительном покрове («Леса»), животном мире («Животные») и полезных ископаемых («Ископаемые»).

Вся территория Киргизстана, по Нифантьеву, прорезана «в разных направлениях горными хребтами», распадающимися на три главные снежные ветви. Это — Киргизский Ала-Тоо, Кунгей Ала-Тоо и Теректи-Даван. Из них последние образуют окраинные цепи, а все пространство между ними заполняют отроги Киргизского хребта.

Автор «Сведений» правильно представлял себе Тянь-Шань (правда, термина «Тянь-Шань» он не употребляет и общего названия для всей горной системы у него нет) как сложную систему хребтов. Теректи-Даван, соответствующий системе хребтов Кокшаал-Тоо в широком смысле вплоть до Алая на юго-западе, состоит из хребтов Тоо-Мурун, Тоюн-Тоо, Теректи-Тоо и Когуртык-Тоо. Еще

с ним стран Я. Ханыкова (1851), составленной на основе карты Нифантьева, показывает идентичное изображение объектов на обоих картах, что дает нам основание предполагать, что «Карта Дикокаменной орды и смежных с ней владений» и есть известная карта озера Иссык-Куль Нифантьева. На это указывает и отсутствие градусной сетки на «Карте Дикокаменной орды», почему М. И. Венюков был вправе называть её чертежом (Нифантьева). Из имеющейся на карте приписки видно, что она является лишь копией рассматриваемой карты.

[1] Карта северо-западной части Средней Азии. «Записки РГО», кн. 10, 1855.

[2] «Вестник РГО», ч. XVIII, кн. 6, 1856. стр. 30; ч. XXI, кн. 6, 1858, стр. 121 и 122.

более сложным строением отличается «снежный кряж» «Киргизынын-Ала-Тау». На западе он разветвляется на хребты Кетмень-Тюбе, Карабура (Таласский Ала-Тоо), Кендыр-Тау (система Чаткальского хребта), Боролдай

Рис. 14. Хр. Кунгей Ала-Тоо и ур. Кутемалды у западной оконечности оз. Иссык-Куль.

Фото автора.

и Каратау. На востоке кряж соединялся с цепью Кунгей Ала-Тоо, а затем огибая озеро Иссык-Куль с юга образовал многочисленные цепи под общим названием Музарт-Даван или «Ледяной хребет».

Предлагаемая Нифантьевым орографическая схема Тянь-Шаня более совершенна, чем соответствующие схемы известные по картам Клапрота (1836) и Гумбольдта (1843). Она отражает особенности строения поверхности страны и не связана с пресловутым поперечным Болором. Важно отметить здесь и о попытке автора «Сведений» дать районирование Тянь-Шаня в виде упомянутых выше 3-х главных ветвей (цепей). Однако такое деление его на части ничем не мотивировано. Заметим также, что Нифантьев впервые в русской литературе указывает на характерные для Тань-Шаня высокогорные плато-сырты, ограничивая их местоположение южными склонами «Киргизынын-Ала-Тау» (в данном случае Терской Ала-Тоо).

Полнее и более правдиво, чем в предыдущих сводках, дана в «Сведениях» характеристика гидрографической сети. В отличие от Риттера, Гумбольдта и др., принимавших оз. Иссык-Куль за исток р. Чу, Нифантьев совершенно определенно и правильно указывает, что Чу «составляется» из рр. Кочкор и Каракуджур. Но, следуя традиционным заблуждениям своих предшественников, он, между прочим, замечает, что р. Чу «принимает в себя с правой стороны небольшую речку, вытекающую из озера Иссык-Куль и называемую Кутемалды»[1], хотя на карте «Дикокаменной орды» значится обратное (см. ниже).

«Течение Чу,— читаем в «Сведениях»,— в вершинах очень быстрое, берега и русло каменисты; ниже она изливается по песчаной долине, и имеет воду всегда мутную. Из рыб водятся в ней: сомы, сазаны, судаки и другие»[2]. Длина реки оценивается в 900 км, что ближе к истине чем в более ранних известиях.

Правильно определены также истоки рр. Талас, Сыр-Дарья и Нарын. Первый, по данным Нифантьева, начинается с тремя притоками, называемыми Уч-Кош-Сай (Уч-Кошой), последний — Тарагаем, вытекающим из «Киргизнын-Ала-Тау, недалеко от Иссык-Куля». Длина Нарына, согласно «Сведениям», около 500 км.

До середины XIX века почти на всех русских и западноевропейских картах началом Сыр-Дарьи обычно изображали р. Гулишан (Кара-Дарья). Так даже на карте известного немецкого географа и картографа А. Петермана 1858 г.[3], а на карте Средней Азии, составленной Военно-Топографическим депо в 1863 г., р. Нарын принята за Сыр-Дарью[4]. Между тем, еще в конце 40-х годов Нифантьеву было известно, что Сыр-Дарья образуется из слияния Нарына и Гулишана (Кара-Дарьи). Таким образом, указание автора «Сведений» о действительных истоках Сыр-Дарьи было предано забвению.

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551, ч. II, л. 6.

[2] Там же, л. 7.

[3] Karte vom Russisch—Chinesischen Grenzgebiet am Balchasch-See und Issyk-Kul. „Petermanns Mitteilungen", 1858, IX. Gotha.

[4] Карта Средней Азии, составленная по новейшим сведениям и гравирована при Военно-Топографическом депо, 1863.

Из озер описан лишь Иссык-Куль. «Теплым оно названо потому, что никогда не замерзает». Окружность его доходит до 480, длина превышает 200, а наибольшая ширина 80 км. Озеро «изобилует рыбою, окружено весьма плодородною местностью, орошаемою множеством речек[1], поросших лесами и кустарниками». Вода в озере горькая. Глубину его автор считает значительной.

Нифантьев указывает о подверженности Прииссыккулья землетрясениям, но ничего не сообщает о вулканических явлениях ни в Иссык-Кульской котловине, ни в Тянь-Шане в целом. Он также не связывает наличие здесь термальных источников с вулканическими процессами, как это делает Гумбольдт.

В характеристике «Естественных произведений» Киргизии автор «Сведений» весьма краток: еловые леса развиты в Кунгей Ала-Тоо и Терской Ала-Тоо, фруктовые деревья (яблони, абрикосы и др.) и кустарники в различных горах. Касаясь животного мира, он правильно перечисляет типичные для высокогорного Тянь-Шаня виды копытных, но не указывает на их географическое (вертикальное и горизонтальное) распространение.

Об ископаемых богатствах страны Нифантьев также не имел ясного понятия и поэтому ограничился неопределенными указаниями о возможности нахождения в недрах золота, свинца и драгоценных камней. Более достоверны известия о месторождениях каменной соли.

Таково краткое содержание «Сведений о дикокаменных киргизах» Нифантьева. Наличие довольно большого фактического материала в обзоре, умение выделить и обобщить важнейшие черты природной среды края, последовательность изложения и общая конструкция работы свидетельствуют о значительных географических познаниях и широком кругозоре автора.

«Сведения» явились не только первой специальной работой о природных условиях и экономике Киргизии, но и своеобразным итогом расспросных сведений о стране вообще за весь предшествующий период.

«Карта Дикокаменной орды и смежных с ней владений (1849)» Нифантьева, значительно беднее его географического очерка. В ней изображены лишь отдельные

---

[1] Максимальная длина этих рек, по Нифантьеву, от 75 до 96 км.

объекты гидрографической сети страны (Верхний Чу, Верхний Нарын, правые притоки Сары-Джаза: Сарычат и Куйлю и др.), которые отличаются большим сходством контуров.

Доминирующее положение на карте занимает озеро Иссык-Куль, ориентированное с северо-востока на юго-запад в виде перевернутой чаши. Береговая линия очерчена с большой подробностью. Четко выделены полуострова Сухой Хребет и Кара-Булун и образуемые ими заливы, а также более мелкие. Из притоков озера обозначены только Тюп и Кутемалдинка, причем последняя не связана с р. Чу. Вблизи истока Кутемалдинки начинается другая, безымянная речка, которая течет в противоположном направлении и впадает в Чу. Здесь явное противоречие между изображением Кутемалдинки на карте и описанием в очерке.

Содержание карты далеко не отвечает ее названию. Большая часть территории «Дикокаменной орды» (Киргизстана) ничем не заполнена, оставлена «белым пятном». Географического размещения киргизских племен также не дано. Вероятно, эти обстоятельства послужили причиной того, что карта стала более известной как карта озера Иссык-Куля.

«Карта Дикокаменной орды» не имела градусной сетки. Поэтому Русское Географическое общество поручило действительному члену Общества известному русскому географу и картографу Я. В. Ханыкову доработать ее. В 1851 году Ханыков изготовил в масштабе 50 верст в дюйме изображение пространства между 40°—48° с. ш. и 86°—102° в. д. от Ферро и доложил об этом на общем собрании РГО 23 января 1851 г.

«Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран» Я. Ханыкова была лучшим, наиболее подробным картографическим изображением Северной и Центральной Киргизии до географических карт конца 50-х и 60-х годов XIX века, основанных на топографических съемках. Карта Ханыкова, как лучшая карта того времени, использовалась многими авторами как в Европе, так и в России при составлении карт Средней Азии, Туркестана, Кокандского ханства и Джунгарии.

Самой положительной стороной карты Ханыкова является довольно удачное изображение орографической и

гидрографической сети страны. На прежних картах рельеф обычно передавался примитивно, в виде нескольких хребтов, вытянутых широтно, либо простирающихся в разных направлениях и получалась ложная картина строения поверхности Киргизии. На рассматриваемой карте этот недостаток в основном преодолен. Очертания орографических элементов даны отчетливо и выразительно. Область Внутреннего и Северного Тянь-Шаня заполнена мощными цепями хребтов с многочисленными отрогами, где преобладают хребты широтного простирания. Сравнительно лучше, ближе к истине изображены хребты, окружающие оз. Иссык-Куль, Кочкорскую котловину и Верхний Талас, горы Чу-Илийского водораздела. Озеро Иссык-Куль и ряд других объектов гидросети очерчены согласно карты Нифантьева.

Подобно многим картам того времени карта Ханыкова также страдает рядом недостатков. Из-за отсутствия точно определенных астрономических пунктов все изображаемое на карте пространство отодвинуто к северу (в пределах от 30′ до 1°) и сжато по долготе. Вследствие этого вкрались значительные ошибки в географические координаты точек. Серьезные недочеты имеются в изображении орогидрографических элементов Нарынского бассейна.

До сих пор, согласно М. И. Венюкову[1], принято считать, что карта озера Иссык-Куль Ханыкова является копией Нифантьевского чертежа. Однако сопоставление и анализ их показывает, что подобное утверждение справедливо лишь для географических объектов Балхашского бассейна, а также для примерно 2-х десятков объектов территории Киргизии. Что касается особенностей строения поверхности и сложных орогидрографических контуров Тянь-Шаня, то они Ханыковым изображены и приведены к градусной сетке независимо от Нифантьевского чертежа путем использования различных источников. Заимствование же некоторых объектов с упомянутого чертежа не должно умалять достоинств интересного произведения и заслугу Я. Ханыкова в картировании территории Киргизстана.

---

[1] «Военный сборник», 1877, № 7, стр. 76.

* * *

Анализ фактического материала показывает, что русские еще до присоединения Киргизии к России располагали значительными данными о природе края, накопленными не только расспросным путем, но и путем непосредственных наблюдений путешественников—послов, военных чиновников, торговцев и др.

Природа Средней Азии, особенно Небесных гор, издавна привлекала внимание русской научной мысли. Известные русские исследователи Г. Миллер, П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. И. Исленьев, Пл. Чихачев, Я. В. Ханыков и другие своими научными трудами способствовали расширению знаний о нашем крае. Еще раньше великий М. В. Ломоносов в своем классическом труде «О слоях земных» (1763) высказал интересные идеи по географии Средней и Центральной Азии.

В XVII и первой половине XVIII вв. географические сведения, касающиеся природных условий Киргизии, остаются немногочисленными и носят преимущественно номенклатурный характер (перечень орогидрографических объектов). Однако уже с 60-х гг. XVIII в. происходит количественное и качественное изменение самих представлений.

Появляются указания о растительном покрове, животном мире (Лещев, Зибберштейн), ледниках (Бубеннов), характеристики отдельных географических объектов (Поспелов и Бурнашев, Лещев, Зибберштейн, Потанин) и, наконец, комплексное физико-географическое описание всей страны в целом (Нифантьев). Хотя эти источники неравноценны и страдают существенными недостатками, тем не менее в них содержатся достоверные сведения о природных условиях края.

В географической литературе рассматриваемого периода можно найти не только многочисленные фактические данные, но и интересные обобщения. Характерно и то, что в русской географии не получили развития ошибочные концепции Гумбольдта о вулканизме Тянь-Шаня и о существовании некоего меридионального горного сооружения Болор, широко распространенные в свое время на Западе.

Русские сравнительно лучше знали Северную Киргизию, особенно территории прилегающие к трактам

караванных сообщений, чем Внутренний Тянь-Шань, а о Южной Киргизии располагали крайне отрывочными и случайными сведениями. Поэтому на тогдашних картах эта часть страны зачастую изображалась наугад или на основе устаревших китайских данных. Из элементов природной среды больше всего данных имелось об орографическом строении и гидрографической сети страны.

В картировании территории страны русские исследователи к середине прошлого столетия значительно опередили достижения западноевропейских авторов. Карты р. Иртыша И. И. Исленьева (1777) и оз. Иссык-Куль Я. В. Ханыкова (1851) представляли собой лучшие образцы картографического изображения края до появления картографических трудов, основанных на топографических съемках. Даже такие выдающиеся творения своего времени, как калмыцкая карта Джунгарии (первая половина XVIII в.) и карта Центральной Азии Клапрота (1836), несколько уступают им.

Изложенные материалы в достаточной мере показывают несостоятельность того распространенного мнения, что до путешествий П. П. Семенова русская география не располагала сколько-нибудь существенными сведениями о природе Тянь-Шаня. Бесспорно, что познания эти в силу известных общественно-исторических условий не были достаточно обширными, но давали в целом правдивое представление о природе Киргизии.

ПРИРОДА КИРГИЗИИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ XVIII и ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.

Со времени господства кочевых империй в Западном Китае и в Семиречьи китайцы по существу отошли от географического изучения Киргизии. Новый период исследований наметился с начала XVIII в., когда цинское правительство настойчиво добивалось восстановления былого господства Империи над Восточным Туркестаном. С этой целью в 10-х гг. XVIII в. китайцы предприняли ряд военных походов против джунгар (калмыков), которые хотя и закончились безуспешно, но дали возможность значительно расширить географические знания о Синьцзяне и Тянь-Шане. Собранные в то время сведения вошли во «Всеобщую географию Цинской империи» («Дайцин-итун-чжи»), первое издание которой помечено

1743 г. В Европе новыми данными удачно воспользовался французский картограф д'Анвилль, составивший атлас Китайской империи[1].

В середине XVIII в. китайцам, наконец, удалось покорить калмыков и восстановить свою власть над Джунгарией (1758) и Кашгарией (1759). Тогда же были приняты меры для географического описания и картирования вновь приобретенного края: производились топографические съемки и астрономические определения. Последними занимались члены Астрономического Приказа в Пекине иезуиты Галлерштейн, д'Ароха, д'Эспинья, при участии китайских специалистов. Ими было определено географическое положение ряда пунктов, в т. ч. в пределах Киргизии:

Устье р. Конур-Олен (Ак-Терек)	42°17′ с. ш.	78°42′ в. д.
г. Ош	40°19′ с. ш.	74 32′ в. д.

В китайских источниках[2] приводятся координаты также следующих пунктов:

Уроч. Эдемек	42°10′	с. ш.	76°28′	в. д.
На р. Чу	43 3	„	75 08	„
На р. Талас	42 30	„	73 58	„
Темурту-Нор (оз. Иссык-Куль)	42 50	„	77 02	„
Тарас (Талас, Джамбул)	43 50	„	72 22	„
Исток р. Аксай (басс. р. Кокшаал)	40 50	„	75 30	„
Исток р. Хумалакэ (Сары-Джаз)	40 30	„	77 20	„

Приведенные координаты отличаются от действительных из-за неточностей определений миссионеров. «Широты иезуитов,— писал М. В. Певцов,— немногим разнятся от полученных в новейшее время и потом почти всегда превышают последние; но долготы их ненадежны и относят пункты большей частью далеко к востоку от их истинных мест»[3]. Несмотря на эти пороки, съемки иезуитов дали математическую основу для картирования Средней и Центральной Азии и служили необходимыми ориентирами для картографов до аналогичных работ русских во второй половине XIX в.

---

[1] J. B. d'Anville. Nouvel ateas de la Chine, 1737.

[2] «Циньдин-Хуанюй-Сиюй-тучжи» (1782), «Дайцин-Хойдянь» (1818), «Сиюй-шуйдао-цзи» (1823). Долготы от Гринвича. В источниках же они даются от Ферро, Парижа и Пекина.

[3] М. В. Певцов. Очерки путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая. Омск, 1883, стр. 351.

Большое значение, наряду с астрономическими определениями, имеют географические описания Новой Границы (Синьцзана) и карты Китайской империи, созданные на основе новейших изысканий. Ряд работ[1], опубликованных во второй половине XVIII в. и в первой четверти XIX в., свидетельствуют о том, что китайцы достаточно хорошо знали природные условия Киргизстана, особенно его орографию и гидрографию.

По «Циньдин-Сиюй-тунвэнь-чжи» (1763)[2] Тянь-Шаньские горы самые большие горы в западных пределах Китая. Разветвляясь от Цунлина, они направляются на восток. Протяженность Тянь-Шаня (с запада на восток) равна 5 тыс. ли (около 2,5 тыс. км). Сун Юнь, автор географического труда «Циньдин-Синьцзян-шилё» (1821), горную систему Тянь-Шань рассматривает как часть Цунлина, состоящего из множества альпийских хребтов. Важнейшим их узлом выступает северное плато Цунлина—Ледяная гора (Линшань) или Мусур-Даван, соответствующий массиву Хан-Тенгри и западной части хребта Халык-Тау. Отсюда Цуплин распадается на две ветви: северную (Санташскую) и южную (Кокшаалскую)[3].

Кокшаалская ветвь состоит из хребтов постепенно переходящих друг в друга и простирающихся на юго-запад. Это — Какшан-Шань или собственно Кокшаал-Тоо, Арагу-Шань (Кабка) и Гипшап-Шань или Кыпчак-Тоо. Последний должен соответствовать так называемой Алайской системе хребтов, а Арагу-Шань — горному району между Алаем и Кокшаал-Тоо или Терек-Тагу

---

[1] «Дайцин-итун-чжи» («Всеобщая география Цинской империи»), первое издание 1743 г.; «Циньдин-Сиюй-тунвэнь-чжи». («Высочайше утвержденный одноименный словарь для Западного края»), 1763; Чун Юань. Сиюй-вэньцзянь-лу («Описание виденного и слышанного о Западном крае»), 1777; «Циньдин-Хуанюй-Сиюй-тучжи» или «Сиюй-тучжи» («Высочайше утвержденное географическое описание Западного края с картами»), 1782; Сун Юнь. Циньдин-Синьцзян-шилё («Высочайшее утвержденное краткое описание Новой Границы»), 1821; Сюй Сун. Сиюй-шуйдао-цзи («Описание вод в Западном крае»), 1823.

[2] St. Julien. Eclaircissements sur la Chaine du Thian-chan, d'apres les textes Chinois. В кн.: A. Humboldt. Asie centrale, Vol. II, Paris, 1843, стр. 338, 339.

[3] St. Julien.Notices sur les pays et les peuples e'trangers, tiées des geographes et des historiens chinois. «Journal Asiatique», Vol. VIII, S. IV, 1846, стр. 249, 421.

авторов XVIII в. Далее в «Циньдин-Синьцзян-шилё», как и в других источниках, подробно перечислены горы, долины, ущелья и реки всей Тянь-Шаньской системы, при этом особое внимание уделено описанию массива Хан-

Рис. 15. Долина р. Барскон в хр. Терскей Ала-Тоо. По этой долине с одноименным перевалом еще с глубокой древности проходили караванные пути.

Фото автора.

Тенгри или Муз-Тоо (Мустаг Г. Миллера и других русских и западноевропейских авторов). Китайцы называли его Мусур-Даваном.

Хребет Мусур-Даван или Ледяные горы, по Сюй Суну, простираются на запад на 300 ли и доходят до гор Савабци в системе Кокшаал-Тоо[1]. Горный проход (Музартский), расположенный здесь, имеет 100 ли в длину. Он образован,—указывает Сун Юнь,—из глыб льда, нагроможденных огромными скалами. Иногда лед тает и тогда можно видеть бездонные пропасти; чтобы взобраться в гору вынуждены делать на льду ступеньки и бесконечно переноситься с места на место; высота ступенек меняется в зависимости от местности; зимою

[1] Сюй Сун. Сиюй-шуйдао-цзи. См. «Записки РГО по отделению этнографии», т. VI, 1880, стр. 134.

и летом видны там только груды снега, но не встречаются ни птицы, ни растения, ни деревья[1].

Исследователь Западного края путешественник Сюй Сун, прошедший через этот перевал в 1816 году, также свидетельствует о широком развитии ледников в этом районе. Лед, по его описанию, имеет три цвета: зеленоватый с красным отливом, белый, подобный хрусталю, и белый, как раковина (молочный цвет). Восхождение на Музарт он описывает следующим образом: «Солнце только что восходило; мы стали подниматься на гору гуськом, винтообразно; ветер дул навстречу; песок бил прямо в лицо; холод проникал до мяса и костей; запрещено было говорить. Лед представлял трещины, которые простирались на фут; они были закладены лошадиными костями, которые как-бы образовали мост. Поднявшись на вершину, через несколько ли стали переправляться через снежное море, которое имело в окружности 3 или 4 ли. Опасная и узкая тропа, как нить, окаймляла море и прекращалась посредине»[2].

Такова природа Мусур-Давана или Музартского района Тянь-Шаня по китайским данным. Труды русских путешественников (В. А. Полторацкий, 1869; А. В. Каульбарс, 1871, 1875; А. Шепелев, 1872; Л. Ф. Костенко, 1872; И. В. Игнатьев, 1887), прошедших по Музартскому перевалу во II-й половине XIX в., подтвердили правдивость этих китайских описаний.

Переходя к системе хребта Кокшаал-Тоо, Сюй Сун делит его на две части: восточную и западную (юго-западную). Первую он называет Кунгулук, вторую — Савабци. Горы Кунгулук беспрерывно тянутся на 200 ли и состоят из десятка гор[3]. «Все отроги гор Какэ-Шань

---

1 «Циньдин-Синьцзян-шилё», См. ««Journal Asiatique», Vol. VIII, S. IV, Paris, 1846, стр. 248.

2 Извлечения из «Сиюй-шуйдао-цзи». «Записки РГО по отделен. этнографии», т. VI, 1880, стр. 135.

3 По Сун Юнь («Циньдин-Синьцзян-шилё») их 15 («Journal Asiatique», Vol. VIII. S. IV, Paris, 1846, стр. 251). Изображение этих гор см. на русской карте Западной Монголии и Восточного Туркестана (без указания года, места издания и автора. Хранится в картогр. отделе ВГО), составленной, видимо, по китайским данным II половины XVIII в., а также на карте Н. Я. Бичурина («Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древн. времена», 1953).

(Кокшаал-Тоо.— С. У.), а также и Кунгулук, отличаются страшными крутизнами и высотой; горные потоки льются во всех направлениях; долины чрезвычайно узкие, так что по ним можно проезжать только верхом или гуськом»[1]. Кроме того, в верховьях р. Аксай указан хр. Ирци-Баши (Ат-Башинский?), почти параллельный к Кокшаал-Тоо. Для области Арагу-Шань или Кабка названы горы Кабка, Тоюн, Кунати и Чакмак, которые ныне известны как части гор Коктун.

Подробные сведения приведены также о бассейнах рр. Кызыл-Су, как Кашгарского, так и Аму-Дарьинского, перечислены географические объекты пути от Кашгара до Коканда. Сюй Сун знал о большой абсолютной высоте Алайской долины. Урочище Алай,— по его словам,— «лежит прямо на горных вершинах» и принадлежит бурутам (киргизам). И далее: «На ю.-в. от урочища А-лай находятся горы Кабка, называемые также Хэсэлэ-Шань (Красные горы или Кызыл-Таг)... Горы (Кызыл-Таг) — красного цвета и безлесны; только на некоторых из вершин растет короткая и сухая трава. Постоянно дует холодный ветер, который пронзает человека»[2].

Сюй Сун совершенно верно характеризует природу, сухостепные ландшафты северо-восточных отрогов Заалайского хребта. По свидетельству известного русского исследователя Памиро-Алая И. В. Мушкетова (1879)[3], в бассейне Кашгарского Кызыл-Су развиты мощные толщи красноцветных третических песчаников и конгломератов, дающие основание назвать эти горы Кызыл-Тоо или Кызыл-Таг («Красные горы»).

Северная или Санташская ветвь Цунлина также отходит от массива Ледяных гор (Мусур-Даван). Сперва от Хан-Тенгри отделяется Табарсун-Даба[4], которая направляется на северо-запад и доходит до гор Мэрген-Сили-Ола. Последние примыкают к северному берегу

---

[1] Сюй Сун. Цитировано по извлечению из «Сиюй-шуйдао-цзи». «Записки РГО по отделению этнографии, т. VI, 1880, стр. 126.

[2] Там же, стр. 103.

[3] «Записки РГО по общей географии», т. XXXIX, в. 1, 1910, стр. 390.

[4] По «Дайцин-итун-чжи», «Journal Asiatique», Vol. VIII, S. IV, стр. 415.

Тускуля (Иссык-Куль) и здесь разветвляются: одна из ветвей идет на северо-запад в виде Иргайту-Ола и Кюмуш-Ола[1]. К северу от Мэрген-Сили-Ола располагается Агуй-Ола. Как справедливо замечает Н. А. Аристов[2], Табарсун-Ола должна соответствовать горной группе, расположенной в верховьях рр. Текес, Каркара и Тюп, Мэрген-Сили-Ола—Кунгей Ала-Тоо[3], Агуй-Ола—Заилийскому Алатау, Иргайту-Ола и Кюмуш-Ола—горам Чу-Илийского водораздела.

Кроме того, по «Дайцин-итун-чжи», к западу от города Или (Кульджа), находятся горы Кондулай-Ола, Кубакай-Ола, Укэк-Даба, Эдемек-Даба, Карабура-Даба, Кара-Булак-Даба, Наньшань. «Циньдин-Синьцзян-шилё» для юго-запада от Или называет Бирбаш-Шань, Баян-Джуукун-Шань и Санташ-Даван[4]. Согласно этим же источникам перечисленные горы размещаются следующим образом.

Горы Бирбаш-Шань и Баян-Джуукун-Шань располагались в одинаковом расстоянии (400 ли) от Или (Кульджа). Если исходить из сходства названий объектов, то эти горы следовало бы искать в бассейне оз. Иссык-Куль и сопоставлять с невысокой горой Бёрю-Баш на восточном берегу озера и той частью хребта Терскей Ала-Тоо, где протекает р. Джууку. Однако расстояние в 400 ли (200 км) явно недостаточно для отождествления объектов, названных в китайском источнике с современными. К тому же иссык-кульский Бёрю-Баш, представляющий по-существу незначительную возвышенность, вряд ли мог в то время иметь существенное орографическое значение. По-видимому, оба эти объекта лежали вне пределов Киргизии. Санташ-Даван в 800 ли от Кульджи и граничащий с Темурту-Нором (оз. Иссык-Куль) должен соответствовать хребту Кызыл-Кыя с Тасминской грядой, хотя действительное расстояние меж-

---

[1] По «Дайцин-итун-чжи», «Journal Asiatique», Vol. VIII, S. IV, стр. 411. О горе Кюмуш-Ола или Кюмишлы см. карту И. Исленьева (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20244, д. 24156), а также карту Средней Азии, 1816 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20646, д. 20647).

[2] ВГО, Учен. архив, р. 65, оп. I, № 11, стр. 483.

[3] На карте окрестностей озера Иссык-Куль (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20320. Рукопись), составленной, очевидно, по китайским данным (1859), восточная часть хр. Кунгей Ала-Тоо названа Мэрген-Ширн.

[4] «Journal Asiatique», Vol. VIII, S. IV, 1846, стр. 421.

ду хр. Кызыл-Кыя и Кульджой меньше, чем это указано Сун Юнем.

Географическое положение остальных гор можно установить лишь по косвенным данным, главным образом, по местоположению истоков и направлении рек. Так, хребтом Кубакай-Ола[1], от которого начинаются левые притоки р. Чу, может быть, конечно, Киргизский Ала-Тоо. Кроме того, река Чу к западу от Тускуля пересекает Кондулай-Ола[2]. Это—западная часть Кунгей Ала-Тоо или хр. Тору-Айгыр (Кёк-Мойнок).

Эдемек-Даба находится на севере Небесных гор и дает начало р. Талас. Таким хребтом является Таласский, а в данном случае его восточная часть, так как западная часть, также по «Дайцин-итун-чжи», названа Карабура-Даба (очевидно, по одноименной реке). О местоположении Эдемек-Даба можно судить и по координатам ур. Эдемек, приводимым «Циньдин-Хуанюй-Сиюй-тучжи» (1782). Широта его по этому источнику равна 42°10′ с. ш., долгота — 76°28′ в. д. Об Эдемек-Даба, между прочим, еще сказано: «Описав *несколько зигзагов* (курсив наш.—С. У.) эта гора как бы соединяется с теми горами, которые возвышаются к югу от озера Тускуль»[3]. Судя по этой приписке можно допустить, что под Эдемек-Даба подразумевается не только Таласский Ала-Тоо, но и хребты Сусамыр-Тоо, Джумгал-Тоо и горы Кара-Кокту, зигзагообразно протягивающиеся от Таласского хребта до Терской Ала-Тоо. Кстати, здесь же заметим, что самая западная часть Терской Ала-Тоо в то время (во II половине XVIII в.), как и ныне, называлась Укэк-Даба[4].

Гора Наньшань находится в 200 ли к западу от р. Талас и со средней части её начинается р. Арша-Гол, текущая на восток, а затем на север. Если верить этому сообщению, то Наньшань соответствует горам Бороддай, а Арша-Гол—р. Терс.

---

[1] «Journal Asiatique», Vol. VIII, S. IV, 1846, стр. 433. Так и на карте А. Гумбольдта. См. его: Asie centrale, Paris, 1843.

[2] «Journal Asiatique», т. VIII, стр. 432. Сравни: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20320, Рукопись.

[3] «Journal Asiatique», Vol. VIII, S. IV, 1846, стр. 415.

[4] На карте окрестностей озера Иссык-Куль (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20320, Рукопись.) под Укэк-Даба значится вся западная часть Терской Ала-Тоо.

Таковы орографические контуры Тянь-Шаня и Алая по данным китайской географии второй половины XVIII в. и первой четверти XIX в.

Теперь перейдем к рассмотрению сведений о гидрографической сети края, которая, в китайской географической литературе о Западном крае, представлена гораздо лучше, значительно подробнее, чем орографические объекты. Это, прежде всего, относится к бассейнам оз. Иссык-Куль, рр. Чу, Талас и ряда рек системы Тарим. «Дайцин-итун-чжи» и «Сиюй-шуйдао-цзи» не ограничиваются перечислением объектов и приводят данные об истоках, длине и направлении рек, размерах озер, о расстоянии между ними, а также о гидрографической связи рек и речных систем. Наиболее полно охарактеризовано оз. Иссык-Куль, названное то Тускулем (Соленое озеро), то Темурту-Нором (Железистое озеро).

Оз. Тускуль, согласно «Дайцин-итун-чжи», лежит в 300 ли к западу от г. Или (Кульджи). Протяженность его с востока к западу 400, а с севера к югу 200 ли. Со всех сторон оно принимает множество речек и ручейков. Их по крайней мере сотня. Это широкое и глубокое озеро, но получая столько притоков не увеличивается и не уменьшается в течение всего года. Это самое большое озеро Западных границ[1].

Сун Юнь оз. Иссык-Куль называет Темурту-Нором и располагает на расстоянии около 400 ли к юго-западу от г. Кульджи. Общая длина (вероятно окружность) озера около 600 ли. С запада, севера и юга оно окружено горами. И далее: «Песок, собираемый вдоль его (Темурту-Нора.— С. У.) берегов, при сильном накаливании дает железо... Название Темурту выражает, что вода озера производит железо»[2].

В обоих источниках подробно перечислены притоки озера. По «Циньдин-Синьцзян-шилё» в Темурту-Нор впадает 33 реки, из них 17 с юго-востока и 16 с севера. В «Дайцин-итун-чжи» названо 28 притоков озера и дальше оговорено, что в это число не входят речки, длина которых не превышает 30, 40, 60 или 70 ли[3].

---

1 «Journal Asiatique», т. VIII, стр. 439—440.
2 ВГО. Учен. архив, р. 65, оп. 1, № 11, стр. 490 (Рукопись).
3 «Journal Asiatique» Vol. VIII, S. IV, стр. 440.

Вот наиболее значительные притоки Тускуля (по «Дайцин-итун-чжи»): реки, впадающие в озеро с севера: Каранохай-Булак (?), Шатату-Булак (Шаты), Курмету-Булак (Курменты), Ятумек-Булак (?), Джака-Бакату-Булак (?), Харчахан-Усу (Чон-Ак-Су?), Гурбан-Сари-Булак (Три Койсу около Чон-Сарыой?), Гурбан-кэ-Булак (?).

Реки, впадающие в озеро с востока: Шибартай-Кара-Булак (?), Тебук-Булак (Тюп), Дзиргалан-Булак (Джиргалан). Есть еще Тургенча-Булак (Турген-Ак-Су) и Гурбан-Чакис-Булак (три Джергеса), которые соединяются на северо-западе с Джиргалан-Булаком и вместе впадают в Тускуль.

Реки, впадающие в озеро с юга: Аршату-Булак (Ак-Су), Кара-Гол (Каракол), Етикус-Булак (Джеты-Огуз), Ике-Улан-Булак (две Кызыл-Су), Джаока-Булак (Джууку), Гурбан-Яркатзин-Булак (три Джаргильчака), Баркон Тамка-Булак (Барскон и Тамга ошибочно слиты вместе), Тосор-Булак (Тосор), Тунг-Булак (Тон), Ак-Булак (Ак-Сай), Сэ-Булак (Тогуз-Булак?), Конгор-Елонг-Булак (Конур-Олен в Иссык-Куль впадает под названием Ак-Терек), Убуши-Булак (Турасу?), Аола-Булак (?).

Среди притоков озера наибольшим считался Джиргалан, который в действительности уступает Тюпу по длине.

Кочкор и Джуванарык (в тексте Юл-Арик-Булак) ошибочно приняты за северо-западные притоки Иссык-Куля. В то же время «Дайцин-итун-чжи» утверждает, что озеро в северо-западном берегу выступает из берегов и выделяет от себя поток, который изливается в Или (?!). Это и есть, очевидно, р. Чу, которая, по тому же источнику, вытекает из северо-западной части оз. Тускуль, но не изливается с р. Или, а впадает в озеро Коши-Куль.

О природе других крупных озер Тянь-Шаня — Сон-Куле и Чатыр-Куле китайцы знали меньше, чем об Иссык-Куле. Им были приблизительно известны их местоположения и размеры, а также некоторые другие особенности. Озеро Сон-Куль они изображали значительно западнее, чем в действительности. Оз. Чатыр-Куль у китайских географов фигурирует под названием Сенгер-

Нора[1]. О нем в «Дайцин-итун-чжи» сказано, что это небольшое бессточное озеро в 50 ли в окружности, расположено к югу от гор Эдемек-Даба[2]. На карте оз. Иссык-Куля Я. В. Ханыкова (1851)[3], Сенгер-Нор, согласно китайским данным, помещен к югу от р. Нарын под 41° с. ш. и 75° в. д. Приведенные координаты Сенгер-Куля не совпадают с действительным местоположением Чатыр-Куля и относят его на 45—50 км к северо-западу.

О реке и стране Чу. В «Дайцин-итун-чжи» о них дано следующее описание. Река Чу вытекает из северо-западной части Тускуля (Иссык-Куля); протекая 200 ли она пересекает Кондулай-Ола (Кунгей Ала-Тоо) и затем течет в том же направлении на протяжении 1000 ли. Эта самая большая река северо-западных границ от Или. Невозможно счесть всех притоков, впадающих в нее с запада (т. е. левых притоков). Все они берут свое начало от Кубакай-Ола (Киргизский Ала-Тоо). Каждый из них течет 100 или 200 ли и впадает в Чу, которая в свою очередь впадает на северо-западе в озеро Коши-Куль[4].

Страна при реке Чу (Чуйская долина) лежит к северо-западу от оз. Тускуль (Иссык-Куль), простирается на 500 ли и обильно орошена; она обладает прекрасными лугами и удобна для пастьбы скота. Страна Чу на севере за горами Иргайты-Ола (т. е. за горами Чу-Илийского водораздела) граничит с казахскими владениями.

Из притоков р. Чу перечислены, главным образом, те, которые берут свое начало в горах Киргизского Ала-Тоо, а именно (с востока к западу)[5]: Салату (Джиль-Арык (?); страна при реке между гор названа Салкиту), Улан-Усу (Кызыл-Су); Шамси указана как страна, а не река; Гегету-Гол (р. Кегети; страна при реке названа Гегету-Бурана), Ашиту-Гол (Иссык-Ата), Дабусуту-Гол (Норус). Арчату-Гол имеет 2 истока, которые самостоятельно текут на север 70 ли, а потом соединяются и че-

---

[1] Оз. Чатыр-Куль под нынешним названием стало известно в литературе с начала 30-х гг. XIX в. (см. A. Humboldt Fragmens de Geologie et Climatologie Asiatiques, Vol. II, Paris. 1831, стр. 249).

[2] «Journal Asiatique», Vol. VIII, S. IV, стр. 441.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 416, д. 458. Рукопись.

[4] «Journal Asiatique», Vol. VIII, S. IV, стр. 433.

[5] Там же, стр. 401—402, 433—436.

рез 50 ли впадает в р. Чу. Это р. Аламедин с Ала-Арчой. Далее: Илан-Баши-Гол (р. Джиламыш, она не доходит до р. Чу), Кукесар-Гол (?), Соголук (Сокулук), Чаган-Усу-Гол (Ак-Су), Карабалту-Гол (Кара-Балты), Гурбан-Ханату-Гол (Три Каинды), Ашибурур-Гол (Ашпара), Мерген-Гол (Мерке). При этом «Дайцин-итун-чжи» указывает, что Гурбан-Ханату-Гол (Каинды) и Ашибурур-Гол (Ашпара) впадают в Мерген-Гол (Мерке). Отсюда можно предположить, что под Мерген-Голом подразумевается не только р. Мерке, но Курагаты[1].

О реке и стране Талас[2].Как уже отмечено выше, р. Талас начинается от Эдемек-Даба на севере Небесных гор и разделяется на 4 ветви, которые через 30 ли соединяются и текут на север. Имеет 10 притоков, впадающих с востока и запада. Там, где эти ветви соединяются, образуется большой поток 200 ли протяжения. Это и есть Талас-Гол. Верхнее течение Талас-Гола называется Умо-Малар-Гол (Ур-Марал или Уюрлю-Марал). После того как он сделает 300 ли на запад, его называет еще Чалакия-Гол (?). Затем делает поворот и течет 200 ли на север и образует небольшое море 300 ли в окружности. Его тоже называют Талас-Гол.

Из притоков Таласа указаны Эдемек-Гол, Гурбан-Джергэ, Кара-Гол, Кюмюш-Гол, Карабура и Арша-Гол. По карте М. Ж. Клапрота, Гурбан-Джергэ соответствует Учкош-Саю (Учкошою), а Эдемек служит одним из её притоков. Истоки Кара-Гол лежат в западной части Кубакай-Ола (Киргизский Ала-Тоо), что несомненно нынешний Каракол, один из истоков р. Талас. Кюмюш-Гол и Карабура-Гол начинаются с одноименных гор. Это — реки, известные ныне под теми же названиями. Об Арше-Голе мы уже касались выше. Упомянуто еще о Мин-Булаке или «Тысяче источников», которые выходят к северу от гор Карабура-Даба (Таласский хр.).

Р. Нарын, по «Дайцин-итун-чжи[3], начинается с се-

[1] На карте М. Ж. Клапрота (Carte de l'Asie centrale, Paris, 1836) рр. Кукесар, Сокулук, Ак-Су и Кара-Балты ошибочно показаны впадающими в Курагаты.

[2] «Journal Asiatique», Vol. VIII, S. IV, стр. 403, 436—438.

[3] M. J. Klaproth. Notices geographiques et historiques sur Khokand, Andudjan, Marghilan, Namanghan, Tachkand, Badakhchan et autres pays voisins. «Magasin Asiatique», Octovre, Paris, 1825, стр. 84.

веро-западной части Цунлина и протягивается на 1000 ли. Берега реки населены и культивированы. Она принимает множество притоков, которые увеличивают её и в то же время распадается на ветви. Впадает в оз. Дариган (Далиган!)—Аральское море. Выходит, что под Нарыном китайцы понимали не столько р. Нарын, сколько Сыр-Дарью.

Реки Таримского бассейна. Из рек Таримского бассейна нас интересуют те, которые лежат в пределах современной Киргизии, в частности рр. Верхний Кызыл-Су, Кокшаал, Сары-Джаз. В бассейне Кашгарского Кызыл-Су, кроме собственного Кызыл-Су, упомянута р. Кёк-Су. Подробно перечислены системы Кокшаала и Сары-Джаза, причем приведены координаты их истоков. Так, по Сюй Сун («Сиюй-шуйдао-цзи»), исток западной ветви р. Ак-Су (т. е. р. Кокшаал) находится под 40°50′ с. ш. и 75°30′ в. д., исток восточной ветви (т. е. р. Сары-Джаз)— под 40°30′ с. ш. и 77°20′ в. д. Западная ветвь (р. Кокшаал) выходит из гор Какэ-Шань (Кокшаал-Тоо), а восточная (р. Сары-Джаз) из гор Чукэдар и называется Хумалакэ.

Китайская картография XVIII и первой половины XIX в. мало что добавляет к данным, приведенным выше. Карты этого периода по своему содержанию уступают географическим описаниям края. Таковы, например, карты Средней Азии и Синьцзяна Чунь Юаня 1777 г., Китайского Туркестана 1782 г. На карте Китайского Туркестана 1782 г. (рис. 16)[1] орогидрографические элементы Киргизии изображены беднее и менее удачно, чем на более ранних картах. Из рек страны здесь нанесены Чу, Талас и Нарын, причем под Нарыном подразумевается Сыр-Дарья. Истоки ее показаны в горах, которые по своим очертаниям соответствуют Ферганскому хребту. Реки Чу и Талас, оз. Иссык-Куль изображены приблизительно также, как и на карте времени династии Тан, но наделены большим числом деталей.

Упрощенно и бедно очерчены и орографические элементы Киргизии. Обширная и сложная система хребтов Тянь-Шаня по существу сведена к одной мощной цепи, протягивающейся с юго-запада на северо-восток и служащей водоразделом бассейна Тарима и речных систем

[1] Карта заимствована из кн. C. J. Huar. Recuel de documents sur l'Asie centrale, Paris, 1881.

Средней Азии. От неё ответвляются отроги, ориентированные на северо-запад и отделяющие друг от друга основные водные артерии края. Очертания этих второстепенных хребтов напоминают контуры Кунгей Ала-Тоо и Чу-Илийских гор, Ферганского и Алайского хребтов, хотя они и не названы на карте.

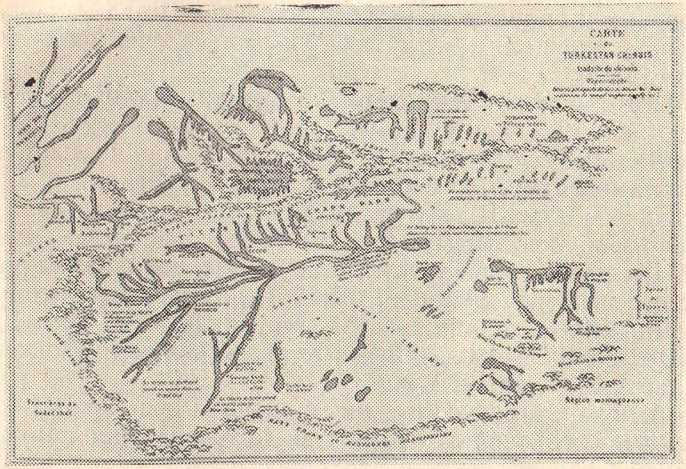

Рис. 16. Карта Китайского Туркестана 1782 г.

На другой специальной орографической карте Китайского Туркестана, опубликованной также в 1782 г.[1], из географических объектов Киргизии изображены хребты, соответствующие Кокшаал-Тоо, Терскей Ала-Тоо, восточным отрезкам Кунгей Ала-Тоо и Алайского хребта.

Китайские карты первой половины XIX в. также не дают более значительных сведений по географии края. По свидетельству Н. М. Щукиной, китайская картография этого периода в общем оставалась на уровне XVIII века[2].

На этом мы ограничим краткий обзор китайских гео-

[1] Карта приложена к кн. C. J. Huar. Recuel de documents sur l'Asie centrale, 1881.

[2] Н. М. Щукина. Как создавалась карта Центральной Азии. Географгиз, М., 1955, стр. 54. Об истории развития китайской картографии см. Чэнь Шу-пэн. История развития и современное состояние картографии в Китае. «Изв. АН СССР, сер. геогр.», в. 3, 1957, стр. 110—111; В. Е. Масиброда. Из истории китайской картографии. «Вопросы географии», сб. 42, 1958, стр. 178—188.

графических сведений о природе Киргизии. Они свидетельствуют о том, что китайцы в XVIII в. и первой половины XIX в. располагали обширными для того времени географическими сведениями, картографическими материалами и астрономическими определениями, чего нельзя сказать о западноевропейской науке. Китайцы имели, в целом, правдивое представление об орографическом строении и гидрографической сети Тянь-Шаня, довольно верно размещали на картах ряд географических объектов страны.

Некоторые районы (пер. Музарт, хр. Восточный Кокшаал-Тоо, бассейн р. Кызыл-Су и др.) китайским исследователям были известны с большой подробностью, а в отношении других, как, например, Внутренний и Юго-Западный Тянь-Шань, их знания были поверхностными и основывались преимущественно на расспросных данных.

Нередко допускались неправильные толкования природы отдельных районов. Так, например, мы находим упоминания о горящих горах («вулканах») в Тянь-Шане, о сточности оз. Иссык-Куль, о наличии сквозной Таласской долины и т. д.

Однако эти недочеты ни в коей мере не умаляют заслуги китайской географии в деле изучения природы горной Средней Азии, в особенности Тянь-Шаня.

В Западной Европе, отчасти в России, географические и картографические произведения, посвященные Средней Азии или Туркестану, как правило, базировались на китайские источники. Лучшее картографическое изображение Средней и Центральной Азии до середины XIX в.—карта Центральной Азии М. Ж. Клапрота[1]—почти целиком основывалась на китайских материалах. По свидетельству самого автора, карта эта была составлена по китайским картографическим произведениям, географическим описаниям и дорожникам, изданным начиная с середины XVIII в.

Такие крупные представители западноевропейской науки как К. Риттер и А. Гумбольдт в своих теоретических построениях и обобщениях по географии горных стран Средней и Центральной Азии также постоянно опирались на китайские сводки.

В России китайские известия Нового времени были

[1] M. J. Klaproth. Carte Asie centrale, Paris, 1836.

блестяще использованы русскими китаеведами Н. Я. Бичуриным и И. И. Захаровым. Первый из них в 1851 г. представил интересную карту «К истории народов, обитавших в Средней Азии в древние времена»[1], а второй — лучшую для того времени карту Тянь-Шаня и Джунгарии, изданную в 1858 г.[2]

ПРИРОДА КИРГИЗИИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГЕОГРАФОВ И КАРТОГРАФОВ XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.

Со времени великих географических открытий и вступления в капиталистический путь развития, господствующие силы Западной Европы были заняты завоеванием и колонизацией Нового Света, народов Африки, приморских стран Азии. Страны же Центральной, особенно Средней Азии, в этот период оставались в стороне от этой «цивилизующей» миссии Запада, но постепенно попадали в орбиту политических и экономических интересов России.

В течение времени с середины XVII до середины XIX вв. Тянь-Шань, как и раньше, не был объектом непосредственного изучения западноевропейских исследователей, если не считать вынужденное пребывание шведа Рената в калмыцком плену и астрономические изыскания иезуитов-миссионеров в Западном крае по распоряжению китайских властей. К сожалению, они не оставили географического описания посещенных стран. Ренат вывез из плена интересную калмыцкую карту Джунгарии, а работы иезуитов составили математическую основу новых карт Средней Азии вплоть до последней четверти XIX века. Некоторые данные по маршруту Кашгар—Коканд оставил индийский путешественник Мир-Иззет-Улла (1813)[3], бывший на службе у англичан.

Таким образом, географические представления Запада о природе Киргизии в Новое время не могли бази-

---

[1] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. III, 1953, Приложение.

[2] И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I., стр. 182.

[3] Маршрут Мир-Иззет-Улла приведен у К. Риттера (Землеведение Азии. Восточный или Китайский Туркестан, в. I, 1869, стр. 214—224).

роваться на оригинальные произведения западноевропейских исследователей. Поэтому ученые Англии, Германии, Франции и др. стран при картировании территории края или описании Тянь-Шаня опирались, с одной стороны, на китайскую и русскую географическую литературу XVIII и первой половины XIX вв., с другой — на средневековые, отчасти древние, источники, которые нашли широкое отражение в многочисленных картографических произведениях и компилятивных обозрениях.

Изображение территории Киргизии в трудах западноевропейских картографов

В течение XVII и первой половины XVIII в. в Западной Европе Тянь-Шань и Памир, как и прежде, изображали по устаревшим сведениям, заимствованным преимущественно из географии Птолемея и описаний средневековых путешественников. Характерны в этом отношении карты «Тартарии» С. Сансона д'Аббевилле (1654)[1], Кантелли (1683)[2], Г. д'Исте (1706)[3], карта Азии Н. Фишера (без года издания)[4] и др. Новая карта Российской империи Н. Витсена (1678), исправленная и дополненная позже (1704) Э. И. Идесом[5] также не дает ничего нового в познании края.

Определенный сдвиг в картировании географических объектов Киргизстана был сделан в 20-х—30-х годах XVIII в. Мы имеем в виду карты России Табберта (Штраленберга, 1730) и Зуетера (1736), калмыцкую карту Джунгарии, известную более как карта Рената 1738 г., Генеральную карту Китая, Китайской Тартарии и Тибета д'Анвилля (1737), карту Российской и Китайской Тартарии Хази (1730, издана в 1739 г.), созданные исключительно на основе русских и китайских материалов.

---

1 S. Sanson d'Abbeville. Descríption de la Tartarie, tiree en partie de plusieurs cartes etc., Paris, 1654.

2 Giacomo Cantelli. La Gran Tartaría diuisa nelle sue parti pricipali etc., Roma, 1683.

3 G. de l'Iste. Atlas nouveau, 1706. Об этой карте см. статью Н. Л. Корженевского «О старинных картах, хранящихся в Узбекистанском филиале Академии наук СССР», «Известия Узбекистанского филиала Академии наук СССР», в. 3, 1941, стр. 72.

4 N. Visscher. Asie nova delineatio.

5 N. Witzen—E. I. Ides. Nova Tabula Imperii Russici, 1678—1704

На карте Табберта[1] посреди страны располагаются горы Терек-Даван, служащие водоразделом систем Сыр-Дарьи и Тарима. Продолжаясь от меридионального Болора на север, они приблизительно под 44° с. ш. упираются в широтную горную цепь. Последняя начинается от правобережья Сыр-Дарьи под 92° в. д. (от Ферро) и тянется до 115° в. д. В Западной части она названа Арга-Тау или Арка-Ола, восточнее стыка с горами Терек-Даван — горы Адонкуриа, а дальше (от 103° в. д.) — Музартскими горами (хр. Халык-Тау). К территории Киргизии можно приурочить еще горы Санташ (хр. Қызыл-Қыя), Иеспера-Тау (Алайский и Туркестанский хребты), местоположения которых по широте даны исключительно верно. В целом удачно передано верхнее течение р. Сыр-Дарьи, один из истоков которой составляет Арыш (Арысь).

Из этого перечня видно, что Табберт (Штраленберг) впервые нанес на карту ряд новых объектов, неизвестных в Западной Европе. Располагая богатым фактическим материалом, особенно русскими источниками[2], автор пытался полнее представить орогидрографические элементы края, но не сумел до конца преодолеть влияние ложной Птолемеевой схемы строения гор Средней Азии. В то же время Табберт, не разобравшись в источниках, допустил явную путаницу в изображении отдельных гидрографических объектов, в частности оз. Иссык-Куль и р. Талас. На карте нанесены: оз. Иссык-Куль (у автора—Issec Kul или Kolan Usun) к юго-востоку от оз. Балхаш; оз. Сикуль у южного подножья горы Санташ (хр. Қызыл-Қыя) и, наконец, оз. Суткуль у западной оконечности Музартских гор между 43°—44° с. ш. и 103°—104° в. д. Первые два, несомненно, есть изображение одного и того же озера Иссык-Куль, а последнее, судя по положению (показано на 4° восточнее Ис-

[1] Nova descriptio geographica Tattariae magneatam orientalis quam occidentalis etc., 1730. Мы пользовались экземпляром карты Табберта, хранящимся в ЦГВИА (ф. ВУА, л. 19879).

[2] Ф. И. Табберт (впоследствии Штраленберг), шведский офицер, после пленения во время полтавской битвы, в течение 13 лет находился в Сибири и имел широкий доступ к русским картографическим и другим материалам, в т. ч. чертежам Ремезова, которыми и воспользовался.

сык-Куля), также может быть принято за оз. Иссык-Куль.

Грубо искажено и направление течения р. Талас. Она течет с севера (из озера под 52° с. ш.) на юг и, принимая в себя р. Тургай (?), впадает в р. Сыр-Дарья около 85° в. д. Р. Чу, известная по чертежам С. Ремезова, отсутствует на карте. Но почему-то фигурирует на ней обширное болотистое пространство, нанесенное к северу от верхнего течения Сыр-Дарьи и западу от гор Терек-Даван.

Карта Русской и Китайской Тартарии И. М. Хази (1730)[1] в изображении интересующего нас края представляет несомненный прогресс перед картой Табберта. На ней довольно удачно даны течения рр. Нарын, Талас и Чу (на карте Sui, Zui, Tschoi) с левым притоком, соответствующим Курагаты. Чу и Талас, как и на карте д'Анвилля, впадают соответственно в озера Кал-Гол и Сикирлик. Кроме реки Талас, нанесена еще р. Тараз, правый приток Сыр-Дарьи.

На карте Хази уже устранены ошибки Табберта в изображении оз. Иссык-Куль. Здесь четко нанесено одно, причем сходное по форме с Иссык-Кулем, озеро под названием Тускуль. У восточной оконечности его видны два заливчика, куда впадают реки, текущие подобно Тюпу и Джиргалану с юго-востока. Однако ширина и длина озера, показанные на карте, превышают его действительные размеры: длина более 200 км вместо 182 км, а ширина около 100 км вместо 58.

Орографические элементы карты Хази беднее гидрографических. Меридиональный Терек-Даван Табберта заменен менее выразительным Ароу-Тау. Мощной широтной горной цепи карты Табберта, простирающейся от Сыр-Дарьи через Музарт до Турфанской впадины, также нет. Вместо нее к западу от озера Тускуль (Иссык-Куль) в беспорядке разбросаны горы, из которых заметно выделяется цепь, напоминающая Каратау.

Карта Русской и Китайской Тартарии Хази отличается от карты Табберта более точным изображением ряда географических объектов Киргизии, а от карты д'Анвил-

---

[1] Tartaria Maioris five Asiatica Tabula qua proesertim complectit Tartariam Russicam, Tartariam Sinensem et Tartariam Inde, I. M. Hasii, 1730. Издана в 1739 г. в Нюрнберге.

ля — богатством содержания. Обращает на себя внимание почти идентичное нанесение некоторых объектов на картах Хази и Джунгарии («Карта Рената»), напр. оз. Балхаш, оз. Иссык-Куль, рр. Чу, Талас. Это объясняется по всей вероятности тем, что карта после составления (1730) подвергалась дополнениям и издана (1739) уже с учетом новых источников, особенно китайских, которые легли в основу Генеральной карты Китая, Китайской Тартарии и Тибета д'Анвилля (1737) и калмыцкой карты Джунгарии. Однако на карте сохранились город Баласагун между рр. Чу и Талас, город Берсагиан (Барсхан) на восточном берегу оз. Иссык-Куль и другие, переставшие существовать еще в средневековье.

Наиболее полным и удачным сводом географических знаний о Киргизии первой половины XVIII в. явилась калмыцкая карта Джунгарии, вошедшая в историю как карта Рената[1] (рис. 17).

Карта, кроме юго-восточной части Казахстана, части Западного Китая, охватывает и территорию всей современной Киргизии, т. е. пространство между 40°—45° с. ш. и 98°—107° в. д. (от Ферро).

Основные орогидрографические объекты Киргизстана получили на карте Джунгарии довольно верное и по-

---

[1] По этому вопросу см. А. И. Макшеев. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. «Записки РГО по общей географии», т. XI, 1888 с картой, озаглавленной „Songarizka Kalmukie hwarunder Kottonerne höra". Позже она была опубликована в „Petermanns Mitteilungen" (1911) под названием „Renats karte der Dsungarei, des Ost-Turkestan und Lop-nor, 1738".

Швед Иоганн Густав Ренат, возвращаясь в 1733 году из калмыцкого плена на родину, вывез с собой калмыцкую карту Джунгарии. Долгое время, пока не выяснилось ее калмыцкое происхождение, считалось, что она составлена Ренатом во время его семнадцатилетнего пребывания в плену. Но позже, в 1890 году, стало известно, что так называемая карта Рената на самом деле является лишь шведской копией калмыцкой карты Джунгарии, причем латинская транскрипция калмыцких названий, согласно В. В. Бартольда, была сделана в Петербурге при участии русского знатока калмыцкого языка Василия Бакунина. Кроме того, А. И. Макшеевым было высказано вполне резонное мнение о китайском происхождении данной карты. По этому вопросу см. наше сообщение, опубликованное в «Трудах Отдела географии и Тянь-Шаньской физико-географической станции Академии наук Киргизской ССР», в. I, 1958.

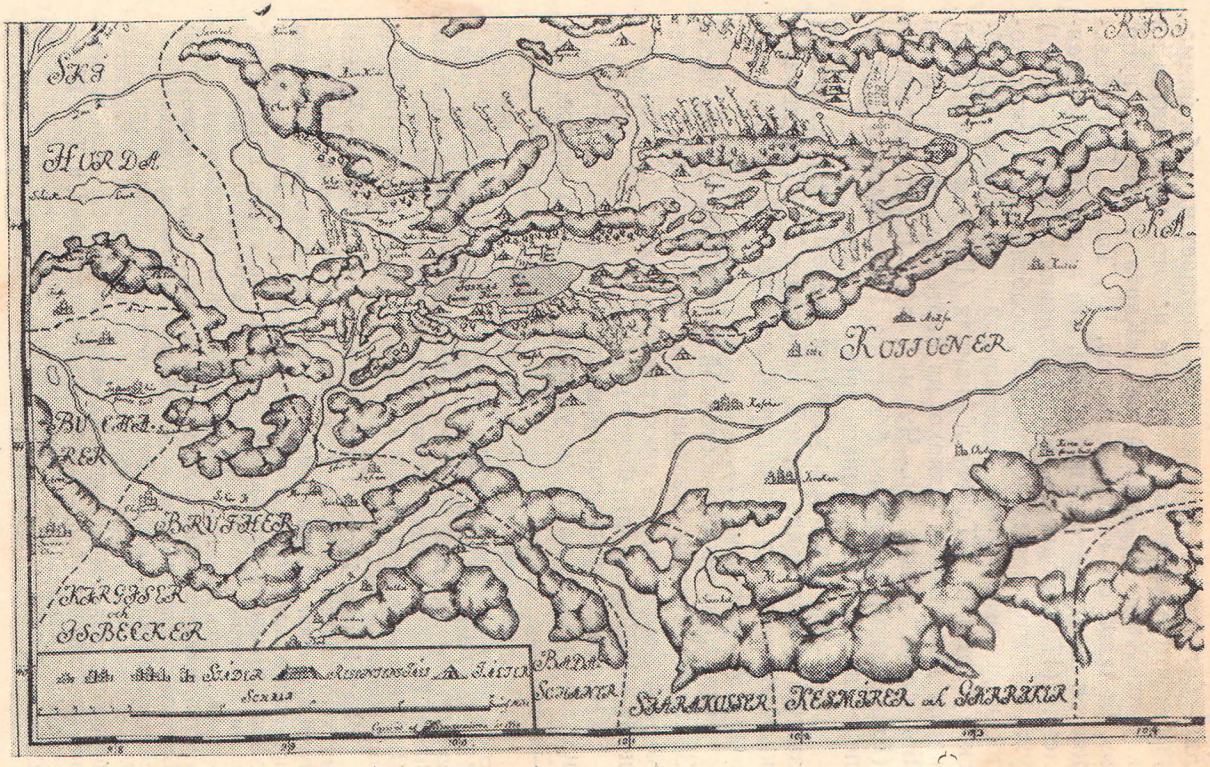

Рис. 17. Деталь калмыцкой карты Джунгарии первой половины XVIII в. («Карта Рената»).

дробное изображение. Наряду с очертаниями главных горных хребтов и крупных рек, нанесены и более мелкие реки, а также леса, города, кочевки и границы стран. Всего на территории Киргизии обозначено не менее 50 географических объектов, значительно больше чем на карте Табберта.

Удачно отражены на калмыцкой карте Джунгарии орографические особенности Тянь-Шаня: преобладание широтно-вытянутых хребтов с дугообразным строением, наличие межгорных долин. Хотя хребты в большинстве своем и не названы, тем не менее их не трудно расшифровать ввиду явного сходства в очертаниях и в географическом положении с существующими горными сооружениями. Так, можно уверенно признать в хребтах, окружающих озеро Иссык-Куль с севера и юга, соответственно Кунгей Ала-Тоо и Терскей Ала-Тоо. Водораздел между бассейнами Нарына и Тарима, ориентированный с северо-востока на юго-запад, это несомненно хребет Кокшаал-Тоо. Дугообразная цепь, окаймляющая долину р. Сыр-Дарьи с юга, составляет хребты Алайский и Туркестанский. Также легко можно установить очертания Заилийского Алатау, Киргизского и Таласского хребтов.

Некоторые хребты надписаны и значатся под современными названиями. Таковы горы Каратау—северо-западный отрог Тянь-Шаня, Тасминская гряда, хр. Сонкуль-Тоо, горы, составляющие Чу-Илийский водораздел: Кастекский хребет, Кантау, Джамбул.

Значительно более подробно представлена на карте Джунгарии гидрографическая сеть Киргизстана. Из рек Киргизии нанесены Чу, Талас, Нарын с рядом притоков, а также реки Иссык-Кульского бассейна.

Интересно изображение самого озера Иссык-Куль. Озеро названо Тускуль с прибавлением: «Здесь есть железный песок»[1]. Очертания озера даны лучше и вернее, чем во всех предыдущих картах. Однако оно уменьшено более чем вдвое. При максимальной длине в 182 км и ширине 58 км, озеро на карте Джунгарии имеет 82 км в длину и до 20 км в ширину.

Из притоков озера нанесены: с востока— Тюп и Джир-

---

[1] Имеется в виду, очевидно, магнитно-железистые образования, приносимые горными речками и отлагаемые по берегам озера.

галан с притоком Аршату (Ак-Су). Остальные пять притоков Джиргалана не надписаны; с юга—Джеты-Огуз, Джууку, Барскон, Тосор, Заган-Усун, обозначенный между Джеты-Огузом и Джууку, может соответствовать р. Чон-Қызыл-Су. С севера показано также шесть притоков, причем самый восточный из них назван Гуртан-Заин, а последующие два—три Бан-Заган-Усун, которые, по Н. А. Аристову, соответствуют трем Ак-Су.

Также подробно перечислена и система р. Чу. По карте Джунгарии у нее 9 левых притоков и ни одного правого притока. В числе левых притоков находим Шамси, Аршиту (Иссык-Ата), Заган-Усун (Ак-Су?), Қамбалту (Қара-Балты), Курагаты, Онарбиа (?). Правые притоки Чу—Кичи-Кемин, Қаракунуз, Ргайты не нанесены на карту, но на месте этих долин сделаны надписи соответственно: Бага-Кемин, Қаракумгуз, Шёмис. Верховьем р. Чу показан Еке-Кемин (Чон-Кемин). Кроме того, на месте рр. Кочкор и Қаракуджур, составляющих действительные истоки р. Чу, значатся изображения долин и надписи Кошкол и Қаракози без самих рек.

И. Исленьев, пользовавшийся при составлении рассмотренной выше карты, по-видимому, теми же китайскими источниками, что и автор карты Джунгарии, на месте Қаракуджурской и Кочкорской долин показывает рр. Қарагучар и Крош (Кочкор). Последний впадает в оз. Тузкуль-Нор (Иссык-Куль). Что касается отсутствия самих рек на «карте Рената», как и правых притоков р. Чу, то оно, вероятно, результат пропуска в шведской копии карты Джунгарии[1].

Наконец, о р. Нарын. Очертания реки на карте Джунгарии, в целом, переданы правильно. Река течет почти прямо на запад, образуя широкую долину между беспрерывной цепью гор. В бассейне Кёкёмерена обозначены все три главные его притоки: Сусамыр, Қаракол и Джумгал.

О Занарынской и юго-западной частях Киргизии авторы карты не располагали необходимыми достоверными сведениями. Поэтому топонимика этих районов представлена значительно слабее, чем Северной Киргизии. Кроме

[1] На пропуски в шведской копии калмыцкой карты указывал А. И. Макшеев («Известия РГО», т. XXVII, 1891, в. 6, стр. 583, 584).

того, здесь допущены грубые ошибки. Так, за верховье Нарына принята р. Ат-Баши, а р. Сыр-Дарья показана начинающейся с Внутреннего Тянь-Шаня на меридиане р. Чон-Кемин параллельно Нарыну.

В математическом отношении карта Джунгарии лучше карты России Табберта, но слабее карты И. Унковского. Астрономические указания карты оказались неверными и поэтому изображенная территория сжата со всех сторон к середине. К тому же имеется несоответствие между обозначением градусов и масштабом. Эти пороки карты, выясненные еще А. И. Макшеевым[1], не снижают ее достоинств как первого картографического произведения, давшего подробный и правдивый свод географических знаний о Киргизии, как важный источник в географическом познании края. Калмыцкая карта Джунгарии, наряду с картой р. Иртыша И. Исленьева, в течение целого столетия была лучшим картографическим изображением территории Киргизстана.

Что касается карты д'Анвилля 1737 г.[2], то она, составленная по материалам китайских съемок первой четверти XVIII в., имела, по сравнению с предыдущими картами, лучшую математическую основу. Здесь впервые в европейских картах изображены очертания внешней, юго-западной цепи Тянь-Шаня, соответствующей системе Кокшаал-Тоо. Другая цепь гор (Арга-Тау) протянута с юга-востока на северо-запад, а затем извилисто на север вдоль правобережья Сыр-Дарьи. Обе эти цепи гор соединяются на широте города Кашгар. В целом верно ориентировано течение рр. Чу и Талас, но истоки их отодвинуты слишком далеко на юго-восток. Озера Балхаш и Иссык-Куль отсутствуют.

Рассмотренные нами карты составляют важный этап для картографии Запада. В последующий период вплоть до известной карты Центральной Азии М. Ж. Клапрота 1836 г. в Западной Европе появилось немало карт азиатских стран. Однако они, как правило, явились компиля-

---

1 «Записки РГО по общей географии», т. XI, 1888, стр. 120.

2 На более поздних картах д'Анвилля (Карта Северной Азии, 1753, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20233; Карта Российской империи, 1759, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20233) в изображении орогидрографических объектах страны нет существенного прогресса.

цией русских и китайских источников, главным образом, трудов д'Анвилля и Исленьева и не внесли ничего нового в картирование интересующей нас области. Как пример можно указать на немецкую карту русского государства Гюссефельда (1786)[1], английские карты Азии Арроусмита (1801 г. и последующие издания)[2], французские — Бруэ (1814)[3] и др. И лишь карта Центральной Азии М. Ж. Клапрота (1836) внесла существенные изменения в представления о строении поверхности и гидрографической сети Киргизстана. Автором были широко использованы китайские карты, географические описания и дорожники, изданные со времени осуществления широких геодезических съемок и астрономических определений в Западном крае в середине XVIII в. В результате этого Клапроту удалось дать лучшее картографическое изображение Центральной Азии и части Средней Азии.

Карта во многом отражает реальную картину расположения хребтов и речной сети Киргизии. Особенно подробно нанесены системы рр. Чу, Талас, Нарын, бассейн оз. Иссык-Куль. Оз. Иссык-Куль по форме напоминает 4-угольник несколько вытянутый с запада на восток, принимает всего 31 приток, причем из него вытекает Кутемалдинка[4] и впадает в р. Коши-Куль (Кочкор). У р. Нарын обозначено 11 правых притоков. Система р. Чу дана по «Дайцин-итун-чжи».

На карте Клапрота еще немало погрешностей. Озеру Сон-Куль, вместо действительного его стока р. Кёкджерты, приписан ложный — Коротка (Куртку), вытекающий из юго-западной части озера. Р. Кара-Дарья принята за верхнее течение Сыр-Дарьи и показана параллельно р. Нарын, с которой соединяется на меридиане Андижана и т. д.

Содержание карты показывает, что Клапрот при составлении карты пользовался не только китайскими, но и

---

[1] Издана в Нюрнберге в картографическом заведении Гомана. Об этой карте см. упомянутую статью Н. Л. Корженевского, «Известия Узбекистанского филиала Академии наук СССР», 1941, в. 3, стр. 72—74.

[2] A. Arrowsmith. Asie, 1801.

[3] H. Brue. Carte encyprotype de l'Asie etc., Paris, 1814.

[4] Но раньше «поправляя» Исленьева Клапрот утверждал, что из оз. Иссык-Куль вытекает р. Чу («Magasin Asiatique», Vol. I, Octobre, Paris, 1825, стр. 24).

русскими материалами. Так, сведения о рр. Тарагай, Кутемалдинка и некоторых других им заимствованы из маршрутных данных русских купцов, добытых А. Гумбольдтом во время его путешествия по Западной Сибири в 1829 г.[1]; о местоположении киргизского рода Тынымсеит — с русской карты земель киргиз-казахов и Туркестана (1831) и др.

Карта Центральной Азии М. Ж. Клапрота явилась пределом достижений западноевропейской картографии. Опубликованные позже карты А. Дифура (1840)[2], А. Гумбольдта (1843)[3], Г. Киперта (1852—1864)[4], А. Петермана (1858)[5], А. и К. Блэк (1867)[6] и др. не могут превзойти рассматриваемый труд Клапрота в изображении основных географических объектов Киргизии и более того уступают ему во многих отношениях. И если учесть, что карта Центральной Азии была основана, главным образом, на китайских данных II половины XVIII в., то становится очевидным условность достижений и невысокий уровень западноевропейской картографии в изображении горной Средней Азии, а также ее зависимость в этом от китайских и русских источников.

К. Риттер и А. Гумбольдт о природе Тянь-Шаня

Однако картографические произведения еще не дают полного представления о географических познаниях Запада о природе Киргизии. Для этого надо обратиться к упомянутым выше трудам К. Риттера и А. Гумбольдта, которые представляют наиболее полный свод географических представлений, накопленных к середине XIX в. В них содержатся также первые попытки научного объяснения строения горной страны Тянь-Шань.

---

1 A. Humboldt. Asie centrale, т. III, стр. 368—370, 399—400.

2 A. H. Difour. Carte de la Chine et des Etats-Tributaires, Paris, 1840.

3 A. Humboldt. Chaînes de montagnes et volcans de l'Asie centrale, Paris, 1843.

4 Карты Г. Киперта: Turan oder Türkistan, Berlin, 1852; Neuer Hand Atlas, über alle Theile der Erde, Berlin, 1856; General-karte Asien, Weimar, 1864.

5 A. Petermann. Karte vom Russisch-Chinesischen Grenzgebiet am Balchasch und Issyk-Kul. «Petermanns Mitteilungen», Gotha, 1858.

6 Black's General Atlas of the new editon etc., Edinburgh, Adam and Charles Black, 1867.

Вся Средняя и Центральная Азия К. Риттеру представлялась «естественным типом очень высокого и обширного непрерывного нагорья, сильного надутья земной коры»[1]; массивные непрерывные плоскогорья, по его мнению, остаются преобладающими и, несмотря на наличие колоссальных ограничивающих их горных цепей, обусловливают характер пластики всего Азиатского материка. Это огромное нагорье автором делится на две части: Восточную нагорную Азию и Западную нагорную Азию, различные по строению, высоте и другим признакам. Область между меридианами 88° и 90° в. д. (от Ферро) или меридиональный Болор служит границей двух частей Азии.

Одной из особенностей плоскогорья считается преобладающее направление его горных цепей от ВЮВ к ЗСЗ и связанный с ним «замечательный параллелизм» окраинных хребтов, например, Куэнь-Луня и Тянь-Шаня.

Причину образовавшегося в Центральной Азии огромного «надутья земной коры», как и параллелизм хребтов, Риттер, вслед за Бухом и Гумбольдтом, видит в подземных силах или вулканических явлениях, где поднятие хребтов произошло по параллельным трещинам земной коры.

Тянь-Шань[2] автором относится к числу окраинных, параллельных хребтов. В отличие от Гумбольдта и Бергхауза, протягивающих Тянь-Шань от меридиана Самарканда до Тихого океана, Риттер принимал его в более узких рамках, ограничивая меридианами Кашгара и Хами в 250 географических миль (1870 км), причем основная часть хребта совпадает с 42° с. ш.

За самый высший пункт Тянь-Шаня принята трехглавая Богдо-Ола[3], от которой хребет понижается на запад и на восток. Затем он опять повышается на меридиане города Ак-Су, т. е. в области массива Хан-Тенгри. Западная часть горной системы (между пер. Музарт и меридиональным Болором) — Мустагский хребет, по Риттеру, считается сравнительно невысокой. Такой вывод ученый де-

---

1 К. Риттер. Землеведение Азии, т. I, СПб., 1856, стр. 46.

2 Горная система Тянь-Шаня или Небесных гор Риттером описывается во II томе его «Землеведение Азии» (СПб., 1859, стр. 7—171), дополненном П. П. Семеновым.

3 По современным данным высшей вершиной Тянь-Шаня является пик Победы с высотой 7439 м, а высота горы Богдо-Ола лишь — 5445 м (см. «Вопросы географии», Сб. 35, 1954, стр. 308).

лает из того, что горные перевалы, лежащие на пути из Иссык-Куля в Кашгар, нигде не превышают границу вечного снега. На этом отрезке Мустаг состоит из 3-х параллельных цепей: главной (горы Роват или Ат-Башинского хребта) и двух рядов предгорий, разделенных обширными продольными долинами. Северным предгорьем служит высокая гора Улакол, расположенная между р. Нарын и оз. Иссык-Куль, южным же—безыменный хребет (Торугарт) к югу от оз. Чатыр-Куль. Ширина всей Тянь-Шаньской системы на этом пространстве равняется 235 км. Восточнее, по маршруту Санташ-Учтурфан, Мустаг, по Риттеру, становится гористее и распадается на четыре ряда высоких горных цепей: Дунгуреме (один из отрогов Терской Ала-Тоо в верховьях р. Барскон), Джууку (хр. Терской Ала-Тоо), Келин-Тайгак (восточная часть хребта Борколдой) и Бедель (хр. Кокшаал-Тоо).

Из данной схемы видно, что Риттер, в противоположность многим своим предшественникам, уловил характерную черту строения Тянь-Шаня — преобладание параллельных, широтно вытянутых цепей. Однако строение Мустага он понимал упрощенно, сводя всю сложную горную систему на несколько второстепенных цепей. Горные сооружения, расположенные между оз. Иссык-Куль и Илийской долиной, рассматривались как северо-западная подошва Тянь-Шаня или уступообразная область нагорной Джунгарии.

Риттер много внимания уделял описанию вулканической природы страны. Незамерзаемость и другие свойства озера Иссык-Куль он пытается объяснить также вулканическими явлениями, но вынужден признать, что «о природе озера, кроме богатств его берегов железняком, нам ничего неизвестно, и мы даже не знаем заселены ли в настоящее время эти берега, и какова собственно температура его воды, от которой получило оно свое название»[1]. При этом Риттер настойчиво отстаивал мнение о сточности оз. Иссык-Куль и даже допускал, что из него вытекает не только р. Чу, но и речка Кутемалдинка.

В заключение укажем, что теоретической базой его далеко несовершенных и ошибочных положений явились ходовые в то время ложные концепции о существовании

[1] К. Риттер. Землеведение Азии, т. II., стр. 88.

«высокой Тартарии», огромного центрально-азиатского плоскогорья и вулканизма Тянь-Шаня. Первая из них, основанная на наивных донесениях средневековых путешественников, картографических схемах Палласа, Канта и т. д., возникла во II половине XVIII в., а вторая—в первой половине прошлого столетия благодаря Гумбольдту, одному из основателей вулканического направления в геологии.

Гумбольдт, хотя и признает развитие плоскогорий в Азии, однако отвергает гипотезу о едином огромном плоскогории в прежнем понятии. В то же время он допускает существование высокого Азиатского плато, ограничивая его 36—48° с. ш. и 79—116° в. д. (от Парижа). Ось плато направлена с юго-запада на северо-восток. Геологически это — главное поднятие Центральной Азии, оно древнее горных цепей. Плато-поднятие рассматривается так же, как ось всего Азиатского материка.

Несмотря на наличие большого плато и плоскогорий, характер рельефа Центральной Азии, по Гумбольдту, все же определяют высокие горные системы, удерживающие «удивительное постоянство» 2-х направлений: широтных и меридиональных. Среди них Тянь-Шань и Болор имеют непосредственное отношение к территории Киргизии.

Тянь-Шань[1] входит в число 4-х мощных горных сооружений широтного простирания, составляющих остов Внутренней Азии. Начинаясь на меридиане Самарканда горами Асфераг или Актау, Тянь-Шань—под 72° в. д. пересекается меридиональной цепью Болор. Затем он продолжается Теректагом (Алайский хребет), Гакшалтагом (Кокшаал-Тоо) и Темуртагом (Восточный Кокшаал-Тоо), имеющим северо-восточное направление. Далее к востоку от оз. Иссык-Куль, Тянь-Шань, изменив свое направление, протягивается между 42—43° с. ш. далеко на восток и заканчивается не доходя 70 миль до Печелийского (Чжилийского) залива. Кроме этой главной цепи, к системе Небесных гор относятся и хребты, расположенные к запа-

[1] Описание Тянь-Шаня Гумбольдом дано в двух основных трудах по геологии и географии Азии: Fragmente einer Geologie und Klimatologie Asiens, т. I. 1832, стр. 28—37; Asie centrale, 1843, т. II, стр. 7—120; на русском языке см. его кн.: Центральная Азия, т. I, М., 1915, стр. 115—129.

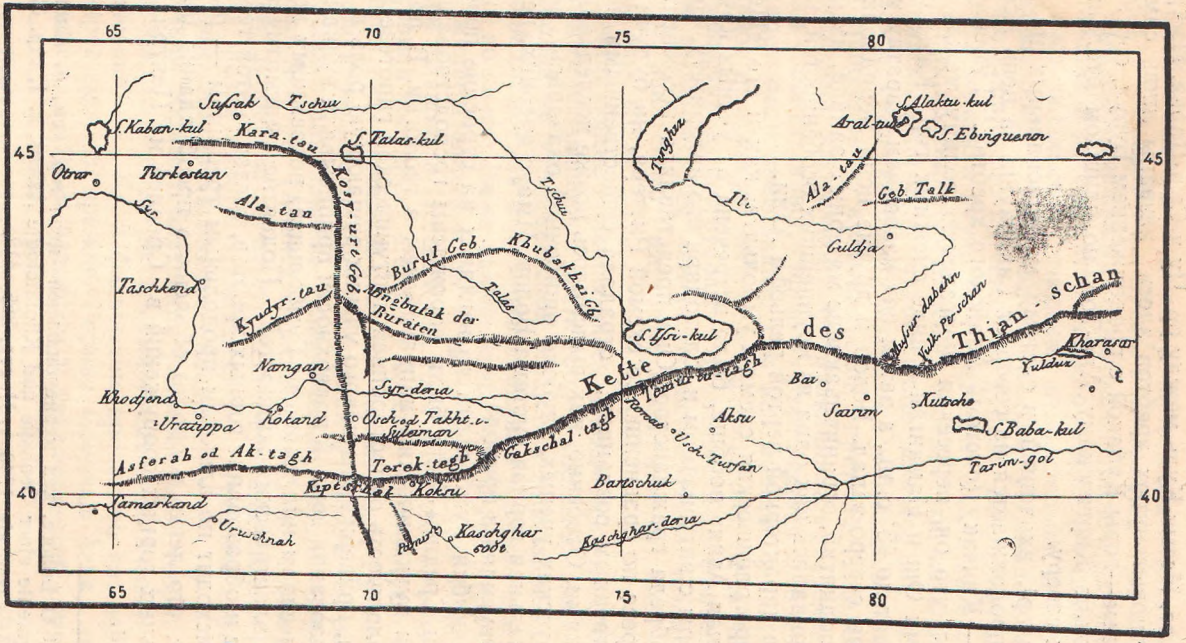

Рис. 18. Деталь карты Центральной Азии А. Гумбольдта 1843 г.

ду от оз. Иссык-Куль между рр. Чу и Сыр-Дарья. Из трех широтновытянутых хребтов здесь названы лишь самые северные—горы Кубакой с продолжением Бурул, соответствующие Киргизскому Ала-Тоо, но слишком отодвинутые к северу.

Болор[1], входящий в систему меридиональных поднятий, продолжается на север от Гиндукуша за цепь Асфераг — Кипчак (система Алайского хребта). Гумбольдт думал, что он, пересекая Ферганскую долину между городами Ош и Наманган в виде снежных гор Казыкурт, доходит до 45° с. ш., а затем под названием Каратау уходит на северо-запад. Болор и другие цепи меридиональных поднятий, ограничивающие материк с запада, им рассматривались как одна из крупнейших особенностей, наиболее характерной чертой рельефа Азии.

Орографическая схема Гумбольдта, как и его «Центральная Азия» вообще, была встречена в ученых кругах Европы с энтузиазмом и, благодаря его авторитету, сразу же обрела гражданство. Она представляла несомненный прогресс по сравнению со схемой Риттера, но будучи искусственным созданием, страдала существенными недостатками. Особенно, как выяснилось позже исследованиями русских ученых, глубоко ошибочной оказалась меридиональная горная система Болор, Имаус древних, не существующая в природе.

Ошибки Гумбольдта во взглядах на строение поверхности Средней Азии были порождены господствовавшим тогда вулканическим направлением в геологии. В противоположность односторонней нептунической гипотезе Вернера, приверженцы нового учения решающую роль в преобразовании земной поверхности приписывали вулканическим силам или, словами Гумбольдта, подземному действию эластических жидкостей. Поднятие магматических масс и образование горных хребтов, согласно этой теории, происходит по длинным продольным трещинам — разломам, что легко и просто объясняло преобладание параллельных горных сооружений в Средней и Центральной Азии.

---

[1] О Болоре, как меридиональной цепи гор, см. A. Humboldt. Fragmente einer Geologie und Klimatologie Asiens, т. I, стр. 32—33, 36; Asie centrale, 1843, т. II. стр. 365—412.

Особое место в системе вулканических поднятий Гумбольдта занимает Тянь-Шань. Представление об его вулканизме складывалось из скудных и отрывочных указаний китайских и русских источников о «горящих» горах. «Несколько любопытных сведений относительно вулканических явлений» Тянь-Шаня собрал сам Гумбольдт во время своего сибирского путешествия (1829). Вот, по-существу, чем располагала наука во II четверти XIX века о вулканических явлениях в Небесных горах. Эти, казалось бы сомнительные и явно недостаточные для далеко идущих выводов, сведения были положены Гумбольдтом в основу его концепций о вулканической природе Тянь-Шаня. Увлеченный магической идеей вулканизма и стараясь всячески укрепить новое учение он стал оперировать с этими ненадежными сведениями. Его не смущало и континентальное положение Небесных гор, отличное от истинного размещения существующих вулканов. Так фантастическим воображением «великого систематика» возникла в центре азиатского материка обширная вулканическая цепь Тянь-Шань.

Действующие вулканы здесь находились в средней, наиболее возвышенной части горной системы, названной Гумбольдтом вулканической областью Бишбалиг с трехглавой Богдо-Ола и мощным вулканом Пешань или Байшань во главе. Даже указывалось точное географическое положение Пешана 40°30′ с. ш. и 74° в. д. (от Парижа). Озера Алаколь и Иссык-Куль, гора Куллок (Кулуктау) составили западную, а вулкан Хочеу — восточную окраину этой вулканической области. Кроме того, Гумбольдт, не критически восприняв сообщения арабских географов, допускал существование вулканической группы Буттем в в горах Асфераг (Алайская система хребтов), а Большой Кавказ принимал за продолжение вулканического Тянь-Шаня, разделенного от последнего огромной страной-кратером Арало-Каспийской впадиной[1].

Таким образом, благодаря универсальной теории вулканистов, легко объяснялись «многие геогностические (геологические.— С. У.) и физические проблемы, казавшиеся неразрешимыми» прежде. Горная Средняя Азия, отличающаяся сложным рельефом и тектонической структу-

[1] А. Гумбольдт. Центральная Азия, стр. 57.

рой, превратилась в страну с «замечательно простым» орографическим и геологическим строением. Гумбольдт, по словам П. П. Семенова, верил в существование вулканов Небесного хребта почти столько же, сколько Колумб в существование Нового Света[1]. Он гордился «учением» о вулканизме Тянь-Шаня как своим детищем. Однако эта гипотеза Гумбольдта стала рушиться как беспочвенное, искусственное создание еще при его жизни непосредственными исследованиями русских ученых, возвестивших новую эру в географическом изучении не только Киргизии, но и всей Средней Азии. Такая же участь ожидала и его искусственную орографическую схему Центральной Азии, которая была коренным образом пересмотрена русскими учеными во II половине XIX века и заменена новыми реальными положениями, основанными на анализе геологических и физико-географических особенностей страны.

Таким образом, к середине XIXв. западноевропейская наука располагала довольно значительными географическими сведениями и картографическими материалами о территории Киргизии, заимствованными из китайских и русских источников.

На их основе К. Риттер в своем классическом труде «Землеведение Азии» дал наиболее полный свод географических знаний о природе горной страны Тянь-Шань; А. Гумбольдт начертил схему орографического строения Средней Азии и обосновал гипотезу о вулканизме Тянь-Шаня; М. Ж. Клапрот на карте Центральной Азии лучше и более удачно, чем прежде, изобразил многие географические объекты Киргизстана.

Однако это были лишь самые общие схемы орографической и гидрографической сети страны, а также первые попытки научно обосновать геологическое строение Небесных гор.

В целом же географические представления Запада о природе Киргизии, о горной стране Тянь-Шань в середине XIX в. оставались все еще на низком уровне.

---

[1] П. П. Семенов. Предисловие переводчика, в кн. К. Риттер. Землеведение Азии, СПб., 1859, стр. 33.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многочисленные географические и картографические материалы различных эпох и времен, представителей Востока и Запада, показывают процесс постепенного расширения знаний о природных условиях Киргизии.

Крупный вклад в географическое изучение страны внесли китайские исследователи, которые начиная с II в. до н. э. пересекая различные цепи Тянь-Шаня, неоднократно посещали территорию Киргизстана. Наиболее ранние и правдивые описания физико-географических условий и хозяйства края принадлежат китайским путешественникам Чжан Цяню (II в. до н. э.) и Сюань Цзану (VII в.). На китайских картах, начиная с рубежа нашей эры, намечаются реальные контуры основных орогидрографических объектов страны. В результате широких изысканий (астрономические определения, съемки, статистические описания и т. д.) китайцев в Западном крае, осуществленных во II половине XVIII в., были получены новые обширные материалы, послужившие основой для географических представлений Нового времени о природе Киргизии.

В средние века немалую роль в расширении географических знаний сыграли арабские (Ибн Хордадбех, Истахри, Макдиси, Идриси и др.) и среднеазиатские (Бируни, Махмуд Кашгарский, Мухаммед Хайдар и др.) ученые и отчасти западноевропейские путешественники (П. Карпини, Г. Рубрук, М. Поло). Особенно большими для того времени познаниями по географии края обладал неизвестный персоязычный географ X в. автор замечательного сочинения «Худуд ал-Алам». Махмуд Кашгар-

ский на своей карте Мира (XIв.) предложил интересную схему расположения хребтов Средней Азии, состоящую из ряда широтных и меридиональных цепей. Аналогичную идею на орографическое строение Средней Азии намного позже развивал и А. Гумбольдт.

Начиная с XVIII в., инициатива в географическом изучении Киргизстана перешла к русским, которые, благодаря политическим и торговым связям с киргизскими племенами, к середине XIX в. накопили сравнительно богатый фактический материал о природных условиях, экономике и населении страны.

Таким образом, по мере общественного развития (разрушения старых, победы и упрочения новых производственных отношений), быстрого подъема науки и культуры, установления политических и хозяйственных связей между народами неуклонно прогрессировали географические знания, расширялись рамки географических представлений. К концу рассматриваемого периода наука располагала значительными расспросными и оригинальными сведениями о природе и хозяйстве Киргизии, что дало возможность создать первые сводки географических знаний (Риттер, Нифантьев) и научно обосновать орографическое и геологическое строение страны (Гумбольдт).

К середине XIX в. сложилось представление о Тянь-Шане как системе широтновытянутых хребтов, пересеченных на западе меридиональной цепью Болор, созданных вулканическими процессами и обладающих современными действующими вулканами. В отношении гидрографической сети в это время также было распространено мнение о гидрографической связи оз. Иссык-Куль с р. Чу и о р. Гулишане (Кара-Дарья) как Верхней Сыр-Дарье.

Хотя по ряду районов (оз. Иссык-Куль, Чуйская и Ферганская долины и др.) имелись детальные описания, все же большая часть страны (бассейны рр. Нарын, Сары-Джаз, Кара-Дарья, Чаткал и др.) оставалась, по существу, неизвестной для науки и на географических картах первой половины XIX в. многие объекты комбинировались произвольно, наугад, а иногда изображались вовсе несуществующие объекты. В этом сказывалось не только отсутствие точных, достоверных данных и съемок местности, но и надежных астрономических определений. Координаты пунктов, содержащиеся в трудах средневе-

ковых авторов, а также определенные иезуитами во II половине XVIII в. преимущественно путем подсчета маршрутных данных, отличаются от действительных.

Таковы главные итоги географического изучения Киргизии до середины XIX века. Они свидетельствуют о том, что географические представления о горной стране Тянь-Шань в целом оставались самыми общими, поверхностными. Описательная, созерцательная география древних и средневековых авторов, да и ученых Нового времени, довольствовалась скорее констатацией фактов, чем выявлением и объяснением их причинных связей, установлением закономерностей явлений. Поэтому географическая изученность страны, несмотря на многовековую историю и обилие фактического материала, находилась в зачаточном, младенческом состоянии. И был прав Ч. Ч. Валиханов, один из выдающихся исследователей края, считая территорию Киргизии трудным научным ребусом,—это было вполне закономерно для общественно-исторических условий середины прошлого столетия. Честь решения этого «трудного научного ребуса» принадлежит русским ученым, открывшим новую эру в истории географического изучения Киргизии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

От редактора 2
Предисловие 3
Древние географические известия о природе Киргизии . . . 7
Киргизстан в трудах средневековых авторов 19
Сообщения китайских путешественников 20
Исследования Сюань Цзана 20
Географические известия «Таншу». Изображение территории Киргизии на китайских картах 27
Описания Чан Чуня 40
Сведения арабских и среднеазиатских географов и картографов 43
Арабские и среднеазиатские географы о городах и экономике Киргизстана 45
Арабские и среднеазиатские географы о природе Киргизстана 58
Представления западноевропейских географов и картографов о природе Киргизстана 75
Развитие географических знаний о природе Киргизии в XVII—XIX вв. 81
Ранние географические представления русских о природе страны 81
Первые географические сведения и карты 82
«Академические» экспедиции 1768—1774 гг. и расширение географических познаний о природе Киргизии 88
Русские путешественники в Киргизии в первой половине XIX в. 95
Природа Киргизии по представлениям китайских ученых XVIII и первой половины XIX вв. 114
Природа Киргизии по представлениям западноевропейских географов и картографов XVII—первой половины XIX вв. 129
Изображение территории Киргизии в трудах западноевропейских картографов 130
К. Риттер и А. Гумбольдт о природе Тянь-Шаня . . 139
Заключение 147

КАНТСКАЯ
Районная библиотека
ИНВ. № 23203

Садыбакас Умурзаков

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ КИРГИЗИИ

Редактор *Р. Д. Забиров*
Оформление *А. Холодулькина*
Худож. редактор *И. А. Ефимов*
Технич. редактор *А. Бейшенов*
Корректоры *П. С. Лесничая, А. А. Берзина*

Сдано в набор 20/XI-1958 г. Подписано к печати 23/IV-1959 г. Д—01818. Бумага 84X108$^{1}/_{32}$, 4,75 физич. печ. л., 7,79 условн. печ. л., 7,6 уч.-изд. л. Тираж 5000 экз. Заказ № 2904. Цена без переплета 2 р. 30 к. Переплет 1 р. 50 к.

Фрунзе, типография № 1 Полиграфиздата Мин. культ. Кирг. ССР.